

A
DARK
PSYCHOLOGICAL
ROMANCE

НЕЖНЫЙ МУЖ

ISACATMEOW

18+

isacat meow

Нежный муж

<https://litres.ru/74367992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клэр Уитмор встретила Габриэля Наварро случайно — на горной тропе, где неудачное падение оставило её без возможности самостоятельно спуститься вниз. Спокойный незнакомец помог ей, донёс до безопасного места и исчез из её жизни так же тихо, как появился.

Но судьба свела их снова.

Спустя годы Габриэль становится для Клэр идеальным мужем: заботливым, надёжным, терпеливым отцом их детей. Он никогда не повышает голос, всегда знает, что делать, и рядом с ним её жизнь кажется удивительно спокойной.

Пока однажды прошлое не начинает возвращаться.

Исчезнувшая женщина. Старое полицейское расследование. Несколько смертей, между которыми обнаруживается слишком много совпадений. И вопросы, на которые Габриэль упорно не хочет отвечать.

Клэр всегда была уверена, что знает человека, с которым делит дом, постель и семью.

Теперь ей придётся понять, насколько хорошо можно знать собственного мужа — и что делать, если человек, которого ты любишь больше всех, хранит тайну, способную изменить всё.

isacat meow

Нежный муж

ГЛАВА 1

Он спустит её с горы

Женщина всё ещё была в сознании, когда лезвие вошло в её кожу. В руке мужчины был узкий обвалочный нож. Он приложил кончик к коже на её талии и медленно повёл вниз, следуя естественным линиям тела. Сначала осталась лишь тонкая, как волос, красная полоска.

Лезвие вошло глубже, и полоска раскрылась. Из раны сразу выступила кровь, потекла по бледной талии и животу женщины и закапала на прозрачный пластик под ней.

— А-а!

Она резко запрокинула голову, и крик взорвался в тесной хижине. Широкие кожаные ремни намертво удерживали все четыре конечности на длинном столе. Женщина отчаянно дёргалась, запястья и лодыжки тёрлись о грубые ремни, пока уже содранная кожа не начала кровить снова.

— Пожалуйста... пожалуйста, отпустите меня!

Она рыдала так сильно, что едва могла дышать. Спутанные волосы, мокрые от слёз и пота, липли к лицу. Женщина попыталась повернуть голову и разглядеть того, кто стоял рядом со столом, но лампа, подвешенная к балке, была пря-

мо в глаза. Она видела лишь высокий тёмный силуэт мужчины. Он не отвечал. Голова его оставалась опущенной, словно он вовсе не слышал её плача.

Нож продолжал двигаться вдоль разреза, медленно отделяя кожу от плоти под ней. При каждом движении лезвия мышцы вокруг раны подрагивали от её судорожных попыток вырваться.

— Нет... не режьте меня больше!

Голос охрип. Тело снова выгнулось, из горла вырвался надломленный всхлип. Движения мужчины оставались такими же ровными. Пальцами в перчатках он зажал край отслоившейся кожи и осторожно приподнял его. Когда кожа потянулась от тела, с её внутренней стороны вытянулись влажные волокнистые нити жира и фасции. Кровь хлынула из обнажённых тканей и потекла по телу в складки пластиковой плёнки.

Её крик превратился во что-то почти нечеловеческое. Она яростно мотала головой, из уголков глаз текли слёзы.

— Нет! Пожалуйста...

Рука мужчины замерла. На одно отчаянное мгновение ей показалось, что мольбы наконец до него дошли. В её рваном дыхании снова появилась надежда.

— Я не позвоню в полицию, — торопливо заговорила она.

— Клянусь. Я никому ничего не скажу. Я не видела вашего лица. Я даже не знаю, кто вы. Пожалуйста... мама ждёт меня дома...

Он по-прежнему молчал. Остановился он лишь потому, что женщина дёргалась слишком сильно. Почти полностью отделённый лоскут кожи едва не разорвался посередине. Мужчина посмотрел на разрез — теперь уже не такой аккуратный, как ему хотелось, — и крепко прижал ладонь к её животу.

— Нет...

Последняя надежда исчезла с её лица, когда она увидела, как он снова берёт нож.

— Нет! Пожалуйста!

Он просунул тонкое лезвие между кожей и плотью и перерезал оставшиеся перемычки ткани. Одно движение вниз — и кусок кожи наконец отделился. Кровь хлынула из открытой раны, быстро окрашивая прозрачный пластик под ней в красный. Женщина раскрыла рот, но несколько секунд не могла издать ни звука. Её тело забилося на столе. Лицо побелело, дыхание стало поверхностным и прерывистым.

Мужчина поднял только что снятый кусок кожи к свету. Он всё ещё был тёплым. С краёв размеренно капала кровь. С внутренней стороны свисали жёлтый жир, сгустки крови и несколько обрезков мягких тканей, которые слегка покачивались в воздухе. Кап. Капля крови ударилась о поднос из нержавеющей стали рядом со столом. Кап. Ещё одна. Несколько секунд он рассматривал кожу, а затем разложил её на чистой пластиковой доске.

Потом взял нож с ещё более тонким лезвием. Медленно

провёл им по внутренней стороне, слой за слоем срезая прилипший жир и остатки плоти. Скользящая ткань собиралась на кромке ножа, и он терпеливо счищал её в стоявший рядом металлический таз. Голова женщины упала набок. Взгляд уже не мог сфокусироваться.

— Не надо...

Её губы дрожали.

— Пожалуйста... не надо...

Мужчина на неё не смотрел. Всё его внимание было поглощено кожей. Время от времени он подносил её к лампе, проверяя, не осталось ли на ней крови или ткани.

— М-м... м-м-м...

Вдруг из его горла полилась тихая мелодия. Нежная колыбельная. Он напевал себе под нос, не прекращая работу. Кончиком ножа снял последний приставший кусочек ткани, затем взял чистую марлю и медленно стёр кровь с поверхности кожи. Голос был тихим и ровным.

Будто он стоял не в хижине, пропитанной запахом крови, а в ночной спальне, держал на руках ребёнка, который никак не хотел засыпать, и терпеливо уговаривал его закрыть глаза. Дыхание женщины становилось всё слабее. В последний раз открыв глаза, она увидела лишь тусклый блеск лезвия под лампой — и кусок кожи, который ещё недавно был частью её тела. Веки медленно опустились.

Мужчина отложил нож и прижал два пальца к её шее. Через несколько секунд убрал руку и взял другое лезвие. Сна-

ружи ветер шевелил деревья. Ветки бесконечно скреблись по крыше, издавая тонкий тягучий шорох. Тяжёлые тёмные шторы слегка колыхались от сквозняка, пробивавшегося под дверью, но недостаточно сильно, чтобы выпустить наружу хоть полоску света. Мужчина продолжал напевать колыбельную.

И его руки ни на миг не останавливались.

Годом ранее.

Клэр Уитмор смотрела на карту маршрута в телефоне, когда наступила на камень. Накануне ночью прошёл дождь. Мох на камне влажно блестел, к поверхности прилипло несколько тёмных подгнивших листьев. Стоило туристическому ботинку коснуться камня, как подошва резко поехала вперёд. Клэр даже не успела вскрикнуть — равновесие уже было потеряно.

Она инстинктивно потянулась к ближайшей ветке, но пальцы лишь скользнули по мокрым листьям.

— А-а!

Клэр покатилась вниз по склону. Сначала плечом ударились о грязь. Рюкзак на спине врезался в торчащий корень и выбил воздух из лёгких. Не успела она прийти в себя, как по инерции перевернулась ещё два раза. Мелкие камни и сложенные веточки царапали руки и щёку. Она вскинула обе руки, пытаясь защититься, но в суматохе левая нога застряла между двумя камнями.

Глухой удар отдался в лодыжке. Следом по голени про-

стрелила резкая боль.

— С-с...

Клэр свернулась на мокрой земле и несколько секунд лежала неподвижно. Глаза были зажмурены, пальцы сжимали сухие листья, пока она ждала, когда утихнет тошнотворная волна боли. В лесу было слишком тихо. Только её собственное сбившееся дыхание да шелест ветра высоко в кронах. Клэр открыла глаза и, упираясь в грязь, приподнялась.

Светлая куртка и джинсы были перепачканы, на правой ладони зияла неровная ссадина. В ранку набились крошечные камешки и жгли словно огнём. Но с рукой всё было явно не так плохо, как с ногой. Клэр посмотрела на левую лодыжку. Та распухла прямо на глазах. Она осторожно пошевелила пальцами ноги. Новая вспышка боли пронзила голень. Клэр резко втянула воздух и тут же перестала двигаться.

— Да вы издеваетесь...

Она уставилась на лодыжку, и теперь подступила настоящая паника. Надо было всё-таки взять Ханну с собой. Накануне вечером Ханна позвонила и спросила, не хочет ли Клэр, чтобы она пошла с ней в парк штата Норт-Ридж.

Клэр тогда только рассмеялась. Ханна накануне отработала ночную смену и уснула на диване, даже не сняв обувь, в которой вернулась домой. Клэр настояла, чтобы подруга осталась отдыхать, и пообещала идти по самому лёгкому маршруту — тропе Пайн-Холлоу — и никуда не сворачивать. Что там сказала Ханна?

— Клэр, лучше запомни собственные слова. Каждый раз, когда ты обещаешь никуда не сворачивать, ты оказываешься там, куда больше никто не ходит.

И вот теперь Клэр не просто ушла с основной тропы — она скатилась со склона и даже встать не могла. От досады она закрыла глаза.

— Надо было тебя послушать, Ханна...

Она сунула руку в карман куртки, чтобы достать телефон и вызвать помощь. Пальцы наткнулись на пустоту. У Клэр всё оборвалось внутри. Она проверила второй карман, потом оба кармана джинсов. Ничего.

— Нет. Нет-нет...

Она обернулась. Телефон лежал в нескольких метрах выше по склону, экраном вниз, зажатый между двумя камнями. Должно быть, выпал из кармана во время падения. Клэр смотрела на него пару секунд, а затем с облегчением выдохнула.

— По крайней мере, я тебя вижу.

Опираясь на правую ногу и держась за ближайший ствол, она попыталась подняться. Едва левая стопа коснулась земли, сустав пронзила режущая боль.

— А-а!

Колено подогнулось, и Клэр снова рухнула в грязь. На глаза навернулись слёзы. Она обхватила голень и некоторое время сидела так, прежде чем снова поднять голову. В лесу уже темнело. Высокие деревья закрывали почти всё небо. Холод-

ный, сырой после ночного дождя горный воздух пробрался под воротник куртки. А ведь у этого маршрута в интернете было столько хороших отзывов.

Перед походом Клэр была уверена, что по дороге встретит других туристов. Но за всё это время не увидела ни одного человека — даже далёких голосов не слышала. Как сегодня на тропе могло не быть вообще никого? Чем дольше она об этом думала, тем сильнее жалела, что пошла одна. Ханна ведь действительно предлагала пойти вместе.

Пусть бы всю дорогу жаловалась на усталость — зато Клэр сейчас не сидела бы здесь одна. Она сняла рюкзак и достала складную треккингую палку. Раздвинув её на полную длину, наклонилась вперёд и попыталась подцепить телефон наконечником. Металл стукнул по чехлу, но зацепиться не смог. Стиснув зубы, Клэр продвинулась ещё немного.

Повреждённая ладонь вдавилась в мокрую землю, и песчинки забились в рану ещё глубже. Лицо исказилось от боли, но останавливаться она не решилась.

— Давай... ещё чуть-чуть...

Наконец палка зацепила край телефона. Он сдвинулся к ней на несколько сантиметров. Клэр уже начала расслабляться, когда телефон вдруг выскользнул из камней и покатился вниз.

— Нет!

Она резко вытянула палку, но наконечник лишь задел угол. Телефон несколько раз подпрыгнул и исчез в кустах

ниже по склону. Клэр замерла. Она смотрела на кусты, чувствуя, как тревога всё сильнее сдавливает грудь.

— Вы серьёзно?..

Голос начал срываться. До телефона не добраться. Ходить она не может. И, как назло, сегодня на этом участке тропы никого. Клэр вытерла уголок глаза тыльной стороной ладони и заставила себя успокоиться. Нельзя сидеть здесь до темноты. Нужно, чтобы её кто-нибудь услышал. Она подняла голову и крикнула в лес:

— Эй! Есть кто-нибудь?

Голос разнёсся между деревьями и почти сразу растворился в ветре. Ответа не было.

— Меня кто-нибудь слышит? — крикнула она снова. — Я ранена!

Где-то вдали коротко вскрикнула птица. В остальном лес молчал. Клэр крепче сжала треккингую палку. Внезапно она вспомнила, что даже родителям не сказала, по какому именно маршруту собирается идти. Ханна знала, что она отправилась в парк Норт-Ридж, но не знала, через какой вход Клэр заходила.

Даже если после наступления темноты кто-то поймёт, что она не вернулась домой, быстро найти её будет непросто.

— Гениально, Клэр, — пробормотала она себе под нос.

И тут где-то за спиной послышался хруст сухих листьев под чьими-то шагами. Хруст. Хруст. Всё тело Клэр напряглось. Кто-то приближался. Шаги были неторопливыми, ров-

ными и ритмичными — совсем не похоже на мелкого зверька. Она сильнее стиснула палку. Сердце заколотилось о рёбра.

— Эй?

Слово прозвучало осторожно. Шаги остановились. Лес снова погрузился в тишину. Затаив дыхание, Клэр смотрела в темнеющие промежутки между деревьями. Вдруг она уже не понимала, чего хочет больше: чтобы там оказался человек — или чтобы там вообще никого не было. Через несколько секунд из-за деревьев донёсся низкий мужской голос:

— Я слышал, кто-то звал на помощь.

Часть напряжения ушла из плеч Клэр.

— Это я! — тут же откликнулась она. — Я упала. Повредила лодыжку!

Шаги возобновились. Между двумя соснами появился высокий мужчина. На вид ему было лет двадцать восемь-двадцать девять. На нём была тёмно-серая ветровка и тёмные туристические брюки, за плечами — обычный чёрный рюкзак. Короткие тёмно-каштановые волосы растрепал ветер. Кожа была слегка смуглой, а черты лица выдавали смешанное происхождение. Увидев Клэр, сидевшую ниже по склону, он остановился.

Вместо того чтобы сразу броситься к ней, мужчина сперва осмотрел местность вокруг.

— Головой не ударились?

Голос был спокойным.

— Нет. — Клэр быстро покачала головой. — Только лодыжка. Я поскользнулась вон там наверху и теперь вообще не могу встать.

— Сознание теряли?

— Нет.

— Тошнит? Голова кружится?

— Нет.

Только после этого он спустился к ней по более пологой части склона. Остановился в двух-трёх шагах, не пытаясь сразу прикоснуться.

— Кроме лодыжки что-нибудь болит?

Клэр подняла правую руку, показывая содранную ладонь.

— Поцарапалась о камни. В остальном вроде всё нормально.

Она втянула воздух сквозь зубы и, несмотря на боль, криво улыбнулась.

— По крайней мере, в ближайшее время я, наверное, не умру.

Мужчина посмотрел на неё.

— Не будем торопиться с выводами.

Клэр моргнула, а потом невольно рассмеялась. Через секунду ей самой стало немного нелепо от того, что она умудряется смеяться в такой ситуации. Мужчина слегка наклонился к ней.

— Я могу осмотреть лодыжку, но придётся коснуться вашей ноги. Не возражаете?

Клэр внимательно его изучила. Орехово-карие глаза смотрели спокойно. Он не рассматривал её с любопытством и не пытался слишком усердно изображать спасителя. Клэр немного расслабилась.

— Хорошо.

Он присел перед ней на корточки.

— Я Габриэль, — представился мужчина. — Габриэль Наварро.

— Клэр. Клэр Уитмор.

— Рад познакомиться, Клэр.

Габриэль посмотрел на грязь, покрывавшую её штанины.

— Хотя подозреваю, знакомиться с кем-то именно так вы бы не выбрали.

Клэр снова улыбнулась.

— Однозначно нет.

Сначала Габриэль осмотрел голень и колено. Убедившись, что явной деформации нет, переместил руки к лодыжке. Ладони у него были большие, но прикосновения — неожиданно бережные.

— Здесь больно?

— Немного.

— А здесь?

Стоило его пальцам коснуться внешней стороны лодыжки, как Клэр резко отдернула ногу.

— Очень.

Габриэль тут же убрал руку.

— Хорошо. Больше туда не трону.

Несколько секунд он изучал отёк.

— Похоже на сильное растяжение, но без рентгена я не могу исключить небольшой перелом. На эту ногу лучше не наступать.

Клэр посмотрела на лес, который с каждой минутой становился темнее. Паника, которую ей удалось подавить, снова начала подбираться.

— А телефон у меня укатился ещё ниже по склону.

— Когда проходил там внизу, видел что-то блестящее возле кустов. — Габриэль проследил взглядом за её рукой. — Наверное, это он.

— Он туда скатился. Я сейчас не могу до него добраться.

Габриэль поднялся и поставил рюкзак рядом с ней.

— Подождите здесь.

— Там скользко, — сразу предупредила Клэр.

— Буду осторожен.

Он спустился ниже. Клэр осталась на месте и смотрела, как его спина исчезает за кустами. Облегчение, которое принесло его появление, начало рассеиваться, едва он пропал из виду. На одно нелепое мгновение ей пришло в голову, что он может решить, будто с ней слишком много хлопот, и просто уйти другой дорогой. Но вскоре из-за кустов снова слышались шаги.

Габриэль показался на склоне. В руке у него был её перепачканный грязью телефон.

— Нашёл.

Клэр наконец выдохнула.

— Спасибо.

— Экран немного треснул, но телефон включается.

Он протянул его ей. Клэр сразу зажгла экран. В правом верхнем углу по-прежнему не было сигнала.

— Почему связи всё ещё нет?..

— Мы слишком далеко от основной тропы, — сказал Габриэль. — Когда приблизимся к Пайн-Холлоу, сигнал должен появиться.

— Далеко до основной тропы?

Габриэль огляделся.

— Минут сорок.

Клэр уставилась на него.

— Сорок минут?

— Обычным шагом.

Она посмотрела на лодыжку. Какие сорок минут. Она и четырёх шагов не сделает.

— Я не могу идти.

Голос стал тише.

— Знаю.

Габриэль не стал её упрекать и не выглядел раздражённым. Он присел, открыл рюкзак и достал рулон эластичного бинта и складную шину. Клэр уставилась на всё это.

— Вы всегда берёте столько всего в поход?

— Базовый набор первой помощи.

Габриэль разложил шину и пояснил:

— Я проходил курсы первой помощи в условиях дикой природы. Если идёшь в горы один, лучше взять больше, чем кажется необходимым.

Клэр посмотрела на свой рюкзак.

— А я взяла два энергетических батончика, бутылку воды и камеру.

— Воду хотя бы взяли.

— Вы пытаетесь меня утешить?

— Вроде того.

Фиксировал лодыжку он осторожно. Шина поддерживала травмированное место, но нигде не давила настолько, чтобы причинять боль. Закончив, Габриэль достал из рюкзака сложенный туристический коврик для сидения и подложил под её повреждённую голень.

— Так лучше?

— Намного.

Габриэль убрал вещи обратно.

— Нужно выбраться отсюда до темноты.

Клэр посмотрела на него.

— Но вы же только что сказали, что я не могу идти.

— На эту ногу вы идти не можете.

Габриэль снова надел рюкзак, повернулся к ней спиной и присел. Клэр несколько секунд молча смотрела на него.

— Вы хотите меня нести?

— Да.

— До основной тропы сорок минут.

— Знаю.

— И это обычным шагом.

Габриэль оглянулся через плечо.

— Солнце не станет садиться позже только потому, что мы продолжаем это обсуждать.

Клэр открыла рот, но поняла, что возразить нечего.

— Но я тяжёлая.

— Я вас донесу.

— Вы даже не задумались.

— Уже задумался.

Клэр всё ещё колебалась. Посмотрела на свои перепачканные джинсы, потом на его чистую куртку.

— Я испачкаю вам одежду.

— Одежду можно постирать.

— А если на полпути вы пожалеете?

— Тогда остановимся и отдохнём.

— А если...

— Клэр.

Габриэль снова произнёс её имя. Тон оставался мягким, но наконец заставил её перестать искать очередную причину для отказа.

— Я не оставляю вас здесь одну.

По лесу между ними прошёл порыв ветра. Последний солнечный свет угасал в верхушках деревьев. Клэр смотрела на мужчину перед собой — совершенно незнакомого человека.

Она понятия не имела, почему он оказался на боковой тропе, которой почти никто не пользовался. Не знала, стоит ли так легко доверять тому, с кем познакомилась несколько минут назад. Но когда Габриэль протянул ей руку, она всё равно приняла её. Ладонь была тёплой и сухой.

— Давайте, — сказал он.

Клэр оперлась руками о его плечи и осторожно устроилась у него на спине. Габриэль поддерживал её под ногами и плавно поднялся, словно она почти ничего не весила. От неожиданного отрыва от земли Клэр инстинктивно крепче обхватила его за плечи. Габриэль чуть повернул голову.

— Страшно?

— Просто боюсь, что вы меня уроните.

— Держитесь крепче.

Клэр посмотрела на темнеющий впереди лес и медленно усилила хватку. Габриэль сделал первый шаг, неся её на спине.

— Не бойтесь.

Его голос прозвучал совсем близко — спокойно, словно он просто констатировал неоспоримый факт.

— Я спущу вас с горы.

ГЛАВА 2

Всю дорогу вниз

Когда Габриэль понёс Клэр обратно через лес, она вдруг поняла, что тропа, прежде не казавшаяся особенно крутой,

теперь вся усеяна скользкими камнями и корнями, выпирающими из земли. Он шёл небыстро, но каждый шаг был уверенным.

Клэр прижималась к его спине, обхватив руками плечи, а он надёжно поддерживал её травмированную левую ногу. Они были так близко, что она ощущала, как едва заметно поднимаются и опускаются его плечи при каждом вдохе. Сначала Клэр держалась крепко только потому, что боялась упасть. Но через некоторое время начала переживать, что сжимает его слишком сильно, и немного ослабила руки.

В этот момент Габриэль перешагнул через поваленный ствол. Тело Клэр качнулось вместе с движением, и она тут же снова крепче обхватила его за плечи.

— Прости.

Извинение вырвалось само собой. Клэр сама не заметила, как перешла на «ты». Габриэль не возразил и даже не сбился с шага.

— За что?

— Кажется, я тебя чуть не задушила.

— Не задушила.

— Уверен? У меня рука почти вокруг твоей шеи была.

Габриэль помолчал пару секунд.

— Я всё ещё дышу.

Клэр рассмеялась, и напряжение немного отпустило её тело.

— Хорошо. А то если бы ты донёс меня до самого низа

и там потерял сознание от нехватки кислорода, это, наверное, стало бы самым нелепым несчастным случаем в истории этого парка.

Габриэль тихо хмыкнул. Лес снова погрузился в тишину. Ветер шевелил листья над головой. Время от времени с веток срывались капли и падали на куртку Габриэля или волосы Клэр. Кроме этого слышались только его шаги и их дыхание. Клэр продержалась молча меньше десяти секунд.

— Ты часто здесь ходишь?

— Иногда.

— Кажется, ты хорошо знаешь эту тропу.

— Был здесь несколько раз.

— А когда-нибудь терялся?

— Нет.

Клэр сморщила нос, уткнувшись ему в плечо.

— Ты мог бы хотя бы немного задуматься перед ответом. Тогда мне было бы не так неловко из-за разницы между нами.

Габриэль ничего не сказал и продолжил идти.

— Сегодня мне ужасно не везёт, — сама продолжила Клэр. — Перед выходом Ханна спросила, не пойти ли со мной. Это я сказала ей остаться дома и поспать.

— Ханна — твоя подруга? — спросил Габриэль.

— Лучшая. Она работает медсестрой в больнице, пока ещё проходит подготовку. Вчера после ночной смены пришла домой и уснула на диване, даже обувь не сняла.

Клэр вздохнула.

— Ещё вчера она предупреждала меня: не сворачивай на пустые тропы только ради красивой фотографии.

Габриэль слушал, не перебивая.

— А я сказала, что пойду только по Пайн-Холлоу, самой лёгкой тропе. Что вообще может случиться? — Чем дольше Клэр говорила, тем сильнее злилась на себя. — И потом я ушла с основной тропы и действительно скатилась со склона. Ханна меня убьёт, когда узнает.

— Сначала будет переживать.

— Будет переживать, пока не убедится, что я не умерла, а потом весь вечер будет на меня кричать.

Габриэль снова тихо отозвался. Клэр повернула голову и посмотрела на его профиль.

— Ты считаешь меня дурой?

— Нет.

— Слишком быстро ответил. Похоже на утешение.

— Ты просто не знала тропу.

— А потом пошла не туда, наступила на мох, свалилась со склона и потеряла телефон.

Клэр помолчала.

— Всё равно звучит довольно глупо.

Габриэль не стал соглашаться. Просто перешагнул через очередной скользкий камень и восстановил равновесие. Руки Клэр автоматически сжались крепче.

— Я опять тебя душу?

— Нет.

— У тебя удивительное терпение.

— Ты не такая тяжёлая.

Ни с того ни с сего щёки Клэр потеплели.

— Я вообще-то не про свой вес спрашивала.

— Я знаю.

Она отвернулась и сделала вид, будто рассматривает деревья. Через некоторое время всё-таки не выдержала.

— А кем ты работаешь?

— В технологической компании.

— Программистом?

— Нет. Тестирую программное обеспечение.

— То есть ищешь в программах ошибки?

— Примерно.

— Звучит немного скучно.

Едва слова сорвались с языка, Клэр тут же пожалела.

— Извини. Я не хотела сказать, что у тебя плохая работа. Просто ничего не понимаю в технологических компаниях. Я даже не знаю, что первым делом проверяют, когда трескается экран телефона. Я просто продолжала нажимать на него, будто если сделать это достаточно много раз, он сам чудесным образом починится.

Габриэль дождался, пока она закончит.

— Немного скучно, — сказал он.

Клэр моргнула.

— Твоя работа?

— Да.

— Тогда зачем ты её делаешь?

— Мне платят.

Клэр снова рассмеялась. Габриэль — нет. Он просто продолжал нести её, словно произнёс самую обычную вещь на свете.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Как?

— Выглядишь абсолютно серьёзным, а потом говоришь что-нибудь смешное.

— Я не шучу.

— Вот поэтому и смешно.

Габриэль спорить не стал. Под деревьями становилось всё темнее. Лёгкость, которую Клэр успела почувствовать, начала исчезать. Она смотрела вперёд, но за одним рядом деревьев виднелся лишь следующий.

— Мы идём уже вечность?

— Минут двадцать.

— Всего двадцать?

— Да.

— Почему мне кажется, что прошёл час?

— Потому что тебе больно.

Клэр посмотрела на лодыжку. Даже в шине при каждом его шаге по ноге расходилась тупая пульсирующая боль.

— Ты устал?

— Всё нормально.

— Ты уже долго меня несёшь.

— Впереди есть более ровное место. Там отдохнём.

— Ты наконец согласился остановиться, потому что боишься, что я так и буду задавать вопросы?

— Нет.

Ответы у него по-прежнему были короткими, но Клэр не чувствовала, что он от неё отмахивается. Говорил Габриэль мало, зато всё это время слушал. Стоило ей упомянуть что-то, как он иногда задавал вопрос, позволяя продолжить. Его молчание было не таким, к какому она привыкла. Он не ждал, когда она наконец замолчит. Он действительно слушал.

— Обычно я не такая разговорчивая, — сказала Клэр.

И первой замолчала. Габриэль ничего не ответил.

— Не веришь?

— Я этого не говорил.

— Но ты не отвечаешь.

— Я слушаю.

— Ты всё время только это и делаешь.

Габриэль чуть повернул голову.

— Это плохо?

Клэр задумалась.

— Не совсем. Просто я не знаю, не раздражаю ли тебя.

— Нет.

— И не слишком ли со мной много хлопот?

— Нет.

— Жалеешь, что свернул на ту боковую тропу?

На этот раз Габриэль задержался с ответом едва заметно.

— Нет.

Голос остался спокойным. Клэр вдруг совершенно не знала, что сказать дальше. Она опустила взгляд и заметила прядь своих светлых волос на его плече. Они были так близко, что сквозь влажный, вымытый дождём запах леса она чувствовала лёгкий древесный аромат его куртки. Уши постепенно начали гореть.

— Сколько тебе лет?

Вопрос вырвался прежде, чем она успела себя остановить.

— Двадцать восемь, — ответил Габриэль.

— А мне двадцать два.

— Хорошо.

Клэр подождала.

— Ты даже не спросишь, зачем я вдруг это сказала?

— Потому что только что спросила мой возраст.

— Ладно. Тут не поспоришь.

Она прикусила губу, снова немного раздосадованная собой. Похоже, для Габриэля она действительно была всего лишь раненой незнакомкой, которой требовалась помощь. Земля впереди постепенно становилась ровнее. Он вышел на сравнительно сухую поляну и медленно присел, позволяя Клэр устроиться на большом камне. От смены положения левую лодыжку снова прострелило болью. Клэр нахмурилась и тихо втянула воздух. Габриэль тут же присел, чтобы про-

верить шину.

— Стало хуже?

— Я просто немного шевельнула ногой. Сейчас нормально.

Габриэль поднял на неё глаза. Клэр выдержала две секунды, потом призналась:

— Ладно. Всё ещё немного болит.

Он поправил бинт, ещё осторожнее, чем прежде. Клэр смотрела на него сверху.

Вблизи она заметила, что черты Габриэля вовсе не такие мягкие, как показалось сначала. Нос прямой и выразительный, линия челюсти резкая, брови тяжёлые. Только спокойные глаза и тихая манера речи смягчали эти жёсткие черты. Габриэль поднял голову и поймал её взгляд. Клэр мгновенно отвернулась.

— Что такое? — спросил он.

— Ничего.

— Лодыжка?

— Нет.

— Тогда что?

— Я смотрела на погоду.

Клэр кивнула в сторону неба, почти полностью скрытого кронами. Габриэль посмотрел туда же, но не стал разоблачать её очевидную отговорку. Уши Клэр запылали ещё сильнее. Чтобы скрыть неловкость, она снова заговорила. Рассказала, как однажды Ханна во время ночной смены пролила

кофе на документы, а потом больше десяти минут стояла в туалете, держа каждый лист под сушилкой для рук. Габриэль в основном слушал молча.

Когда перерыв закончился, он снова присел перед Клэр. Она положила руки ему на плечи и осторожно забралась на спину.

— Я стала тяжелее, чем раньше?

— Нет.

— Ты всегда отвечаешь слишком быстро. Тебе трудно верить.

Габриэль не стал больше оправдываться. Как только они снова двинулись, Клэр продолжила ровно с того места, где остановилась. Говорила долго. В какой-то момент боль в лодыжке заставила её замолчать, а когда она снова начала рассказ, внезапно забыла, на чём остановилась.

— Ханна сушила документы под сушилкой для рук, — напомнил Габриэль.

Клэр моргнула.

— Ты правда слушал.

— Да.

— А я думала, ты просто время от времени отвечаешь, чтобы мне не было неловко.

Габриэль легко перешагнул через корень.

— Я же сказал. Я слушаю.

Клэр ничего не ответила. Спрятала разгоревшееся лицо за его плечом и почти полминуты молчала. Потом снова за-

говорила. Тропа уже не казалась такой пугающей, как раньше. Лодыжка всё ещё болела. Она по-прежнему не знала, не обнаружат ли в больнице перелом. Но уверенные шаги Габриэля и его редкие ответы помогали забыть о темнеющем вокруг лесе.

Чуть больше чем через двадцать минут деревья наконец начали редеть. Впереди, освещённый последними лучами заката, стоял деревянный указатель на тропу Пайн-Холлоу. За ним Клэр уже различала ограждение парковки у подножия горы. Она тут же подняла голову.

— Мы пришли?

— Почти.

— Это парковка?

— Да.

— Никогда в жизни так не любила парковки.

Габриэль вынес её из последней полосы леса. Внизу стояло несколько машин, хотя владельцев нигде не было видно. Клэр достала телефон и наконец заметила слабый сигнал.

— Есть связь!

Она подняла телефон рядом с лицом Габриэля, словно обнаружила чудо.

— Всего одна полоска, но она есть.

Габриэль присел возле скамейки у парковки и осторожно посадил её. Взял телефон и проверил сигнал.

— Я вызову 911.

Клэр кивнула. Когда ответил диспетчер, Габриэль чётко

назвал вход в парк, номер парковки и состояние Клэр. На протяжении всего разговора голос его оставался спокойным. Диспетчер спросил, в сознании ли Клэр и не ударилась ли она головой; Габриэль ответил на каждый вопрос. Закончив звонок, вернул ей телефон.

— Скорая уже едет.

— Долго?

— Минут пятнадцать.

Только теперь Клэр окончательно расслабилась. Габриэль достал из рюкзака запечатанную бутылку воды, открутил крышку и протянул ей.

— Пей медленно.

Клэр сделала несколько маленьких глотков. Лишь когда вокруг стало тихо, она наконец заметила, что одежда Габриэля промокла от дождя и пота, а штанины были забрызганы грязью.

— Прости, — снова сказала она.

Габриэль посмотрел на неё.

— За что на этот раз?

— Я отняла у тебя столько времени.

— Сегодня я никуда не спешил.

— И одежда у тебя вся грязная.

— Отстирается.

— Ты уже это говорил.

— Ответ не изменился.

Клэр опустила голову, улыбаясь. Вдали постепенно стал

слышен вой сирены. Когда машина въехала на парковку, Габриэль поднялся и махнул рукой водителю. К ним направились двое парамедиков с носилками. Один присел рядом с Клэр, осматривая её, второй спросил Габриэля, что произошло.

— Она повредила левую лодыжку, когда упала на боковой тропе, — объяснил он. — Головой не ударилась, сознание не теряла. Я зафиксировал лодыжку как смог, но потребуется снимок.

Парамедик посмотрел на него.

— Вы родственник?

— Нет.

Габриэль на мгновение замолчал.

— Мы встретились на горе.

Почему-то при этих словах Клэр ощутила лёгкое разочарование. Конечно, он сказал правду. Они были двумя незнакомцами, которые встретились только сегодня. Парамедики ещё раз зафиксировали её ногу, а затем помогли переложить на носилки. Габриэль всё это время оставался рядом. Лишь убедившись, что её удобно и безопасно уложили, он наклонился за рюкзаком. Клэр сразу заметила движение и поняла, что он собирается уходить.

— Ты уходишь?

Габриэль посмотрел на неё.

— Теперь о тебе позаботятся парамедики.

— Да. Знаю.

Клэр держала телефон, машинально проводя пальцем по трещине на экране. Всю дорогу вниз она говорила без умолку, а теперь не знала, что сказать. Она так и не попросила его номер. Даже не знала, где он живёт. Парамедики показали носилки к машине. Габриэль отступил, освобождая им дорогу.

— Габриэль.

Клэр вдруг окликнула его. Он остановился.

— Спасибо.

На этот раз она не спрятала чувства за шуткой.

— Я правда серьёзно. Если бы ты меня не нашёл, я, наверное, до сих пор сидела бы там наверху и не знала, что делать.

Габриэль молча посмотрел на неё.

— Теперь ты в безопасности.

Он слегка кивнул, затем развернулся и пошёл к другой стороне парковки. Клэр лежала на носилках и смотрела, как он удаляется. Двери скорой медленно закрывались. Пока между ними оставалась последняя щель, она всё ещё видела высокую фигуру Габриэля у края парковки. Он не обернулся и вскоре исчез между машинами.

ГЛАВА 3

Новая встреча

К тому времени, когда скорая добралась до больницы, уже окончательно стемнело. Когда задние двери распахнулись, внутрь ворвался холодный воздух. Двое парамедиков мед-

ленно выкатили носилки, и Клэр смотрела, как приближается вход в приёмное отделение, пока тёмное небо над ней не сменилось резким белым светом. Левая лодыжка всё ещё сильно болела.

Когда они только спустились с горы, она была просто заметно опухшей. Теперь отёк стал таким сильным, что первоначальную форму сустава почти невозможно было различить. Парамедики разрезали шнурки на туристическом ботинке. Когда обувь осторожно сняли, от боли у Клэр задрожала вся нога.

— Помедленнее...

Она вцепилась в край носилок, снова едва не расплакавшись.

— Мы и так очень медленно, — мягко сказала парамедик.

— Потерпи ещё немного.

Ботинок наконец сняли. Клэр бросила взгляд вниз и тут же пожалела. Внешняя сторона лодыжки стала тёмно-красно-фиолетовой, натянутая от отёка кожа блестела. Шина Габриэля по-прежнему была надёжно закреплена точно так, как он её наложил. Когда к Клэр подошла медсестра приёмного отделения, она посмотрела на повязку.

— Кто это сделал?

— Мужчина, которого я встретила в горах.

— Врач?

— Нет. — Клэр покачала головой. — Он работает в технологической компании. Но сказал, что проходил курсы пер-

вой помощи в условиях дикой природы.

Медсестра проверила положение шины.

— Шину он наложил хорошо.

Почему-то эти слова немного порадовали Клэр.

— Он вообще оказался очень подготовленным, — сказала она. — Бинты, шина, складной коврик, вода... а у меня было два энергетических батончика.

Медсестра рассмеялась.

— По крайней мере, не совсем с пустыми руками пошли.

— Я их даже съесть не успела.

Когда Клэр отвезли в приёмное отделение, врач сначала осмотрел голову, плечи и колени. В ссадине на правой ладони всё ещё сидело множество мелких камешков, и, пока медсестра промывала рану, Клэр постоянно отдёргивала руку. Вдруг зазвонил телефон, лежавший на подносе рядом. На треснувшем экране высветилось имя матери. Клэр посмотрела на него и глубоко вдохнула.

После того как они спустились с горы, она написала Ханне. Всего лишь хотела сообщить лучшей подруге, что попала в небольшую неприятность, чтобы та не переживала, если Клэр потом перестанет отвечать. Но стоило Ханне узнать, что Клэр везут в больницу, как она тут же позвонила её родителям. Клэр приняла вызов, однако сказать ничего не успела — встревоженный голос матери сразу раздался из динамика.

— Клэр, где ты? Мы уже в больнице. С какой стороны вход в приёмное отделение?

— Мам, со мной всё нормально.

— Ты в приёмном отделении и говоришь, что всё нормально?

— Я просто повредила лодыжку.

— Ханна сказала, ты упала с горы!

— Я скатилась по склону. Я не падала с вершины горы,
— быстро поправила Клэр. — Это две совершенно разные вещи.

— У тебя ещё есть силы спорить об этом?

— Я просто не хочу, чтобы ты представляла что-то страшнее, чем есть на самом деле.

— Мы сейчас зайдём.

Звонок оборвался. Клэр посмотрела на погасший экран и тихо вздохнула. Вскоре в процедурную почти вбежала Дайан Уитмор. На ней был домашний кардиган, который она обычно не носила на улице, а волосы выглядели совсем не так аккуратно, как обычно. Увидев дочь на больничной койке, Дайан сразу почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

— Господи, Клэр.

Она поспешила к кровати, внимательно осмотрела лицо дочери, затем руки и плечи.

— Головой не ударилась? Врач тебя уже осмотрел? Ещё что-нибудь болит?

— Осмотрел. Головой не ударялась.

— Что с рукой?

— Поцарапалась о камень.

— Почему лодыжка так распухла?

— Рентген ещё не сделали.

За спиной жены стоял отец Клэр, Роберт. Было видно, что он тоже примчался сразу после звонка: куртка даже не была до конца застёгнута. В отличие от Дайан, он не забрасывал дочь вопросами один за другим. Просто долго смотрел на неё нахмурившись и, только убедившись, что Клэр в сознании и нормально соображает, медленно выдохнул.

— Что произошло?

— Я немного свернула с основной тропы, наступила на камень с мхом, съехала по склону и подвернула лодыжку.

Клэр постаралась представить всё как можно менее серьёзно. Роберт посмотрел на распухший сустав.

— На обычное растяжение это не похоже.

— Нужно сделать рентген, тогда будет понятно.

Дайан взяла Клэр за здоровую руку.

— Почему ты пошла одна? И почему не сказала нам, по какой именно тропе собираешься идти? Ханна знала только, что ты в парке Норт-Ридж. Она даже не знала, какой у тебя маршрут.

— Я думала, вернусь в тот же день.

— Все, с кем случается несчастный случай после выхода из дома, тоже думали, что вернутся в тот же день.

Клэр открыла рот. Она понимала, что мать права, поэтому виновато отвела взгляд.

— Больше так не буду.

— Ты всегда так говоришь.

— Я вообще раньше с гор не падала.

Дайан посмотрела на неё таким взглядом, что Клэр тут же смягчила голос.

— Мам, правда всё нормально. Только лодыжка. Я уже в больнице, сейчас сделают рентген.

Глаза Дайан всё ещё были красными.

— Ты могла остаться на той горе совсем одна.

— Не осталась, — сказала Клэр. — Меня нашли.

— Кто?

— Турист. Просто проходил мимо.

Роберт спросил:

— Он вызвал скорую?

— Сначала донёс меня вниз, а потом позвонил в 911.

В палате стало тихо. Дайан уставилась на дочь.

— Он нёс тебя с горы?

— Да.

— Сколько времени?

— Чуть больше сорока минут.

На несколько секунд Дайан лишилась дара речи.

— У тебя есть его контакты? Человек так тебе помог — мы должны хотя бы нормально его поблагодарить.

Лицо Клэр медленно застыло.

— Нет.

— Ты не спросила?

— Приехала скорая, и я забыла.

— Вы были вместе больше сорока минут, и ты ни разу не спросила номер телефона?

— У меня болела нога, я плохо соображала.

Даже самой Клэр оправдание показалось слабым, едва она произнесла его вслух. По дороге вниз она успела спросить Габриэля, сколько ему лет и кем он работает, и даже рассказала самую неловкую историю о Ханне. Но почему-то так и не спросила, как с ним связаться. Роберт не стал продолжать выговор.

— Имя хотя бы запомнила?

— Габриэль Наварро.

— Что-нибудь ещё?

— Ему двадцать восемь. Он работает тестировщиком программного обеспечения в технологической компании.

Дайан снова уставилась на неё.

— Возраст и работу спросила, а номер — нет?

Щёки Клэр начали медленно наливаться жаром.

— Мы просто разговаривали.

Снаружи слышались быстрые шаги.

— Клэр!

Ханна Брукс почти влетела в палату. По всему было видно, что прибежала из другого отделения больницы. На ней всё ещё была тёмно-синяя медицинская форма, на груди висел бейдж, а несколько прядей выбились из рабочей причёски.

— Клэр, ты в порядке?

Ханна бросилась к кровати и наклонилась, осматривая её. Взгляд скользнул с лица Клэр на распухшую лодыжку, и Ханна сразу нахмурилась.

— Господи. Почему она так распухла?

— Врач сказал, сначала нужен рентген.

— Ты написала, что травма небольшая.

— Я не хотела, чтобы вы все волновались.

— Чем меньше ты говоришь, тем сильнее я понимаю, что на самом деле всё серьёзно.

Ханна выпрямилась и упёрла руки в бока, хотя её собственные глаза уже слегка покраснели.

— Надо было идти с тобой. Не стоило вчера тебя слушать. От одного дня без сна я бы не умерла.

— Ты уже отработала две ночные смены подряд.

— Зато не позволила бы тебе одной свернуть неизвестно куда.

— Ты бы сама просила нести тебя уже на половине маршрута.

— Всё равно лучше, чем если ты в одиночку падаешь с горы.

Клэр увидела напряжение на её лице и слегка потянула за край медицинской блузы.

— Ханна.

— Что?

— Прости.

Ханна моргнула. Клэр заговорила тише:

— Мне правда нужно было тебя послушать. Сегодня на той боковой тропе вообще никого не было, потом ещё телефон укатился. Я действительно испугалась.

Гнев на лице Ханны постепенно исчез. Она села рядом с кроватью и взяла Клэр за руку.

— Я на самом деле не злюсь.

— Знаю.

— Но в следующий раз одна не пойдёшь.

— Обещаю.

— И пришлёшь мне точный маршрут.

— Хорошо.

— И будешь писать каждый час.

— Ханна, это уже немного...

— Клэр.

— Ладно. Каждый час.

Только после этого Ханна удовлетворённо кивнула. Она посмотрела на шину, которую оставил Габриэль.

— Кто тебя спустил?

— Мужчина, которого я встретила в горах.

— Сколько лет?

— Двадцать восемь.

— Как выглядит?

— Ханна.

Дайан всё ещё стояла рядом, и лицо Клэр тут же стало горячим.

— Я просто спрашиваю, — совершенно серьёзно сказала

Ханна. — Какой-то незнакомый мужчина сорок минут нёс тебя на себе. Мне надо знать, не был ли это восьмидесяти-летний дедушка.

— Не дедушка.

— Значит, красивый?

— Какое это имеет отношение к тому, что он мне помог?

— Никакого. — Ханна наблюдала, как уши Клэр постепенно розовеют. — Я задала один обычный вопрос. Почему ты нервничаешь?

— Я не нервничаю.

— Клэр, с детства каждый раз, когда ты врёшь, у тебя краснеют уши.

Клэр автоматически коснулась одного уха. Улыбка Ханны стала шире.

— Значит, правда красавчик.

Клэр представила Габриэля между деревьями. Короткие тёмно-каштановые волосы. Орехово-карие глаза. Спокойное, мягкое выражение лица и высокая крепкая фигура — сочетание немного неожиданное. Она вспомнила и тепло его ладони.

— Ладно, — тихо призналась Клэр. — Он был очень красивым.

Ханна тут же спросила:

— Номер телефона?

— У меня нет.

— Ты не взяла номер?

— Приехала скорая.

— Вы разговаривали больше сорока минут и ни разу не дошли до обмена контактами?

От смущения Клэр сразу стала защищаться.

— У меня болела нога. Я вообще была не в себе. Откуда мне было знать, увидимся ли мы когда-нибудь снова?

Едва она это произнесла, как сама первой замолчала. Ханна посмотрела на неё.

— То есть ты хочешь увидеть его снова?

— Я просто думаю, что должна нормально его поблагодарить.

— Конечно. — Ханна кивнула. — Просто нормально поблагодарить.

Клэр её проигнорировала.

Результаты обследования оказались лучше, чем все ожидали. Перелома не было — Клэр сильно растянула связки. Врач велел носить фиксирующий ортез и как минимум две недели совсем не нагружать левую ногу. После этого, в зависимости от восстановления, решат, нужна ли физиотерапия. Услышав, что перелома нет, Дайан наконец заметно расслабилась.

Роберт ушёл оформлять документы, а Ханна осталась у кровати и несколько раз напомнила Клэр, чтобы в ближайшие дни та никуда не ходила одна. Перед тем как покинуть больницу, Клэр всё равно не удержалась и снова посмотрела в сторону входа в приёмное отделение. Людей было полно.

Медики в форме. Родители с детьми на руках. Пациенты, которых только что привезла скорая. Незнакомцы у обочины с телефонами в руках. Но того, кого она искала, не было.

Габриэль давно ушёл. Клэр посмотрела на телефон. На треснувшем экране по-прежнему отображался сегодняшний вызов 911, но среди номеров не было номера Габриэля. Она тихо вздохнула и убрала телефон в карман. Наверное, больше они никогда не встретятся.

Месяц спустя.

Лодыжка Клэр почти полностью зажила. Ортез уже не требовался. Если она долго ходила, сустав лишь немного ныл. Врач пока запретил серьёзные нагрузки, а возвращение в горы вообще не обсуждалось. Ханна была в восторге от этого запрета и даже предложила спрятать туристические ботинки Клэр. Та, конечно, не позволила.

В субботу днём, закончив временную преподавательскую смену в художественной студии неподалёку, Клэр одна зашла в кофейню на углу. От её квартиры было всего два квартала. Кофейня была небольшой: на стенах висели пейзажные фотографии местных авторов, у окон стояли тёмные деревянные столики. В воздухе пахло обжаренными кофейными зёрнами и тёплым хлебом. Для выходного дня посетителей было немало.

Клэр встала в конец очереди, проверяя телефон и одновременно размышляя, не взять ли кусочек лимонного пирога. Врач сказал меньше ходить. Про то, что нельзя есть боль-

ше десертов, он ничего не говорил. Очередь вдруг двинулась. Клэр шагнула вперёд и едва не столкнулась с официантом, проходившим мимо.

— Простите.

Она убрала телефон и подняла голову. И тогда увидела его возле стойки выдачи.

Высокий мужчина стоял к ней спиной. На нём была тёмно-синяя рубашка, рукава небрежно закатаны чуть ниже локтей. Короткие тёмно-каштановые волосы выглядели куда аккуратнее, чем месяц назад. В одной руке он держал телефон, другой забирал свежий кофе и смотрел на наклейку на стаканчике.

Клэр узнала его мгновенно, даже не увидев лица. Замерла. Человек позади едва не врезался в неё.

— Девушка, очередь двинулась.

— Простите.

Клэр поспешно сделала шаг вперёд, но не могла отвести глаз от мужчины. Габриэль. Она никогда всерьёз не думала, что увидит его снова. За последний месяц Клэр иногда вспоминала тот день в горах. Особенно по ночам, когда лодыжка ныла так сильно, что мешала уснуть, в памяти возникал Габриэль, несущий её через лес. И она сама — прижавшаяся к его спине и болтавшая без остановки всю дорогу вниз.

Каждый раз от этих воспоминаний становилось немного неловко. Постепенно Клэр смирилась с тем, что это могла быть одна из тех встреч, которые жизнь дарит всего один раз

и больше никогда к ним не возвращается. Но сейчас Габриэль стоял меньше чем в десяти метрах от неё. Не на пустой горной тропе. Не в испачканной дождём и грязью ветровке. Он выглядел как самый обычный посетитель кофейни, ожидающий свой напиток.

Сердце Клэр забилось быстрее. Она посмотрела на свою одежду. Светлый свитер. Джинсы. Балетки, которые начала носить, пока берегла лодыжку. Светлые волосы были лишь небрежно собраны, несколько прядей падали на лицо. Какая разница, как она выглядит? Она ведь просто подойдёт поблагодарить его. Клэр напомнила себе именно это.

Нужно было сразу подойти. Но теперь, когда она действительно снова смотрела на Габриэля, внутри неожиданно поднялось волнение. В прошлый раз она была вся в грязи, не могла ступить на распухшую ногу и сорок минут провела у него на спине, рассказывая вещи, которые теперь казались совершенно бессмысленными. А что, если он вообще её не помнит?

— Здравствуйте. Что будете заказывать?

Голос бариста за стойкой вернул Клэр в настоящий момент. Она быстро заказала латте и почти наугад ткнула пальцем в витрину.

— И вот это.

— Лимонный пирог?

— Да.

Доставая карту, Клэр снова взглянула к стойке выдачи. Га-

Габриэль всё ещё её не заметил. Он убрал телефон в карман и повернулся с кофе в руке. Теперь Клэр увидела его лицо. Точно такое, как она помнила. Тёплые орехово-карие глаза. Прямой нос. Чёткая линия челюсти. Вдали от гор он меньше напоминал спокойного незнакомца, внезапно появившегося между деревьями, и больше — обычного мужчину в выходной день.

Проходя мимо, Габриэль машинально скользнул взглядом по очереди посетителей. На лице Клэр взгляд не задержался. Улыбка, уже появившаяся на её губах, дрогнула. Он её не узнал. Или просто не заметил.

Габриэль отнёс кофе к столику у окна и сел. Достал из чёрного рюкзака ноутбук, посмотрел на экран и быстро погрузился в работу. Клэр стояла у стойки с чеком в руке и несколько секунд украдкой поглядывала на него. Месяц назад именно Габриэль услышал её голос в лесу и пошёл навстречу. На этот раз первой увидела его она.

Бариста поставил латте на стойку выдачи.

— Клэр.

Услышав своё имя, Клэр забрала стакан. Снова посмотрела в сторону окна. Габриэль по-прежнему сидел, опустив голову. Даже не взглянул в её сторону. Клэр крепче обхватила пальцами тёплый бумажный стакан, и на лице медленно появилась улыбка, которую она уже не могла сдержать. Несколько секунд она колебалась.

А потом направилась к его столику.

ГЛАВА 4

На этот раз не уходи

Когда Клэр подошла к столику у окна, Габриэль всё ещё смотрел в ноутбук. Похоже, работал. Экран занимала плотная таблица, рядом были открыты несколько строк журналов тестирования — для Клэр всё это не значило ровным счётом ничего. Одна рука Габриэля лежала возле клавиатуры, другой он держал кофе, полностью сосредоточившись на компьютере. Клэр остановилась рядом со столиком и вдруг совершенно не поняла, с чего начать.

Ещё минуту назад ей казалось, что можно просто подойти, поздороваться и нормально поблагодарить его за помощь в горах. Но теперь, когда она действительно стояла перед ним, все заготовленные фразы вдруг показались неловкими.

— Привет...

Голос вышел тише, чем она ожидала. Габриэль не услышал. Клэр заговорила чуть громче.

— Привет.

Наконец он поднял голову. Его взгляд на пару секунд задержался на её лице. В орехово-карих глазах не было ни явного удивления, ни проблеска узнавания, которого Клэр так ждала. Казалось, он пытается вспомнить, а потом вежливо спросил:

— Простите. Мы знакомы?

Улыбка Клэр застыла.

— Что?

Габриэль продолжал смотреть на неё. Она и без того нервничала, прежде чем подойти, а теперь от смущения хотелось развернуться и исчезнуть. Он её не помнит. Конечно, не помнит.

Они один раз встретились в горах. Может быть, Габриэль постоянно помогает незнакомым людям. Может, для него тот день вообще ничем не запомнился. Это Клэр весь месяц возвращалась к нему мыслями и довольно глупо предполагала, что он тоже будет её помнить.

— Ничего.

Она слегка отступила, чувствуя, как горят уши.

— Наверное, я вас с кем-то перепутала.

Клэр уже начала отворачиваться, когда уголок губ Габриэля приподнялся.

— Клэр.

Она остановилась. Когда обернулась, ноутбук уже был закрыт. Габриэль откинулся на спинку стула, и теперь в его глазах совершенно явно читалось веселье.

— Как лодыжка?

Клэр несколько секунд смотрела на него, прежде чем поняла.

— Ты меня помнишь?

— Конечно.

— Тогда зачем спрашивал, знакомы ли мы?

Габриэль наблюдал, как её лицо краснеет всё сильнее, а

голос оставался таким же мягким.

— Ты долго стояла вон там и смотрела на меня. Мне стало интересно, подойдёшь ли ты вообще.

— То есть ты надо мной издевался?

— Немного.

Клэр недоверчиво уставилась на него. В горах Габриэль был настолько молчаливым, что почти всю дорогу просто слушал её. Она и представить не могла, что спокойный, мягкий мужчина способен специально притвориться, будто её не знает.

— Это было не смешно.

Веселье с его лица никуда не исчезло.

— Прости.

Слово он произнёс, но особого раскаяния в голосе не слышалось.

Клэр ещё мгновение сердито смотрела на него, а потом всё-таки рассмеялась.

— Я правда подумала, что ты меня забыл.

— Тебя трудно забыть.

— Почему?

— В горах ты разговаривала больше сорока минут.

Улыбка Клэр снова исчезла.

— Я так и знала.

Она отодвинула стул напротив, села и поставила кофе на стол.

— Значит, всё-таки считал меня надоедливой.

— Нет.

— Тогда почему помнишь, сколько именно я говорила?

— Примерно помню.

— И что я говорила, тоже помнишь?

Габриэль ответил не сразу. У Клэр появилось нехорошее предчувствие.

— На самом деле не помнишь, да?

— Твоя подруга Ханна пролила кофе на документы, потом унесла их в туалет и держала под сушилкой для рук.

Клэр закрыла лицо ладонями.

— Почему ты запомнил именно это?

— Потому что ты очень долго это рассказывала.

— Потому что документы чуть не сдуло в мусорное ведро. Без этой части история вообще не имела бы смысла. Конечно, мне надо было всё нормально объяснить.

Габриэль молча смотрел на неё. Клэр опустила руки и поняла, что опять делает то же самое — объясняет всё слишком подробно. Она замолчала.

— Вот видишь, — сказал Габриэль.

— Что вижу?

— Ты опять это делаешь.

Клэр на пару секунд поджала губы, а потом рассмеялась. Неловкость исчезла. Она опустила взгляд на стакан и провела пальцем по тёплой картонной манжете.

— Вообще-то я хотела снова тебя увидеть.

Едва слова прозвучали, они показались слишком прямы-

ми. Клэр тут же добавила:

— Не в таком смысле. Я просто хотела нормально поблагодарить. В больнице родители оба сказали, что надо пригласить тебя на ужин или хотя бы как-то отплатить. Но у меня не было твоего номера, и я вообще не знала, где тебя искать.

Габриэль взглянул на часы, потом снова на неё.

— Теперь нашла.

— Так что...

Клэр замялась. В горах, висая у него на спине, она совершенно спокойно спрашивала возраст и работу. А теперь, когда ей действительно понадобился номер телефона, вдруг стало неловко.

— Так что? — подтолкнул Габриэль.

— Можно твой номер?

И сразу ей показалось, что прозвучало слишком заинтересованно.

— Не обязательно, если не хочешь. Просто после того, как ты столько меня нёс и вызвал скорую, мне хотя бы стоит угостить тебя ужином. Просто ужином. Ничего странного.

Габриэль не выглядел смущённым.

— Дай телефон.

Клэр моргнула и тут же достала телефон с недавно заменённым экраном. Габриэль ввёл номер в контакты и позвонил себе. Телефон на столе рядом с ним завибрировал. Он завершил вызов и вернул аппарат Клэр. На экране появилось новое имя: «Габриэль Наварро». Клэр посмотрела на него и

не смогла сдержать улыбку.

— Когда ты свободен?

— Ты только что получила мой номер.

— Но мне всё равно надо знать, когда можно пригласить тебя на ужин.

Габриэль, кажется, действительно задумался.

— В следующую среду вечером.

— Хорошо, — слишком быстро ответила Клэр. Настолько быстро, что сама заметила.

Она тут же опустила взгляд и сделала глоток кофе, пряча лицо. Габриэль снова открыл ноутбук, хотя к работе пока не вернулся.

— Лодыжка уже полностью зажила?

— Почти. Врач только попросил пока не нагружать её сильно.

— Значит, в походы больше не ходила?

— Ханна пыталась спрятать мои туристические ботинки.

— Не получилось?

— Конечно нет. Я сама спрятала их там, где она не найдёт.

— Где?

— Не скажу. Вдруг ты тайно на её стороне?

Габриэль тихо рассмеялся. Клэр смотрела на него и понимала, насколько эта встреча отличается от той, что была в горах. Тогда ей было слишком страшно и больно, чтобы обращать внимание на что-либо ещё. Почти всё время она провела у него на спине и едва могла видеть его выражение ли-

ца. Теперь же заметила: когда Габриэль улыбается, его и без того спокойные глаза становятся мягче, а губы лишь слегка изгибаются. Он явно не был человеком, который бурно выражает эмоции.

Но стоило Клэр заговорить, как он смотрел на неё так, будто всё внимание принадлежало только ей. В тот день она собиралась просто подойти, сказать спасибо и уйти. Вместо этого просидела за его столиком больше часа. Ни о чём особенно важном они не говорили.

Клэр рассказала, что подрабатывает преподавателем в художественной студии неподалёку и подаёт заявления на вакансии учителя рисования в начальной школе. Габриэль рассказал, что работает в Asteron Technologies и большую часть дня ищет проблемы, которые кто-то другой не заметил. Клэр всё равно не до конца понимала, чем именно он занимается.

— То есть вся твоя работа — находить ошибки?

— Примерно.

— Звучит нервно.

— Привыкаешь.

— А если ничего неправильного не найдёшь?

— Обычно это невозможно.

— А если правда всё нормально?

— Тогда есть шанс, что я что-то пропустил.

Клэр подперла подбородок рукой и посмотрела на него.

— Разве не утомительно так жить? Всё проверять?

Габриэль ответил не сразу. Отпил уже почти остывшего

кофе и сказал:

— Когда проверю, могу расслабиться.

Клэр не придавала словам особого значения. Они вполне соответствовали осторожному характеру Габриэля.

Перед выходом из кофейни он взял бумажный пакет, который она поставила рядом, и придержал дверь. Клэр вышла на улицу, потом обернулась.

— Ты ведь не забудешь про следующую среду?

— Не забуду.

— Я напишу, где встречаемся.

— Хорошо.

— Если придётся задержаться на работе, предупреди заранее.

— Хорошо.

— Ты быстро отвечаешь на сообщения?

Габриэль посмотрел на неё. Клэр поняла, что снова задаёт слишком много вопросов, и махнула рукой.

— Неважно. Сделай вид, что я не спрашивала. До следующей недели.

Она успела пройти всего несколько шагов, когда телефон завибрировал. Клэр посмотрела на сообщение.

Габриэль: «Я отвечаю не так уж медленно».

Клэр остановилась на тротуаре и обернулась к кофейне. Габриэль всё ещё стоял у двери. Сквозь стекло и поток прохожих он слегка поднял руку в её сторону. Клэр улыбнулась и ответила:

Клэр: «Хорошо».

Ужин в следующую среду предложила Клэр.

Вторую встречу — выставку выходного дня — тоже предложила она. В третий раз Клэр увидела рекламу недавно открывшегося ресторана со специальным ужином на двоих и почти не раздумывая отправила Габриэлю фотографию. Узнав об этом, Ханна сидела на диване в квартире Клэр, ела чипсы и листала их переписку.

— То есть пока каждый раз его куда-то зовёшь ты?

— И что в этом плохого?

— Ничего. — Ханна вернула телефон. — Просто никогда не видела тебя такой инициативной.

— Он молчаливый.

— Настолько, что сам пригласить тебя не способен?

— Он занят работой.

— Каждый день?

— Не каждый.

Ханна уставилась на неё. Уверенность Клэр быстро испарилась.

— Ладно. Сам он меня пока ни разу не приглашал.

— Ты ему нравишься?

— Думаю, да.

— Что значит «думаю»?

— Каждый раз, когда я зову, он приходит.

— Может, ему просто неудобно отказывать женщине, которую он спас.

Лицо Клэр вытянулось.

— Обязательно было говорить именно так?

Ханна поняла, что подруга действительно расстроилась, и перестала дразнить.

— Я шучу. Двадцативосьмилетний мужчина, который не хочет тебя видеть, найдёт миллион способов сказать «нет». Он бы не приходил вовремя каждый раз.

Клэр прижала к груди подушку.

— Тогда почему сам ничего не предлагает?

— Спроси.

— Как? Написать: «Габриэль, почему ты никогда не зовёшь меня первым? Я тебе не нравлюсь?»

— Всё равно лучше, чем каждый день сидеть и гадать.

На самом деле Клэр так и не спросила. Просто продолжала находить поводы куда-нибудь его пригласить. Габриэль ни разу не отказался. Они ходили на выставки, в книжные магазины, на ярмарки выходного дня и в небольшой театр в центре. Он никогда не пытался произвести впечатление. Не рассказывал бесконечно о работе, зарплате или бывших отношениях, как некоторые мужчины, которых Клэр знала раньше. Большую часть времени говорила всё равно она.

Она рассказывала о беседах в школах, о новых коллегах Ханны в больнице, о том, как её родители три дня спорили, менять ли ковёр в гостиной. Габриэль слушал. Помнил, что она не любит горький кофе. Если ступеньки были мокрыми или скользкими, автоматически замедлялся и

придерживал Клэр за руку. Но никогда не задерживал прикосновение дольше необходимого.

После первого совместного фильма Габриэль отвёз Клэр домой. Ночь была холодной. Она стояла у подъезда с ключом в руке, но дверь не открывала. Габриэль был в полушаге от неё.

— Лодыжка опять болит? — спросил он.

— Нет.

— Тогда почему не заходишь?

— Думаю...

Клэр посмотрела на ключ. Она и сама не знала, чего ждёт. За последние месяцы они виделись много раз. Габриэль отодвигал для неё стулья. При переходе дороги шёл со стороны машин. Всегда следил, чтобы вечером она благополучно добралась домой. Но ни разу не сделал ничего, что выходило бы за эти аккуратно очерченные границы. Даже за руку её не держал.

Сначала Клэр считала это галантностью. Потом начала задумываться: может, Габриэль действительно видит в ней лишь младшую подругу?

— Я тебе не нравлюсь? — наконец спросила она.

Габриэль несколько секунд молчал.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что всё время я зову тебя куда-нибудь первой.

— Я думал, тебе нравится самой выбирать, куда идти.

— Нравится. Но иногда мог бы позвать и ты.

— Хорошо.

Клэр подняла голову.

— И всё?

Габриэль увидел маленькую складку между её бровями. В глазах появилось беспомощное веселье.

— Клэр, я старше тебя на шесть лет.

— И что?

— Я не хотел, чтобы ты подумала: раз я помог тебе в го-
рах, теперь имею право чего-то от тебя ждать.

— Я так не думаю.

— Знаю.

— Тогда я тебе нравлюсь или нет?

Габриэль не ответил сразу. Он сделал шаг ближе, сократив расстояние между ними. Чтобы продолжать смотреть ему в глаза, Клэр пришлось поднять лицо.

— Ты мне нравишься, — сказал он.

Сердце Клэр резко и сильно ударило. Голос Габриэля был таким же низким и спокойным, но теперь без тени шутки.

— Я просто хочу, чтобы всё, что происходит между нами, происходило потому, что ты сама этого хочешь. А не потому, что чувствуешь себя мне обязанной.

Клэр несколько секунд молча смотрела на него.

— Первый ужин давно уже был достаточной благодарностью.

— Я знаю.

— Всё после него было потому, что я хотела тебя видеть.

Габриэль слегка наклонил голову.

— Значит, это были свидания?

Лицо Клэр вспыхнуло.

— Ты не знал?

— Не был уверен.

— Габриэль, мы шесть раз ужинали вдвоём. Посмотрели два фильма и сходили на три ярмарки выходного дня.

— Друзья тоже могут так проводить время.

— С обычными друзьями я не встречаюсь каждую неделю.

— А с Ханной?

— С ней другое.

— Почему?

— Она женщина.

Произнеся это, Клэр сразу поняла, как двусмысленно прозвучало.

— Я не говорю, что женщины не могут встречаться с женщинами. Я имею в виду, Ханна — моя лучшая подруга. Между нами не такие отношения. Ты прекрасно понимаешь, что я пытаюсь сказать.

Веселье в глазах Габриэля стало уже невозможно не заметить. Клэр наконец поняла, что он снова её дразнит.

— Ты специально.

— Немного.

— Это единственное, что ты умеешь говорить?

— Пока работает.

Клэр шлёпнула его по руке. Габриэль не отстранился. Посмотрел на её ладонь, оставшуюся на рукаве, затем снова на неё.

— Можно тебя поцеловать?

Клэр замерла. Она уже начала думать, что с характером Габриэля он никогда не решится сделать первый шаг. Но теперь, когда он действительно спросил, она занервничала так сильно, что даже дыхание стало осознанным.

— Обязательно спрашивать так официально?

— А я не должен был спрашивать?

— Нет, я не это имела в виду.

Пальцы Клэр слегка сжали рукав его пальто.

— Я имею в виду, не обязательно каждый раз быть настолько вежливым.

Габриэль не воспринял это как разрешение приблизиться. Он всё равно ждал ответа. Клэр подняла лицо.

— Можно.

Только тогда Габриэль поднял руку и мягко коснулся её щеки. Двигался медленно. Клэр почувствовала, как большой палец скользнул по коже, увидела, как его взгляд опустился, когда он наклонился. Поцелуй был лёгким. Без спешки, без попытки взять больше. Габриэль целовал её всего несколько секунд, потом чуть отстранился. Клэр всё ещё держала его за рукав.

— И всё?

Габриэль посмотрел на её покрасневшее лицо.

— Я думал, мне полагается быть джентльменом.

— Я такого не говорила.

— Значит, неправильно запомнил.

— Ты всё помнишь.

Габриэль тихо рассмеялся. Клэр поднялась на носки и сама поцеловала его снова.

В ту ночь они официально начали встречаться.

Родителям Клэр рассказала о парне только через три месяца. Она не скрывала отношения намеренно. Каждый раз, когда собиралась заговорить, отец был занят чем-то другим. Когда однажды воскресным днём она наконец сказала, Роберт сидел в гостиной и чинил лампу, сломанную уже несколько месяцев.

— Сколько ему лет? — спросил отец, не поднимая головы.

— Двадцать восемь.

Отвёртка в руке Роберта остановилась. Он поднял голову и посмотрел на дочь поверх очков для чтения.

— Тебе двадцать два.

— Я знаю, сколько мне лет.

— Он уже несколько лет работает. А ты только начинаешь взрослую жизнь.

— Разница шесть лет. Это не так уж много.

Роберт отложил отвёртку.

— Я не говорю, что шесть лет — огромная разница. Я говорю: смотри внимательно. Не надо увидеть красивого мужчину и перестать думать обо всём остальном.

— Мне не только его лицо нравится.

Роберт посмотрел на неё.

— Он красивый?

Клэр замялась.

— Да.

— Вот видишь.

— Но он ещё и хороший человек.

— Сколько вы знакомы?

— Уже несколько месяцев.

— За несколько месяцев можно по-настоящему узнать человека?

Клэр обхватила обеими руками отцовскую руку и положила голову ему на плечо.

— Пап, только не относись к нему плохо ещё до знакомства.

— Я к нему плохо не отношусь.

— Ещё как.

— Я его ещё не видел. Как я могу к нему плохо относиться?

— Ты сразу посмотрел неодобрительно, как только услышал возраст.

— Я напоминаю тебе не выключать голову только потому, что кто-то нравится.

— Между нами всего шесть лет.

— Теперь уже «всего».

Дайан, всё это время читавшая на другом конце комнаты,

наконец рассмеялась.

— Перестань её дразнить, — сказала она мужу. — С тех пор как вошла, она всё время проверяет телефон, а половину ужина улыбалась. Неужели не видно?

Роберт посмотрел на дочь.

— Он тебе действительно очень нравится?

Шутливость на лице Клэр немного исчезла.

— Да.

— Хорошо к тебе относится?

— Очень хорошо.

— Когда-нибудь давит на тебя, заставляет делать то, чего ты не хочешь?

— Нет. — Клэр сразу покачала головой. — Скорее наоборот, он даже слишком вежливый. Мы были знакомы несколько месяцев, прежде чем он впервые меня поцеловал, и даже тогда сначала спросил разрешения.

Выражение Роберта немного смягчилось.

— Где работает?

— Asteron Technologies. Тестирование программного обеспечения. Обычный сотрудник.

— Семья?

— Оба родителя живы. Есть старшая сестра.

— Был женат?

— Нет.

— Долги?

— Пап, откуда мне знать?

— Вот именно. Значит, ещё недостаточно внимательно присмотрелась.

Клэр потянула его за руку.

— Сколько ещё вопросов будет?

Роберт снова взял отвёртку и вернулся к лампе.

— Приводи его на ужин на следующей неделе.

Клэр моргнула.

— Ты хочешь с ним познакомиться?

— Ты всё рассказываешь, какой он замечательный. Надо самому посмотреть.

— Тогда нельзя специально его пугать.

— С чего бы я его пугал?

— И нельзя задавать бесконечные странные вопросы.

— Любой нормальный отец задаёт вопросы.

— Ты только что спросил про долги.

— Практичный вопрос.

Клэр посмотрела на мать в поисках поддержки. Дайан лишь улыбнулась и перевернула страницу.

— Скажи ему: суббота, половина седьмого.

Клэр наконец широко улыбнулась. Обняла отца за плечи и поцеловала в щёку.

— Я знала, что ты лучший.

Роберт с преувеличенным раздражением вытер щёку.

— Я его ещё не видел. Рано радуешься.

Но когда в субботу ровно в половине седьмого Габриэль пришёл в дом Уитморов, Роберт на самом деле не стал

усложнять ему жизнь. Габриэль принёс бутылку вина и цветы, которые нравились Дайан. Он надел простую тёмную рубашку и не стал одеваться слишком официально лишь ради того, чтобы произвести впечатление на родителей Клэр. И ни разу не проявил нетерпения из-за вопросов Роберта.

— Почему тебе нравится Клэр? — прямо спросил тот.

— Пап.

Клэр тут же потянула его за рукав. Габриэль от вопроса не уклонился. Посмотрел на Клэр.

— Она тёплая. И добрая.

— Что ещё?

— Рядом с ней мне не приходится гадать, что она думает.

Клэр моргнула. Роберт спросил:

— Потому что она всё тебе рассказывает?

— Практически.

За столом на пару секунд стало тихо. Первой рассмеялась Дайан. Клэр возмущённо посмотрела на Габриэля.

— Я правда так много говорю?

Габриэль протянул руку и отодвинул стакан с водой, который она почти опрокинула.

— Мне нравится слушать.

Он сказал это настолько естественно, что все приготовленные Клэр возражения исчезли.

Роберт заметил этот маленький обмен и больше не давил. После ужина Габриэль сам предложил помочь убрать со стола, но не вёл себя так, будто старательно пытается заслу-

жить расположение будущих родственников. Спокойно отвечал на вопросы Роберта о работе и семье и внимательно слушал, когда Дайан рассказывала истории из детства Клэр. Перед уходом Роберт попросил Габриэля выйти с ним на улицу один на один. Клэр осталась в гостиной и то и дело выглядывала в окно.

— Твой отец его не прогонит, — сказала Дайан.

— Они разговаривают целую вечность.

— Прошло три минуты.

— Это вечность.

— На горе ты разговаривала с Габриэлем сорок минут и не считала это долго.

Клэр посмотрела на мать.

— А ты откуда это знаешь?

— Ханна рассказала.

— Почему она всем всё рассказывает?

— Потому что похожа на тебя.

Наконец мужчины закончили. Габриэль вернулся без каких-либо признаков того, что разговор прошёл плохо. Роберт даже похлопал его по плечу перед уходом. Клэр проводила Габриэля до машины.

— Что сказал мой папа?

— Чтобы я ехал осторожно.

— А до этого?

— Ничего важного.

— Предупредил, чтобы я не страдала из-за тебя?

Габриэль открыл для неё пассажирскую дверь.

— Что-то в этом духе.

— Тебя это не раздражает?

— Почему должно?

— Он задавал столько вопросов.

— Он за тебя переживает.

Клэр стояла у открытой двери и смотрела на него, чувствуя, как грудь наполняется тихим теплом. Габриэль никогда не жаловался на осторожность её отца. Никогда не ждал, что Клэр будет выбирать между ним и семьёй. Он словно всегда точно понимал, где нужно остановиться. Не давил. Не переходил границу, которую она сама не открыла. С того дня, когда они снова встретились в кофейне, отношения развивались легко.

Габриэль не умел устраивать громких сюрпризов, зато помнил каждую мелочь, о которой говорила Клэр. Однажды она вскользь упомянула, что любит работы одного художника. Через несколько месяцев, когда у того проходила выставка в соседнем городе, Габриэль уже купил два билета. Она сказала, что по утрам часто забывает завтракать, — и когда он заезжал за ней перед работой, приносил сэндвич. Но если Клэр время от времени забывала ответить на сообщение, он никогда не устраивал допросов.

Когда она заболела, Габриэль оставил лекарства и горячий суп у двери её квартиры. Если сама не приглашала внутрь, он не входил. В первую совместную поездку они забронировали

отдельные номера. Клэр с удивлением посмотрела на вторую ключ-карту.

— Разве это не пустая трата денег?

— Не хочу, чтобы ты чувствовала: раз мы уже приехали вместе, ты обязана ночевать в моём номере.

— Мы встречаемся полгода.

— Время само по себе не означает согласия.

Клэр долго смотрела на него, а затем медленно улыбнулась.

В ту ночь именно она постучала в дверь Габриэля. Когда он открыл, то не отступил сразу в сторону и ничего не предположил только потому, что на ней была пижама.

— Что случилось?

— Не могу уснуть.

— Хочешь немного прогуляться?

— На улице холодно.

— Тогда можем посидеть внизу.

Клэр стояла в коридоре и наконец спросила:

— У тебя серьёзно нет никаких других идей?

Габриэль спокойно посмотрел на неё.

— Есть.

Щёки Клэр вспыхнули.

— Тогда почему не говоришь?

— Потому что моё желание и твоё желание — две разные вещи.

В ту ночь Клэр не перешла границу, к которой ещё не

была готова. Габриэль не выглядел разочарованным. Просто сел с ней на диване в своём номере и слушал, как она говорит, пока её не начало клонить в сон. Потом проводил до соседней двери и поцеловал в лоб на пороге. Именно такая мягкость всё сильнее убеждала Клэр: с этим человеком она хочет строить жизнь.

Почти через год после знакомства Габриэль снова привёз Клэр в парк Норт-Ридж. Лодыжка давно полностью зажила. На этот раз они не сворачивали с Пайн-Холлоу и выбрали день, перед которым несколько суток не было дождя. За плечами Габриэля всё ещё был тот же чёрный туристический рюкзак, набитый таким количеством вещей на экстренный случай, что Клэр не понимала, кому вообще может понадобиться всё это сразу. Увидев содержимое, она рассмеялась.

— Ты думаешь, я буду падать каждый раз, когда куда-то иду с тобой?

— Я не люблю оставлять безопасность на волю случая.

— Помню, ты уже так говорил.

— Правда запомнила?

— Я тоже тебя слушаю.

Они медленно шли по тропе. Клэр говорила почти всю дорогу, а Габриэль слушал — точно так же, как в первый раз. Только теперь ему не приходилось нести её на спине, а Клэр могла в любой момент взять его за руку. Наконец они остановились на смотровой площадке, откуда открывался широкий вид на долину.

Закат окрашивал далёкий лес слоями тёплого золота. Горный ветер поднял длинные волосы Клэр. Она заправила выбившуюся прядь за ухо и повернулась к Габриэлю.

— Почему ты на меня так смотришь?

Габриэль не ответил. Отпустил её руку и достал из кармана пальто небольшую тёмную коробочку. Улыбка Клэр медленно исчезла.

— Габриэль?

Он опустился перед ней на одно колено. Клэр закрыла рот ладонью. Глаза почти сразу наполнились слезами. Габриэль открыл коробочку. Внутри лежало простое кольцо с бриллиантом — без излишней вычурности, именно такое, какое ей нравилось.

— Когда я впервые увидел тебя здесь, я хотел только одного — безопасно спустить тебя с горы, — сказал Габриэль, глядя на неё снизу вверх. — А когда снова встретил тебя в кофейне, понял, насколько рад, что в тот день свернул на боковую тропу, которой почти никогда не пользуюсь.

По щекам Клэр уже текли слёзы.

— Я знаю, что старше тебя. И знаю, что впереди у тебя ещё много выборов, — продолжил он. — Поэтому не собираюсь решать за тебя, каким должно быть твоё будущее.

Голос оставался спокойным. Только пальцы, державшие коробочку, были сжаты чуть сильнее обычного.

— Клэр, я просто хочу спросить: позволишь мне и дальше идти рядом с тобой?

Клэр одновременно плакала и смеялась.

— Обязательно всё говорить так официально?

Улыбка появилась и в глазах Габриэля.

— Вопрос довольно официальный.

— Тогда почему ты ещё не задал его по-настоящему?

Габриэль посмотрел на неё.

— Клэр Уитмор, ты выйдешь за меня?

Клэр не заставила ждать.

— Да.

Она энергично кивнула, слёзы продолжали катиться по щекам.

— Да, выйду.

Когда Габриэль надел кольцо ей на палец, Клэр бросилась ему в объятия. От удара он слегка качнулся, но удержал её уверенно.

— На этот раз ты сама пришла ко мне, — тихо сказал он. Клэр крепче обняла его за шею.

— Потому что знаю: ты меня не уронишь.

Через год они поженились.

Свадьба не была роскошной. Пригласили только семью и самых близких людей. Ханна стояла рядом с Клэр в роли подружки невесты и всё утро напоминала ей не портить макияж слезами — а потом сама плакала сильнее невесты. Роберт сохранял суровое выражение, ведя дочь к Габриэлю. Прежде чем вложить её руку в его ладонь, посмотрел на жениха.

— Она много говорит.

Габриэль кивнул.

— Знаю.

— И упрямая.

— Это тоже знаю.

— Ещё можешь передумать.

— Папа!

Клэр возмутилась, а гости вокруг рассмеялись. Роберт наконец улыбнулся. Вложил руку дочери в ладонь Габриэля и тихо сказал:

— Береги её.

— Буду.

Габриэль сомкнул пальцы вокруг руки Клэр. В конце церемонии наклонился и поцеловал её. Поцелуй оставался мягким и сдержанным, но в нём было больше уверенности, чем в первом. Клэр слышала аплодисменты вокруг. Слышала, как неподалёку Ханна плачет и выкрикивает её имя. Открыла глаза и посмотрела на мужчину, который теперь был её мужем.

Почти два года назад она повредила лодыжку на пустой горной тропе и сидела несчастная в грязи, уверенная, что это самый неудачный день в её жизни. Теперь Клэр начинала верить: возможно, это была лучшая случайность, которую когда-либо устроила для неё судьба.

ГЛАВА 5

Стать твоей женой

К тому времени, когда свадьба наконец закончилась, было почти одиннадцать вечера. Последние гости постепенно разошлись, и ещё недавно переполненный зал затих. Персонал начал убирать со столов цветы и посуду. Под потолком всё ещё горели тёплые гирлянды, бросая мягкое золотистое сияние на пустой танцпол. Клэр стояла в коридоре у зала и смотрела на свои туфли. Она носила их почти двенадцать часов.

В начале дня белые туфли, усыпанные мелкими кристаллами, казались прекрасными. Теперь ей хотелось сорвать их с ног и больше никогда не видеть.

— По-моему, ноги мне больше не принадлежат.

Она опёрлась ладонью о стену и осторожно приподняла одну стопу. Габриэль как раз закончил уточнять у сотрудников отеля, всё ли в порядке с багажом, подошёл к ней и услышал жалобу.

— Помочь?

— Для начала можешь выбросить эти туфли.

— Завтра они тебе тоже не понадобятся?

— Возможно, завтра ко мне вернётся рассудок. — Клэр сердито посмотрела на каблуки. — Но сегодня я их видеть не хочу.

Габриэль присел перед ней. Клэр моргнула.

— Что ты делаешь?

— Снимаю.

— Здесь?

— В коридоре никого нет.

— У меня огромное платье.

— Я заметил.

Габриэль слегка приподнял юбку, придержал её за лодыжку и расстегнул первую туфлю. Он сделал это настолько буднично, что Клэр стояла и смотрела вниз на мужчину, который всего несколько часов назад стал её мужем, и чувствовала, как внутри что-то неожиданно смягчается. Несколько часов назад они стояли перед всеми, кого любили, и произносили клятвы. А теперь Габриэль опустился на колени в коридоре отеля и снимал с неё обувь, мучившую весь день.

— Знаешь, — сказала Клэр, — я много раз представляла, каким будет конец моей свадьбы.

— Снятия туфель в твоих планах не было?

— Нет. В моём воображении я всё время элегантная. Макияж не размазывается, причёска не разваливается, и я вообще не устаю.

Габриэль снял вторую туфлю.

— А в реальности?

Клэр посмотрела на себя. Сложная причёска наполовину распалась, светлые пряди выбились и падали вокруг лица. Макияж держался ещё довольно неплохо, хотя глаза покраснели после нескольких приступов слёз. Подол свадебного платья, весь день волочившийся по полу, собрал немного пыли. Клэр пошевелила наконец освобождёнными пальцами ног.

— В реальности я просто хочу есть.

Габриэль выпрямился, держа обе туфли в одной руке.

— За ужином мало поела?

— Почти ничего. Каждый раз, когда я брала вилку, ко мне подходил кто-нибудь поговорить. А Ханна всё повторяла, чтобы я не съела помаду.

— В номере есть еда.

Глаза Клэр загорелись.

— Какая?

— Сэндвичи. Фрукты. И торт, который твоя мама попросила отнести наверх.

— Свадебный торт?

— Да.

— Она не забыла оставить мне кусок?

— Сказала, что ты будешь голодная.

Клэр растрогалась настолько, что почти захотела тут же позвонить матери. Сделала шаг вперёд. Босая стопа коснулась холодного мрамора, и Клэр тут же отдёрнула ногу. Габриэль посмотрел вниз.

— Холодно?

— Немного.

Больше он ничего не спросил. Просто наклонился и поднял её на руки. Клэр удивлённо вскрикнула и автоматически обхватила его за шею.

— Габриэль!

— Что?

— Ты мог хотя бы предупредить.

— Ты сказала, пол холодный.

— И поэтому просто взял меня на руки?

— Так быстрее.

Габриэль понёс её к номеру. Пышная юбка свадебного платья свисала с его руки и занимала едва ли не половину коридора. Клэр оглянулась на белую ткань, тянущуюся позади, и поспешно собрала её.

— Медленнее. Платье сейчас за что-нибудь зацепится.

Габриэль остановился, дождался, пока вся юбка окажется у неё в руках, и только потом продолжил.

— Надо было так носить меня всю свадьбу, — сказала Клэр. — Тогда не пришлось бы весь день ходить на этих каблуках.

— Твой отец мог бы не одобрить.

— Сколько раз он сегодня тебя предупреждал?

— Дважды.

— Всего два?

— Дважды официально.

Клэр рассмеялась.

— А неофициально?

Габриэль посмотрел на неё.

— Он наблюдал за мной с той минуты, как передал тебя мне.

— Ему просто тяжело меня отпускать.

— Знаю.

— Тебя это ведь не задевает?

— Нет.

— Правда?

— Клэр, сегодня ты уже четыре раза это спрашивала.

— Папа иногда бывает слишком прямолинейным.

— Он тебя любит, — без колебаний ответил Габриэль.

Клэр посмотрела на его профиль и сама не заметила, как крепче обняла за шею.

— А ты меня любишь?

Габриэль остановился у двери номера. Ответил не сразу, просто посмотрел на неё сверху вниз.

— Ты сегодня вышла за меня замуж и только сейчас об этом спрашиваешь?

— Просто хочу услышать ещё раз.

— Очень.

— Насколько?

— Хочешь, чтобы я стоял здесь, в коридоре, и подробно объяснял?

Клэр всерьёз задумалась.

— Я бы не возражала.

В глазах Габриэля мелькнуло веселье. Он перехватил её поудобнее одной рукой, другой достал ключ-карту и открыл дверь.

— Сначала зайдём.

В люксе для них оставили включённый свет. На столе в гостиной ждали шампанское, фрукты и несколько простых

блюдо. У окна стояла прозрачная коробка с кусками свадебного торта. Возле двери в спальню рассыпали бледно-розовые лепестки, за ней на кровати белело свежее бельё. Едва Габриэль поставил Клэр на пол, она босиком поспешила к торту. Он поймал её за запястье.

— Сначала переоденься.

— Один кусочек.

— Ты только что сказала, что умираешь от голода.

— Вот именно. Поэтому сначала надо поесть.

— Испачкаешь платье кремом.

Клэр посмотрела на дорогое свадебное платье, потом на торт в прозрачной коробке. На её лице явно отражалась внутренняя борьба. Габриэль терпеливо ждал рядом. Через несколько секунд Клэр с трудом отвела взгляд от торта.

— Ладно. Сначала платье.

Она сделала два шага и остановилась.

— Что такое? — спросил Габриэль.

Клэр повернулась к нему спиной и провела рукой по платью сзади. От лопаток до талии тянулся ряд крошечных жемчужных пуговиц. Утром их застёгивали вдвоём мама и Ханна. Самой справиться было невозможно. Клэр повернула голову.

— Мне нужна помощь.

Взгляд Габриэля опустился на пуговицы, затем снова поднялся к её лицу.

— Ты уверена?

— Конечно уверена. Иначе придётся спать в свадебном платье.

— Могу позвать сотрудницу отеля.

Клэр недоверчиво уставилась на него.

— Габриэль, мы женаты.

— Знаю.

— Ты мой муж.

— Это тоже знаю.

— Тогда зачем звать кого-то другого, чтобы помочь мне снять свадебное платье?

Габриэль помолчал.

— Потому что ты выглядишь нервной.

Клэр только что была полна праведного возмущения, но теперь щёки мгновенно вспыхнули.

— Я не нервничаю.

Габриэль посмотрел на неё.

— Ладно, — тихо призналась Клэр. — Немного.

За всё время отношений Габриэль ни разу не подталкивал её за границу, которую она не хотела пересекать. Даже когда между ними стало больше физической близости, он всё равно убеждался, что она хочет каждого следующего шага. Сегодня была их брачная ночь. Клэр прекрасно понимала, что это может означать. Но когда дверь закрылась и в номере остались только они двое, она не могла избавиться от волнения. Габриэль её не торопил.

— Сначала переоденься, — сказал он. — Потом поедим.

Всё остальное может подождать, пока ты сама не будешь готова.

— А если сегодня я вообще не буду готова?

— Тогда поспим.

— Просто поспим?

— Просто поспим.

Тон был совершенно обычным. Ни разочарования, ни нарочитого понимания. Словно любое решение Клэр просто останется её решением. Глядя на него, она почувствовала, как внутреннее напряжение начинает уходить. Подошла ближе, повернулась спиной и перекинула распущенные светлые волосы через одно плечо.

— Помоги с пуговицами.

Габриэль всё ещё не двинулся сразу.

— Клэр.

— Я уверена.

Она оглянулась на него через плечо.

— И это платье меня уже доконало.

Наконец Габриэль поднял руки. Как только пальцы коснулись первой жемчужной пуговицы, спина Клэр невольно напряглась. Одна пуговица растянулась, затем другая. Ткань, весь день плотно облегавшая тело, постепенно ослабевала. По обнажающейся спине прошёл прохладный воздух. Пальцы Габриэля иногда случайно касались кожи, но он никогда намеренно не задерживал руку. Почему-то из-за его молчания Клэр ощущала каждое случайное прикосновение ещё

сильнее.

— Почему ты ничего не говоришь? — спросила она.

— А что сказать?

— Не знаю.

— Тогда, наверное, лучше молчать.

— Так я нервничаю ещё больше.

Габриэль расстегнул последнюю пуговицу.

— О чём хочешь поговорить?

Клэр задумалась.

— Ты сегодня плакал?

— Нет.

— Я видела, у тебя глаза покраснели.

— Освещение.

— Свадебные огни светили не только тебе в глаза.

Габриэль поймал ослабевшую ткань, когда платье начало соскальзывать с её плеч.

— Клэр.

— Значит, всё-таки плакал?

— Нет.

— Плакал. Точно.

Габриэль перестал спорить. Довольная собой, Клэр резко повернулась, чтобы разглядеть его выражение, — и забыла, что платье больше ничто не удерживает. Тяжёлая ткань внезапно поползла вниз. Клэр обеими руками схватилась за лиф.

— А-а!

Габриэль сразу отвёл взгляд. Клэр прижала платье к себе, чувствуя, как горит лицо до самых ушей. На пару секунд в комнате воцарилась тишина. Первым заговорил Габриэль.

— Хочешь, я выйду?

Клэр посмотрела на его серьёзный профиль, одновременно смущённая и развеселённая.

— Ты уже видел.

— Не видел.

— Не мог ты так быстро отвернуться, чтобы совсем ничего не увидеть.

— Могу сделать вид, что не видел.

— Почему ты говоришь так, будто разбираешься с программной ошибкой?

Уголок его губ дёрнулся. Клэр схватила с кровати подушку и бросила в него. Габриэль поймал.

— Ты смеёшься!

— Нет.

— У тебя рот шевельнулся.

— Наверное, освещение.

Клэр уставилась на него. Он только что использовал против неё её же обвинение. Всё ещё придерживая платье, она босиком поспешила в ванную. Перед тем как закрыть дверь, указала на него пальцем.

— Не ешь торт без меня.

— Хорошо.

— И не допивай шампанское.

— Хорошо.

— И ни в коем случае не смотри на мой телефон на кровати.

— Почему?

— Ханна может написать что-нибудь странное.

Габриэль посмотрел на телефон, экран которого уже несколько раз загорался.

— Например?

— Тебе не надо знать.

Клэр закрыла дверь ванной. Почти сразу телефон снова завибрировал. На экране появилось сообщение.

Ханна: «Вы уже в номере?»

Тут же следующее.

Ханна: «Клэр, только не разговаривай всё время».

И ещё одно.

Ханна: «Хотя бы дай мужу шанс».

Габриэль пару секунд смотрел перед собой, потом демонстративно отвёл глаза. Из-за двери донёсся голос Клэр:

— Габриэль!

— Я не смотрел.

— Я ещё даже ничего не спросила!

За дверью повисла тишина.

— Ханна мне написала?

— Да.

— Ты видел, что она написала?

— Нет.

— Врёшь.

— Экран сам загорелся.

Из ванной донёсся стон. Габриэль наконец тихо рассмеялся.

Через несколько минут Клэр вышла в мягком белом халате. Фату она сняла, как и большую часть шпилек. Длинные светлые волосы свободно лежали на плечах и спине. Без тяжёлого свадебного макияжа лицо выглядело моложе, хотя щёки после недавнего происшествия всё ещё оставались розовыми.

Габриэль снял пиджак и ослабил галстук. Рукава белой рубашки были закатаны до локтей. Клэр остановилась в дверях и несколько секунд смотрела на него. Он резал для неё торт.

— Почему ты так хорошо это делаешь? — спросила она.

— Режу торт?

— Да.

— Берёшь нож и режешь.

Клэр подошла ближе.

— Звучит совсем не романтично.

Габриэль положил первый кусок на тарелку и протянул ей.

— Включить свадебную музыку?

— Нет.

Клэр тут же забрала тарелку и устроилась на диване. После первого кусочка она счастливо закрыла глаза.

— Наконец-то я ем собственный свадебный торт.

Габриэль сел рядом.

— Сколько хочешь?

— Весь.

— Твоя мама оставила на шестерых.

— Тогда буду есть два дня.

Клэр ела слишком быстро, и капля крема осталась у уголка губ. Габриэль протянул руку и стёр её. Большой палец легко прошёлся по её губе. Рука Клэр с вилкой замерла. На мгновение между ними повисла тишина. Габриэль не сразу убрал руку. Он смотрел на неё; во взгляде появилось что-то более глубокое, но ближе он не придвинулся. Клэр слизнула с губ остатки крема.

— Опять ждёшь меня?

— Да.

— Мы уже женаты.

— Брак не даёт мне права решать за тебя.

Клэр поставила тарелку. Подвинулась ближе, пока колено не коснулось его ноги.

— Тогда я сама скажу.

Габриэль не отводил глаз. Клэр взялась за ослабленный галстук и потянула его к себе.

— Я этого хочу.

Она поцеловала его.

На этот раз Габриэль не ответил тем коротким, сдержанным поцелуем, который обычно позволял себе раньше. Одна рука легла ей на затылок, другая — на талию и мягко притя-

нула ближе. Клэр всё ещё держалась за галстук, придвигаясь, пока почти не прижалась к его груди. Поцелуй становился глубже. Дыхание Клэр быстро сбилось.

Она собиралась сохранить хотя бы немного элегантности новобрачной, но вскоре вообще забыла, куда девать руки, и могла только цепляться за рубашку Габриэля. Когда он наконец слегка отстранился, она всё ещё его не отпускала.

— Что? — спросила Клэр, тяжело дыша.

— Тебе нужно дышать.

— Я знаю.

— Ты вся красная.

— Это из-за тебя.

Веселье в его глазах тут же дало Клэр понять, насколько прямо это прозвучало. Она закрыла ему глаза ладонью.

— Не смотри на меня.

— Почему?

— Ты заставляешь меня нервничать.

— Ты сама меня поцеловала.

— И не надо теперь постоянно об этом напоминать.

Габриэль взял её за запястье, опустил руку и поцеловал в центр ладони. Пальцы Клэр слегка согнулись.

— Ты и с другими женщинами был таким? — вдруг спросила она.

Габриэль поднял взгляд.

— Каким?

— Ну... — Клэр искала слова. — Таким, от кого сердце

быстро бьётся.

— Других женщин не было.

— Правда?

— Правда.

— Но ты старше меня на шесть лет.

— Возраст и опыт — не одно и то же.

Клэр долго смотрела на него, явно не до конца убеждённая. Габриэль не спешил ничего доказывать. Просто смотрел в ответ. В конце концов смутилась сама Клэр и отвела глаза.

— Ладно.

Она снова потянулась к тарту. Габриэль остановил её.

— Ты испачкала мне рубашку кремом.

Клэр посмотрела вниз. На белой ткани действительно был небольшой след крема.

— Это не я.

— Здесь только мы двое.

— Может, ты сам испачкался, когда ел торт.

— Я его ещё не ел.

— Значит, торт сам на тебя прыгнул.

Габриэль посмотрел на неё. Клэр выдержала несколько секунд и рассмеялась.

— Ладно. Это я.

Она потянулась стереть крем. Как только пальцы коснулись рубашки, Габриэль поймал её руку.

— Что делаешь?

— Вытираю.

— Рукой?

— Здесь только салфетки.

— Салфетки у тебя за спиной.

Клэр оглянулась. Коробка действительно стояла ровно там, где он сказал. Когда она снова повернулась, Габриэль всё ещё держал её руку.

— Тогда почему не отпускаешь?

— Не знаю.

Сердце Клэр снова забилось быстрее. Она постаралась говорить непринуждённо.

— Наконец устал быть джентльменом?

Габриэль посмотрел на неё сверху вниз.

— У меня всегда бывали мысли, совсем не джентльменские.

— Раньше ты такого не говорил.

— Раньше было неуместно.

— А сейчас уместно?

— Это зависит от тебя.

Клэр ничего не ответила вслух. Просто сжала пальцами ткань его рубашки там, где остался крем, и мягко потянула Габриэля к себе.

Свадебный торт после этого так никто и не доел. Из шампанского выпили всего половину бокала.

Клэр понятия не имела, в какой момент её халат оказался на другом конце дивана и как галстук Габриэля в итоге запутался на изголовье. Она помнила только, что в какой-то

момент от волнения начала говорить ещё больше обычного, пока Габриэлю не пришлось поцеловать её, заставляя замолчать до того, как вопросы окончательно потеряли смысл.

— Почему ты ничего не говоришь?..

— Клэр.

— Ты передумал?

— Нет.

— Тогда почему так на меня смотришь?

— Потому что ты моя жена.

— Я знаю, но когда ты так смотришь, я...

Габриэль поцеловал её. Остаток фразы растворился в невнятном звуке. Когда он снова отстранился, Клэр, покраснев, сердито посмотрела на него.

— Ты сделал это, чтобы я не договорила.

— Да.

— Наконец-то признался.

Когда Габриэль поцеловал её снова, Клэр уже смеялась.

Их брачная ночь совсем не походила на идеально романтическую картинку, которую она когда-то представляла. Причёска окончательно растрепалась. Клэр едва не опрокинула шампанское у кровати. А одна из жемчужных пуговиц свадебного платья каким-то образом прилипла к спине Габриэля. Увидев её, Клэр рассмеялась так сильно, что на глазах появились слёзы.

Габриэль отлепил жемчужину от кожи и положил ей на ладонь.

— Настолько смешно?

Клэр спряталась под одеялом, оставив снаружи только улыбающиеся глаза.

— Тебе идёт.

— Каким образом?

— Как очень дорогое украшение.

Габриэль потянулся за одеялом. Клэр схватила его и отползла к другому краю кровати.

— Даже не думай!

— Это моё одеяло.

— Мы теперь женаты. Половина всего принадлежит мне.

— И одеяла тоже?

— И одеяла тоже.

В конце концов Габриэль притянул её обратно вместе с одеялом. Клэр несколько секунд сопротивлялась, поняла, что не вырвется, и, смеясь, устроилась у него на груди. Потом они долго разговаривали. Точнее, в основном говорила Клэр.

Она рассказала, как чуть не наступила на шлейф собственного платья, как Ханна плакала сильнее неё и как в момент, когда отец вложил её руку в ладонь Габриэля, ей вдруг стало немного грустно от того, что она покидает родителей. Габриэль молча слушал и медленно перебирал пальцами светлые волосы, рассыпавшиеся по подушке.

— Как ты думаешь, какими мы будем потом? — спросила Клэр.

— Потом — это когда?

— После свадьбы.

— Завтра проснёмся.

— Я не это имею в виду.

— Потом позавтракаем.

Клэр подняла голову.

— Ты опять специально.

Габриэль едва заметно улыбнулся. Клэр положила подбородок ему на грудь.

— Мы будем ссориться?

— Да.

— Почему так быстро ответил?

— Все супруги ссорятся.

— Ты будешь на меня кричать?

— Постараюсь не кричать.

— Когда-нибудь решишь, что я слишком много говорю?

— Нет.

— А слушать меня когда-нибудь перестанешь хотеть?

— Нет.

— Ты каждый раз говоришь «нет». Немного похоже на формальность.

Габриэль посмотрел на неё.

— Тогда какой ответ ты хочешь?

Клэр задумалась и поняла, что никакого конкретного ответа у неё нет. Она коснулась его лица.

— Просто оставайся таким, какой ты сейчас.

Габриэль взял её руку и поцеловал пальцы.

— Хорошо.

Семейная жизнь не изменила всё за одну ночь. Когда Клэр переехала в дом Габриэля, она привезла больше десятка коробок с художественными материалами, книгами и одеждой. Пообещала распаковать всё за неделю. Через месяц три нераспечатанные коробки всё ещё стояли в углу кабинета. Габриэль не давил.

Раз в несколько дней просто спрашивал, нельзя ли хотя бы придвинуть их ближе к стене, чтобы ночью она не ударилась об одну из них ногой. Клэр каждый раз соглашалась. И снова забывала.

Первая бытовая размолвка случилась из-за мокрых полотенец. Габриэль всегда аккуратно их развешивал. Клэр после душа часто бросала своё на спинку стула. На третий раз, найдя там влажное полотенце, Габриэль не разозлился.

Просто принёс его в гостиную. Клэр сидела на ковре и рисовала.

— Клэр.

— М-м?

— Твоё полотенце.

— Можешь повесить за меня?

— Последние два раза я уже вешал.

— Значит, ты в этом уже хорошо умеешь.

Габриэль стоял и смотрел на неё. Клэр выдержала его взгляд несколько секунд, потом виновато отложила кисть.

— Ладно. Я сама.

Подойдя за полотенцем, она поднялась на носки и поцеловала его в щёку.

— Компенсация.

Габриэль спросил:

— Ты собираешься каждый раз так компенсировать?

Клэр всерьёз обдумала и кивнула.

— Меня устраивает.

После этого аккуратнее развешивать полотенца она так и не стала. Но и Габриэль почти перестал жаловаться.

Они вместе покупали продукты, вместе готовили и проводили выходные, отказываясь вставать с кровати. Габриэль обычно просыпался рано. Клэр предпочитала обвиться вокруг него, обнять за талию и не выпускать.

— Мне надо приготовить завтрак, — говорил он.

— Ещё пять минут.

— Ты и пять минут назад так сказала.

— Те не считаются.

— Почему?

— Я ещё не проснулась.

Иногда Габриэль действительно оставался ещё на пять минут. Чаше садился, пока Клэр всё ещё висела на нём. Если она отказывалась отпускать, он нёс её на спине в ванную. Это всегда напоминало Клэр день их первой встречи.

— Может, ты родился, чтобы меня носить, — однажды сказала она, положив подбородок ему на плечо.

— А ты, может, родилась, чтобы отказываться ходить.

— Сейчас у меня лодыжка не болит.

— Тогда можешь слезть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я твоя жена.

Постепенно это стало объяснением Клэр практически для всего. Она могла украсть последний кусок бекона с тарелки Габриэля, потому что была его женой. Могла зимой просунуть ледяные ступни между его ног, потому что была его женой. Могла лечь поперёк двери кабинета и спрашивать, когда он закончит работу, потому что была его женой. Габриэль обычно всё позволял.

Только если она действительно мешала видеоконференции, он вынимал один наушник и жестом просил её помолчать. Клэр послушно замолкала. Примерно на две минуты.

В первую зиму после свадьбы Сидар-Ридж завалило сильным снегом. Клэр сидела на ковре в гостиной в толстой пижаме и заворачивала рождественские подарки. Габриэль устроился рядом с диваном и разрезал ленту каждый раз, когда ей удавалось запутать её в узел. За окном непрерывно шёл снег.

В доме было тихо, слышался лишь негромкий гул отопления. Из кухни всё ещё едва доносился запах свежего печенья. Клэр вдруг подняла голову.

— Габриэль.

— М-м?

— Ты счастлив?

Он перестал резать ленту.

— Почему спрашиваешь именно сейчас?

— Просто хочу знать.

Габриэль отложил ножницы и посмотрел на жену, сидевшую на ковре. Светлые волосы были небрежно собраны на затылке. На кончике носа прилипла золотая блёстка от упаковочной бумаги. Перед ней лежало несколько кое-как завёрнутых коробок, а на ногах были два совершенно разных носка.

— Очень, — сказал он.

Клэр улыбнулась.

— Я тоже.

Она подползла ближе, устроилась в его объятиях и тут же засунула обе холодные руки под свитер. Всё тело Габриэля мгновенно напряглось.

— Клэр.

— У меня руки холодные.

— И поэтому ты прикладываешь их ко мне?

— Ты теплее.

Габриэль попытался поймать её за запястья и вытащить руки. Клэр смеясь сопротивлялась, и в итоге они оба завалились боком на диван. Ленты и упаковочная бумага рассыпались по полу. Клэр оказалась сверху и смеялась так сильно, что едва могла дышать. Габриэль придерживал её за талию,

чтобы она не съехала с края.

— Ты опять создаёшь проблемы.

— Ты уже на мне женился.

— И?

— Значит, жалеть уже поздно.

Габриэль посмотрел в её яркие серо-голубые глаза.

— Я не жалею.

И притянул её ближе.

В тот период жизни Клэр ни разу не сомневалась, что у неё есть всё, чего она хотела. Рядом был мягкий, надёжный муж, готовый выслушать всё, что она говорит. Их жизнь не была идеальной, но казалась куда реальнее любого будущего, которое она когда-либо представляла.

Всякий раз, вспоминая мокрую горную тропу, где они впервые встретились, Клэр думала: возможно, тем падением она разом исчерпала весь запас неудач на всю жизнь.

По крайней мере, тогда она в это верила.

ГЛАВА 6

После хороших новостей

Клэр узнала, что беременна, через три месяца после свадьбы. Сначала она заметила только постоянную усталость. Однажды утром будильник уже дважды звонил, а она всё равно не могла заставить себя отпустить одеяло. Когда Габриэль приготовил кофе, который она обычно обожала, до неё донёлся запах — и желудок тут же скрутило. Клэр даже

не прикоснулась к чашке и поспешила в ванную.

Габриэль пошёл следом и нашёл её на коленях возле унитаза. Светлые волосы беспорядочно падали на плечи, лицо заметно побледнело.

— Что-то не то съела?

Он присел рядом, одной рукой убрал волосы с её лица, другой стал гладить по спине.

— Не знаю.

Клэр нахмурилась и задумалась. Накануне вечером они ели одно и то же, а Габриэль чувствовал себя прекрасно. Вне дома она тоже ничего необычного не ела.

— Может, вчерашнее молоко, — сказала она. — Мне показалось, у него был немного странный вкус.

— Мы купили его позавчера.

— Магазин мог слишком долго держать его до продажи.

Габриэль приложил тыльную сторону ладони к её лбу.

— Температуры нет.

— Я и не чувствовала жара.

— Всё ещё тошнит?

Клэр немного посидела, потом покачала головой.

— Сейчас нет.

Габриэль помог ей подняться и налил стакан тёплой воды. Клэр сделала несколько маленьких глотков, глядя на своё бледное отражение в зеркале. И тут в голове мелькнула мысль. Она замерла. Габриэль заметил сразу.

— Что?

— Ничего, — слишком быстро ответила Клэр.

Она сунула стакан обратно ему в руку и направилась прямо в спальню.

— У меня сегодня утром нет занятий, — сказала она, открывая шкаф. — Ещё немного посплю. А тебе пора на работу, пока не опоздал.

Габриэль остался в дверях.

— Клэр.

— М-м?

— Ты что-то вспомнила?

— Нет.

Клэр вытащила куртку и тут же снова запихнула её в шкаф. Габриэль наблюдал, как она без причины перебирает одежду.

— Каждый раз, когда что-то скрываешь, делаешь вид, что очень занята.

Клэр остановилась.

— Я ничего не скрываю.

— Тогда что ищешь?

— Одежду.

— Ты уже одета.

Клэр опустила взгляд на пижаму. Через несколько секунд подошла, упёрлась обеими ладонями ему в грудь и начала выталкивать из спальни.

— Тебе правда пора на работу.

— Сначала скажи, что происходит.

— Пока не могу.

— Почему?

— Потому что сама ещё не уверена.

Габриэль не стал давить. Просто стоял и смотрел на неё. Чем дольше смотрел, тем неловче становилось Клэр. Наконец она поднялась на носки и быстро поцеловала его в уголок губ.

— Когда узнаю, ты будешь первым, кому скажу.

— Позвони, если снова станет плохо.

— Знаю.

— И никуда не ездю одна.

— Меня немного тошнило. Я всё ещё умею ходить.

Габриэль всё равно явно сомневался. Клэр пришлось проводить его до самой двери, дожидаться, пока он обуется, и вручить рабочую сумку.

— Я буду осторожна, — пообещала она. — Если ты сейчас не уйдёшь, Мартин начнёт меня ненавидеть за твои опоздания.

— Мартин даже не знает, кто ты.

— Когда-нибудь узнает и скажет, что ты всё время опаздываешь из-за жены.

Габриэль наклонился и поцеловал её в лоб.

— Если что-нибудь случится — звони сразу.

— Хорошо.

Клэр стояла в дверях, пока его машина не скрылась в конце улицы. Потом закрыла дверь, побежала обратно в спаль-

ню и схватила телефон. Первым делом открыла календарь. Задержка была уже восемь дней. Клэр села на край кровати и уставилась на экран, чувствуя, как постепенно ускоряется пульс.

Нельзя сказать, что она никогда не думала о детях.

До свадьбы они с Габриэлем это обсуждали. Клэр любила детей и всегда представляла, что когда-нибудь у неё будет шумная большая семья. Габриэль не возражал. Только говорил, что они начнут пробовать тогда, когда она сама почувствует себя готовой. Но ни один из них не ожидал, что всё случится так быстро.

Клэр просидела так почти десять минут. Затем оделась и пошла в ближайшую аптеку. Купила тесты на беременность трёх разных марок.

Женщина за кассой посмотрела на покупки, потом на неё. Клэр тут же начала объяснять.

— Я просто подумала, что несколько тестов дадут более точный результат.

Кассирша вежливо кивнула.

— Конечно.

— Не то чтобы я не доверяла какой-то из этих марок.

— Понимаю.

— Просто я впервые их покупаю и не знаю, какой лучше.

— Любой из них подойдёт.

Клэр заметила очередь за спиной и наконец перестала говорить, расплатилась и вышла.

Дома она вскрыла все три коробки и прочитала каждую строчку инструкций. В первый раз от волнения забыла посмотреть на часы. Когда наконец вспомнила, на тесте уже проступили две чёткие полосы. Клэр опустилась на корточки на полу ванной и смотрела на них, чувствуя, как дыхание становится медленнее.

Она открыла второй тест. Результат был тем же.

Потом третий.

Снова то же самое.

Клэр медленно села на пол ванной и разложила перед собой все три теста аккуратным рядом.

Она беременна.

Когда она наконец по-настоящему осознала, что происходит, глаза защипало. Клэр посмотрела на всё ещё плоский живот. Снаружи ничего не изменилось. Ребёнка нельзя было почувствовать. Ни движения, ни видимого признака. И всё же где-то внутри её тела уже тихо началась новая жизнь.

Клэр прикрыла рот ладонью, не понимая, хочется ей плакать или смеяться. В итоге сделала и то и другое.

Когда вечером Габриэль вернулся домой, в доме было непривычно тихо. Обычно, если Клэр была дома, он слышал её ещё до того, как дверь успевала полностью открыться. Иногда она даже не спрашивала, как прошёл день, а просто продолжала историю, которую рассказывала утром, будто они не расставались на целые часы. Но сегодня не было ни звука.

— Клэр?

Габриэль переобулся и прошёл в гостиную. Клэр сидела на диване, спрятав за спиной небольшой бумажный пакет. Увидев его, тут же выпрямилась. Глаза сияли от эмоций, которые она едва удерживала.

— Ты дома.

— Да.

Габриэль поставил рабочую сумку и посмотрел на руку, которую она прятала.

— Как себя чувствуешь?

— Уже не тошнит.

— К врачу ходила?

— Пока нет.

Габриэль слегка нахмурился. Клэр быстро продолжила:

— Но я знаю, почему мне было плохо.

— Почему?

Она посмотрела на него, уже не в силах сдержать улыбку.

— Угадай.

Габриэль сел рядом.

— Молоко всё-таки было испорчено?

— Нет.

— Заболеваешь?

— Нет.

— Что-то просроченное?

— Габриэль, почему все твои версии связаны с болезнями?

— Потому что утром тебе было плохо.

— Я не больна.

Габриэль несколько секунд изучал её лицо. Клэр собиралась заставить его угадывать дольше, но выдержала всего несколько секунд.

— Как ты до сих пор не понял?

— Ты не дала ни одной подсказки.

— Тебе правда нужна подсказка? Утром меня тошнило, в последнее время я всё время уставшая, и...

Она осеклась, поняв, что едва не выдала всё сразу. В тот же момент изменилось выражение Габриэля. Его взгляд медленно опустился к животу Клэр, затем снова поднялся к лицу.

— Клэр.

Улыбку уже невозможно было скрывать. Она достала из пакета один тест и подняла перед ним.

— Знаешь, что это значит?

Габриэль не сразу взял его. Он смотрел на две полоски, словно хотел убедиться, что видит правильно. Глаза Клэр снова наполнились слезами.

— Я сделала три, — быстро объяснила она. — Все одинаковые. Я знаю, что мы ещё не пытались специально, но задержка уже восемь дней, утром меня тошнило, поэтому я сходила в аптеку. И купила три разные марки. Все три ведь не могут ошибаться, правда?

Габриэль наконец взял тест. Всё ещё молчал. Клэр пере-

полняло счастье, но когда молчание затянулось, в улыбку прокралась неуверенность.

— Ты не рад?

Габриэль сразу поднял глаза.

— Нет, дело не в этом.

— Тогда почему ничего не говоришь?

— Я просто...

Он остановился, словно впервые не мог подобрать слова для чувства. Клэр заметила лёгкую красноту вокруг его глаз, и тревога исчезла.

— Ты сейчас заплачешь?

— Нет.

— У тебя глаза красные.

— Весь день смотрел в монитор.

— На свадьбе ты тоже так говорил.

Габриэль положил тест на стол и притянул её к себе. Клэр сразу обняла его за шею.

— Значит, ты рад?

— Очень рад.

У самого её уха его голос казался ниже обычного. Клэр закрыла глаза и прижалась лицом к его плечу.

— Я тоже.

Они долго сидели так. В конце концов первой зашевелилась Клэр.

— Ты слишком сильно меня обнимаешь.

Габриэль тут же ослабил руки.

— Прости.

— Я не говорила отпускать.

Клэр осталась в его объятиях. Потом взяла одну его руку и положила себе на плоский живот.

— Здесь ребёнок.

Габриэль посмотрел на свою ладонь. Выражение было таким серьёзным, что Клэр рассмеялась.

— Пока ничего почувствовать нельзя.

— Знаю.

— Может, он ещё меньше черники.

— М-м.

— Тогда зачем продолжаешь трогать?

Габриэль руку не убрал.

— Просто проверяю.

— Так ничего проверить нельзя.

— Знаю.

Клэр посмотрела на него, и в глазах снова появилось веселье.

— Ты нервничаешь?

— Немного.

— А совсем не похож на нервного.

— Кто-то из нас должен сохранять спокойствие.

— Зачем?

— Потому что завтра мне везти тебя к врачу.

Клэр прижалась к его груди и тут же снова заговорила. Интересно, на кого будет похож ребёнок — на неё или на Га-

бриэля? Можно ли превратить гостевую комнату в детскую? И знает ли Габриэль, как менять подгузники?

— Научусь, — сказал он.

— А если наденешь задом наперёд?

— Переделаю.

— А если ребёнок будет плакать и не перестанет?

— Выясню почему.

— А если ничего не поможет?

— Отдам его тебе.

Клэр подняла голову и сердито посмотрела. На губах Габриэля мелькнула слабая улыбка.

— Шучу.

— Надеюсь.

Клэр снова устроилась у него на груди и накрыла обеими руками его ладонь на своём животе.

— Мне кажется, будет девочка.

— Почему?

— Не знаю. Просто чувствую.

— А если мальчик?

— Мальчику тоже буду рада.

— Уже думала об именах?

— Я только сегодня узнала.

— Уже назвала три.

— Это временные варианты.

Клэр серьёзно посмотрела на него.

— Если мальчик, как тебе Эллиот?

Габриэль тихо повторил:

— Эллиот.

— Не нравится?

— Нравится.

— А для девочки я ещё не решила. Может, Софи. Или Эмма, но Эмм так много. А тебе какие имена нравятся?

— Любые из этих подойдут.

— Нельзя говорить «любые подойдут», — возмутилась Клэр. — Ты отец. От тебя тоже нужны мнения.

— Подумаю.

— Сегодня.

Габриэль посмотрел на её сияющие от возбуждения глаза и наконец кивнул.

— Хорошо.

На следующий день обследование подтвердило беременность. Врач сказал, что пока всё выглядит нормально. Срок был ещё совсем маленьким, и на более поздних обследованиях придётся подождать, прежде чем можно будет увидеть больше. Всю дорогу домой Клэр говорила без остановки.

Она думала, стоит ли сразу сообщить родителям, а потом переживала, что слишком рано. Хотела купить дневник беременности, но одновременно подозревала, что Габриэль начнёт раскладывать все фотографии в нём как отчёт по проекту. Они ещё не доехали домой, а Клэр уже спорила сама с собой о цвете детской.

Габриэль слушал за рулём. На середине очередной фразы

Клэр повернулась к нему.

— Почему ты ничего не говоришь?

— Я слушаю.

— У тебя вообще нет мнения?

— Не крась всю комнату в розовый.

— Почему?

— Мы не знаем, девочка это или нет.

— Но бледно-розовый красивый.

— Решим, когда узнаем.

— Вот. Значит, мнение у тебя всё-таки есть.

Габриэль посмотрел на светофор впереди.

— Кто-то должен помнить, что надо смотреть на дорогу.

Клэр молчала несколько секунд. Потом снова вернулась к именам.

В тот вечер они никому ничего не сообщили. Клэр хотелось хотя бы один-два дня, когда новость будет принадлежать только им двоим.

После ужина они устроились вместе на диване смотреть телевизор. Клэр прижалась к Габриэлю под лёгким пледом, на коленях стояла миска попкорна с маслом. Она съела две штуки и остановилась.

— Беременным можно попкорн?

Габриэль посмотрел вниз.

— Врач сказала, что ты можешь питаться обычно.

— Но попкорн она отдельно не упоминала.

— Она и не перечисляла всю еду на свете.

— Поэтому я должна проверить.

Клэр взяла телефон и серьёзно начала искать. Габриэль наблюдал, как она листает результаты.

— Если продолжишь всё проверять, сегодня вообще ничего не сможешь съесть.

— Я просто стараюсь быть осторожной.

— Полчаса назад ты съела два куска торта.

— Этот торт прислала мама. Значит, он точно безопасный.

— Что за логика?

— Еда, которую приготовила мама, не может навредить беременной.

Габриэль даже не стал спорить.

По телевизору шла лёгкая семейная викторина. Ведущий задавал двум супружеским парам вопросы о привычках друг друга. Один муж совершенно неправильно назвал месяц рождения жены, и студия взорвалась смехом. Клэр смотрела очень внимательно.

— Ты помнишь мой день рождения, правда?

— Да.

— Когда?

Габриэль назвал точную дату.

— Годовщина?

И эту дату он тоже назвал правильно.

— Первое свидание?

— Следующая среда.

— Дату.

Он назвал и её. Довольная Клэр снова устроилась у него на плече.

— Можешь продолжать быть моим мужем.

Изображение на телевизоре внезапно исчезло. Весёлая музыка оборвалась. В верхней части экрана появилась красная плашка «СРОЧНЫЕ НОВОСТИ». В кадре появилась серьёзная ведущая.

— Мы прерываем эфир из-за срочной местной новости. Полиция подтвердила, что тридцатипятилетний Райан Холлоуэй, пропавший шесть дней назад, сегодня вечером найден мёртвым.

Клэр замерла, так и не донёсши кусочек попкорна до рта. На экране появилась обычная фотография мужчины. Райан Холлоуэй был в серой рабочей форме и улыбался в камеру на фоне складских стеллажей. В его лице не было ничего примечательного. Человек, которого можно встретить в магазине, на парковке или в ресторане и потом не вспомнить. Под фотографией появилась подпись.

Райан Холлоуэй, 35 лет. Начальник ночной смены на складе.

— По данным полиции, Холлоуэй исчез шесть дней назад после работы. В последний раз камеры зафиксировали его в 22:47, когда он выходил с рабочего места. Позднее его автомобиль обнаружили в подземном паркинге торгового центра Westfield Mall.

На экране появился зернистый кадр с камеры наблюдения. Райан в одиночку шёл к более тёмной части паркинга, судя по всему держа в руке телефон. Через несколько секунд вышел из кадра.

— В машине не обнаружено признаков борьбы. Телефон, кошелёк и ключи от автомобиля Холлоуэя по-прежнему не найдены. Другие камеры паркинга не зафиксировали, чтобы он покидал здание через какой-либо выход. Войдя в участок, не попадающий в поле зрения камер, он, по сути, исчез.

Клэр медленно опустила руку с попкорном.

— Как такое возможно?

Габриэль не ответил и не отрывал взгляда от телевизора. Кадры снова сменились. Теперь показывали место преступления издалека. Несколько полицейских машин стояли вдоль заброшенной технической дороги за пределами города. Жёлтая лента перегораживала заросшую дренажную канаву, за ней работали люди в защитной одежде. Камера находилась слишком далеко, чтобы было видно, что именно лежит внутри.

Ведущая продолжила:

— Примерно в пять часов вечера работник дорожной службы сообщил о необычном запахе и обнаружил возле дренажной канавы сильно изуродованное тело мужчины. Сегодня вечером полиция подтвердила, что погибший — пропавший Райан Холлоуэй.

Пальцы Клэр сжались.

— Согласно опубликованной информации, с тела жертвы намеренно были сняты большие участки кожи. Острым инструментом также удалены части мышц и других мягких тканей. Из-за степени повреждений полиция пока отказывается раскрывать дополнительные подробности.

Клэр резко напряглась. Габриэль протянул руку и мягко взял её ладонь, лежавшую поверх пледа. Репортаж продолжался.

— По словам источников, близких к расследованию, лицо жертвы осталось нетронутым. Выражение лица Холлоуэя свидетельствовало о крайнем страхе и боли. Предварительная судебно-медицинская оценка указывает, что по крайней мере часть повреждений была нанесена до смерти.

Свободной рукой Клэр прикрыла рот.

— Он был жив, когда с ним это делали?

Габриэль сильнее сжал её пальцы, но не ответил. На экран вернулась улыбающаяся фотография Райана. После слов ведущей смотреть на неё было почти невыносимо.

— Следователи считают, что дренажная канава не является первоначальным местом преступления. На месте, где было оставлено тело, не обнаружено оружия, чётких следов обуви, пригодных отпечатков пальцев или иных биологических следов, непосредственно указывающих на подозреваемого. Полиция по-прежнему не знает, как Холлоуэй покинул подземный паркинг и каким образом его тело доставили туда, где оно было найдено.

Под его фотографией появились ещё три снимка жертв. На первом — женщина примерно сорока лет. На втором — более молодая женщина. На третьем — мужчина около пятидесяти.

— Полиция также подтвердила, что смерть Холлоуэя, вероятно, связана с тремя предыдущими убийствами. Таким образом, это уже четвёртое дело с поразительно похожими обстоятельствами.

Клэр выпрямилась.

— До него уже было трое?

— Во всех предыдущих случаях жертвы исчезали без очевидного предупреждения. Через несколько дней их тела находили в безлюдных местах с удалённым в разной степени количеством кожи и мягких тканей. Ни на одном из мест, где оставляли тела, следователям пока не удалось получить достаточно доказательств, чтобы установить убийцу.

На экране по очереди появились три оцепленные территории. Лесной участок возле заброшенной дороги. Задняя часть завода, закрытого много лет. Пустое поле вдали от жилых районов. Везде — только полицейские машины, жёлтая лента и размытые фигуры вдалеке. Ни убийцы. Ни оружия. Ни объяснения, где находились жертвы все те дни после исчезновения.

— Следствие не сообщает, были ли знакомы четверо погибших. Полиция отмечает, что их возраст, профессии и личные обстоятельства различались, и ни один до исчезно-

вения не заявлял о слежке или угрозах.

— Власти просят всех, кто видел подозрительных людей или автомобили возле паркинга Westfield Mall в ночь исчезновения Холлоуэя, связаться с полицией. Жителям также рекомендуют не посещать в одиночку безлюдные места в ночное время.

На экране появился номер полицейской линии для сообщений. Клэр долго молча смотрела на фотографию Райана. Счастье, наполнявшее комнату совсем недавно, будто всё ещё оставалось вокруг. На журнальном столике лежали их медицинские бумаги. В телефоне Клэр были списки детских имён, которые она искала. Рядом с диваном стоял дневник беременности, купленный днём.

И теперь телевизор рассказывал им, что обычный мужчина, живший в том же городе, вышел с работы, вошёл на парковку — и домой больше не вернулся.

— Его семья ждала шесть дней, — тихо сказала Клэр.

Габриэль посмотрел на неё.

— Наверное, всё это время они думали, что он жив, — продолжила она. — Каждый раз, когда звонил телефон, может, надеялись, что это он. А в конце получили вот это.

Габриэль взял пульт и выключил телевизор. В гостиной мгновенно стало тихо. Клэр посмотрела на него.

— Зачем выключил?

— Ты плохо выглядишь.

— Просто это ужасно.

Габриэль забрал у неё попкорн, поставил на стол и подтянул плед выше.

— Тогда не смотри дальше.

Клэр снова прижалась к нему, но обычное улыбающееся лицо Райана не исчезало из памяти.

— Как можно сделать такое четыре раза и не оставить ничего?

— Возможно, полиция не публикует всё, что у неё есть, — сказал Габриэль.

— Но это продолжается уже несколько лет.

— Расследования требуют времени.

Клэр замолчала.

— Зачем он снимает кожу и вырезает мышцы?

Габриэль медленно погладил её по волосам.

— Не знаю.

— Если бы он просто хотел убить, ничего этого делать не пришлось бы.

— Нет.

— С ним должно быть что-то очень не так.

Даже произнеся это, Клэр понимала, что эти слова слишком слабы, чтобы описать то, что сделал убийца. Она положила ладонь на живот.

— Как вообще может существовать такой человек?

Габриэль помолчал.

— Не у всего есть нормальная причина.

Клэр закрыла глаза и плотнее прижалась к нему. Габриэль

больше ничего не говорил. Просто обнимал, медленно проводя рукой по её спине, пока напряжение не начало отпускать.

Той ночью Клэр долго не могла уснуть.

Свет в спальне был выключен. Сквозь щель между шторами пробивалось немного лунного света. Она лежала спиной к окну, тесно свернувшись рядом с Габриэлем, одной рукой всё ещё держась за его футболку для сна. Ладонь Габриэля лежала на её животе. Он оставался плоским. Пока ничего нельзя было увидеть. Но Клэр уже чувствовала, что теперь должна защищать не только себя.

— Габриэль.

— М-м?

— Ты спишь?

— Нет.

— Как думаешь, этот мужчина может быть где-то рядом с нами?

— Полиция не знает, где он.

— Значит, может быть близко.

Габриэль крепче обнял её.

— Пока не ходи одна по ночам.

— А днём?

— Будь там, где есть люди.

— И ты тоже не ходи один в безлюдные места.

— Хорошо.

Клэр немного помолчала.

— Ты ведь защитишь нас?

На слове «нас» она посмотрела на его руку у себя на животе. Габриэль понял.

— Защищу.

В ответе не было ни секунды колебания. Клэр наконец закрыла глаза. Слушала ровное сердцебиение мужа, ощущала его тёплые объятия, и тревога постепенно отступала.

Вскоре она уснула.

ГЛАВА 7

Перед Рождеством

После того как нашли тело Райана Холлоуэя, Сидар-Ридж надолго притих. Местные телеканалы каждый день показывали фотографии всех четырёх жертв. Полиция не сообщала о сколько-нибудь значимом прогрессе, только снова и снова повторяла одни и те же предупреждения: не выходить в одиночку после наступления темноты, по возможности избегать парковок, лесных участков, заброшенных дорог и других безлюдных мест.

Люди, которые обычно выгуливали собак после ужина, перестали выходить по вечерам. Бегуны, прежде заполнявшие парк после заката, исчезли. Магазины в центре начали закрываться раньше, а даже рестораны, обычно работавшие допоздна, стали поручать сотрудникам провожать одиноких посетителей до машин. В первые недели Клэр тревожилась особенно сильно.

Если Габриэль приходил домой на десять минут позже ожидаемого, она уже проверяла телефон. Поток сообщений никогда его не раздражал. Каждый раз он писал, находится ли ещё в офисе, уже едет или въехал в их район. Однажды вечером в Asteron Technologies обнаружили проблему в готовящемся релизе, и вся команда тестирования осталась допоздна. После десяти Габриэля всё ещё не было дома.

Клэр, к тому времени беременная уже больше шести месяцев, сидела на диване с выключенным звуком телевизора, переводя взгляд с телефона на настенные часы. Живот вырос настолько, что от долгого сидения в одном положении начинала ныть поясница. И всё же подниматься наверх и ложиться спать она отказывалась. Подложила под спину подушку и ждала, не выпуская телефон из руки.

Когда наконец повернулся замок, Клэр почти сразу поднялась. Габриэль едва успел открыть дверь, как увидел беременную жену, идущую через комнату с ладонью на пояснице.

— Почему ты ещё не спишь?

— Ждала тебя.

— Я писал.

— Последнее сообщение было сорок пять минут назад.

Габриэль снял пальто и повесил у входа. Подошёл к Клэр, сначала посмотрел на её босые ноги, потом положил ладонь на округлившийся живот.

— На улице ничего не случилось.

— Я знаю.

Она сказала это, но пальцы уже сжимали рукав его рубашки.

— Райан тоже исчез после обычного рабочего дня.

Габриэль молча посмотрел на неё. Клэр понимала, что, возможно, слишком тревожится, но лицо Райана Холлоуэя всё ещё неожиданно всплывало в памяти. Наверняка он вышел со склада, думая, что просто едет домой, как делал тысячу вечеров до этого.

— Если снова придётся задержаться, буду писать каждые полчаса, — сказал Габриэль.

— Не надо постоянно смотреть в телефон во время работы.

— Одно сообщение много времени не занимает.

— А Мартин не решит, что ты отлыниваешь?

— После десяти вечера Мартин хочет только одного: чтобы все решили проблему и разошлись по домам.

Габриэль взял её за руку и растёр прохладные пальцы между ладонями.

— Иди сядь.

— Я весь вечер сидела.

— Тогда почему без тапочек?

— Услышала дверь и поспешила.

Габриэль не стал читать нотации. Просто наклонился и поднял её на руки. Клэр тут же обхватила его за плечи.

— Я беременная, а не разучилась ходить.

— Пол холодный.

— Тогда мог принести тапочки.

— Так быстрее.

Габриэль отнёс её обратно к дивану и укрыл пледом всё сильнее отекавшие ноги. Клэр смотрела, как он присел перед ней, и только теперь последние остатки страха начали отступать.

— Ты ужинал?

— В офис заказали пиццу.

— Холодную, которая весь день там лежала?

— Её привезли вечером.

— Сколько кусков?

— Два.

— Значит, точно мало.

Клэр откинула плед, собираясь встать. Габриэль положил руку ей на колено.

— Я сам что-нибудь возьму.

— В холодильнике суп. Я днём сварила.

— Сиди. Я разогрею.

Он ушёл на кухню. Клэр откинулась на спинку и смотрела, как муж закатывает рукава и достаёт из холодильника стеклянный контейнер. По телевизору без звука всё ещё шли местные новости. В бегущей строке просили сообщать любую информацию по делу Холлоуэя. Затем кадр сменился прогнозом погоды. Улица за окном оставалась тихой. Но теперь, когда Габриэль был дома, эта тишина уже не казалась такой страшной.

Напряжение продержалось ещё несколько недель.

Убийцу полиция так и не поймала, но и пятой жертвы не появилось. С наступлением декабря витрины заполнили ёлки, подарочные коробки и мигающие огни. На улицы центра вернулась рождественская музыка. Люди не могли вечно прятаться по домам. Торговые центры снова стали многолюдными. Районы готовили праздничные мероприятия. Дети выстраивались на тротуарах в очередь, чтобы сфотографироваться с Сантой. Тень над городом не исчезла полностью, но праздничные огни понемногу отодвигали её на задний план.

Клэр тоже перестала каждый день следить за новостями по делу. Отчасти потому, что ничего нового не происходило. Отчасти потому, что к тому времени даже подняться с дивана требовало немалых усилий, и на переживания о незнакомом человеке просто не оставалось сил.

За неделю до Рождества она стояла посреди гостиной и смотрела на живот, ставший настолько большим, что пальцев ног уже не было видно.

— У меня когда-то были ступни?

Габриэль стоял на стремянке и крепил над окном тёплую жёлтую гирлянду. Он посмотрел вниз.

— Были.

— Уверен?

— Сегодня утром я надевал на них обувь.

Клэр положила ладонь на поясницу и попробовала накло-

ниться вперёд. Живот тут же остановил её.

— Я их вообще не вижу.

— После родов снова увидишь.

— До родов ещё очень долго.

— Врач сказала, примерно десять недель.

— Десять недель — это долго.

Габриэль закончил с гирляндой и спустился. Пока он стоял спиной, Клэр медленно пересекла комнату. Золотая звезда для верхушки ёлки лежала в коробке на шкафу. Дважды Клэр поднялась на носки, но кончиками пальцев только задела край коробки. Огляделась. Рядом стояла низкая табуретка.

Всего одна ступень. Она ведь не настолько хрупкая, чтобы несколько секунд не постоять на табурете. Клэр придержалась за шкаф и осторожно поднялась. Едва потянувшись вверх, как за спиной раздался голос Габриэля.

— Клэр.

Она вся замерла. В нескольких шагах стоял Габриэль, всё ещё с рулоном скотча в руке. Голоса он не повысил, но в лице сразу появилось напряжение.

— Я только звезду достаю.

— Сначала слезай.

— Я почти достала.

— Клэр.

— Ещё чуть-чуть.

Габриэль пересёк комнату, одной рукой обхватил её за та-

лию, другой поддержал под руку и просто снял с табуретки. Когда обе ноги снова оказались на полу, Клэр выглядела грубо оскорблённой.

— Я могла сама слезть.

— Знаю.

— Тогда зачем меня снял?

— Потому что тебе не стоило туда вставать.

— Он даже не высокий.

— Ты сейчас собственных ног не видишь.

Клэр открыла рот, потом машинально посмотрела вниз. Ноги по-прежнему были скрыты животом. Габриэль протянул руку мимо неё и без труда снял коробку.

— Можно было позвать меня.

— Ты вешал огни.

— Я был в десяти шагах.

— Не хочу, чтобы ты всё делал за меня.

Габриэль протянул коробку.

— Беременность — не соревнование.

— Я не соревнуюсь.

— Ты всё время пытаешься доказать, что всё можешь сама.

— Я и могу сама.

— Вчера наклонилась за кисточкой, а потом всю ночь болела спина.

Клэр тут же возразила:

— Это была моя любимая кисть.

— Могла попросить меня поднять.

— Ты был на совещании.

— Кисть могла лежать на полу до конца совещания.

Клэр прижала коробку к груди и несколько секунд смотрела на него.

— Ты теперь считаешь меня обузой?

Лицо Габриэля смягчилось.

— Нет.

— Но мне во всём нужна твоя помощь.

— Временно.

— Я всю ночь тебя будю.

— Знаю.

— У меня отекают ноги.

— Это тоже знаю.

— И настроение у меня в последнее время странное. Вчера ты убрал клубнику в холодильник, а я решила, что ты пытаешься спрятать её от меня.

Габриэль посмотрел на неё.

— Но ты всё равно съела всю.

— Значит, поняла, что ошибалась.

Клэр шагнула к нему и обняла обеими руками за талию.

— Правда не считаешь меня проблемой?

Габриэль поцеловал её в макушку.

— Не считаю.

— Тогда поставь для меня звезду на ёлку.

— Хорошо.

— Но я сама решаю, где именно она должна стоять.

— Хорошо.

— И не говори, что справа и слева всё выглядит одинаково.

— Постараюсь.

Только после этого Клэр счастливо вручила ему звезду.

Ёлка была не особенно высокой, но Клэр переставляла украшения уже третий день. Сначала решила, что слева слишком много красных шаров. Потом золотая лента справа показалась неестественной. Каждый вечер Габриэль возвращался домой и видел ёлку, которая чуть отличалась от той, что оставил утром. Почему Клэр продолжает её переделывать, он ни разу не спросил.

Клэр велела сдвинуть звезду немного влево — он сдвинул. Потом сказала, что теперь слишком далеко, — он вернулся ближе к центру. Только когда она наконец удовлетворённо кивнула, Габриэль спустился.

— Красиво, — сказала Клэр.

— Вчера тоже было красиво.

— Вчера не было звезды.

— Позавчера?

— Лента лежала неправильно.

Габриэль посмотрел на ёлку, которая, по его мнению, прекрасно выглядела каждый день, и решил больше не высказываться.

Клэр осторожно опустилась на диван, поддерживая пояс-

ницу одной рукой. Едва устроилась в подушке для беременных, ребёнок неожиданно сильно толкнулся.

— Ох.

Габриэль тут же повернулся.

— Что?

— Опять пнул.

Он подошёл и присел перед ней, положив ладонь на округлившийся живот.

— Здесь?

— Чуть правее.

Клэр взяла его за запястье и немного сдвинула ладонь. Они подождали. Эллиот, словно специально решив не сотрудничать, перестал двигаться ровно тогда, когда отец приготовился его почувствовать.

— Может, знает, что ты ждёшь, — сказала Клэр.

— Он уже может это понимать?

— Конечно. Врач сказала, что он нас уже слышит.

Клэр посмотрела на живот.

— Эллиот, папа ждёт. Ещё секунду назад ты так сильно пинался.

Габриэль наблюдал за ней.

— Это работает?

— Не сомневайся во мне.

Клэр мягко погладила живот.

— Ну давай, малыш. Ещё один раз.

Через мгновение живот шевельнулся под ладонью Габри-

эля. Толчок был совершенно отчётливым. Взгляд мужчины опустился и стал мягче.

— Почувствовал? — радостно спросила Клэр.

— Да.

— Сильный, правда?

— Сильнее, чем в прошлый раз.

— Врач говорит, будет ещё сильнее. Некоторые дети пинаются так, что мамам больно.

Габриэль нахмурился. Клэр сразу рассмеялась.

— Ты уже не можешь переживать из-за собственного сына.

— Я просто думаю, что ему надо быть помягче.

— Он ещё не знает, что значит «помягче».

Габриэль наклонился к животу и тихо сказал:

— Не мучай маму слишком сильно.

Клэр расхохоталась.

— Думаешь, он тебя послушает?

— Можно начать тренировать заранее.

— А если после рождения он будет плакать без остановки и откажется слушаться?

— Сначала проверим, не голоден ли и не пора ли менять подгузник.

— А если ни то ни другое?

— Возьмём на руки.

— А если продолжит плакать?

— Будем держать дальше.

— А если до утра?

— Тогда до утра.

Клэр всё ещё улыбалась, но после последнего ответа выражение стало мягче.

— Сейчас легко говорить, — поддразнила она. — Когда он действительно будет орать всю ночь, ещё сделаешь вид, что не слышишь.

— Ты меня разбудишь.

— То есть план всё равно сначала поспать?

Габриэль наконец понял, что правильного ответа ему сегодня не дадут.

— Будем вставать по очереди.

— А если он захочет только меня?

— Принесу его тебе.

— И снова пойдёшь спать?

— Клэр.

— Что?

— Ты заранее решила, что любой мой ответ неправильный?

Клэр попыталась не улыбнуться и будто всерьёз обдумала.

— Нет. Я оцениваю, насколько ты будешь компетентным отцом.

— И?

— Проверка ещё идёт.

Габриэль слегка ущипнул её за щёку. Клэр тут же поймала его руку.

— Нельзя обижать беременную женщину.

— Я тебя едва коснулся.

— Эллиот видел.

— Он пока не может видеть.

— Я ему расскажу.

— Когда вырастет достаточно, чтобы понять?

— С детства буду рассказывать, что папа обижал маму ещё до его рождения.

Габриэль посмотрел на её совершенно серьёзное лицо и наконец рассмеялся.

В этот момент прозвенел дверной звонок. Клэр взглянула на часы.

— Наверное, твоя мама.

Она упёрлась руками в диван, собираясь встать, и Габриэль тут же протянул руки.

— Что тебе нужно?

— Открыть дверь.

— Я открою.

— Я могу сама встать.

— Угу.

— Тогда зачем помогаешь?

— Так быстрее.

С этим ответом Клэр уже давно перестала спорить.

За дверью стояла Маргарет Наварро с двумя бумажными пакетами в руках и неровно упакованной подарочной коробкой на сгибе локтя.

— С Рождеством.

Клэр улыбнулась, подходя ближе.

— До Рождества ещё несколько дней.

— Вот поэтому и приехала, пока ваш дом не завалило подарками.

Маргарет вручила пакеты сыну и сразу подошла к Клэр.

— Дай на тебя посмотреть.

Её взгляд прошёл от лица Клэр к заметно округлившемуся животу.

— Живот опять вырос.

— Я вижу себя каждый день. Уже не понимаю.

— Выглядишь здоровой.

— Потому что Габриэль ничего не разрешает делать.

Маргарет тут же посмотрела на сына.

— И правильно.

Клэр не ожидала, что свекровь так быстро примет его сторону.

— Я всего лишь встала на низкую табуретку, чтобы кое-что достать, а он просто снял меня оттуда.

Маргарет нахмурилась.

— Зачем ты вставала на табурет?

— Звезда для ёлки лежала на полке.

— Можно было попросить Габриэля.

Клэр вздохнула.

— Вы точно родственники.

Маргарет рассмеялась и взяла её за руку.

— Родишь — лазай куда хочешь. А пока потерпи.

Габриэль унёс пакеты на кухню, а Клэр проводила Маргарет в гостиную.

— Что ты принесла?

— Немного супа и запечённое мясо. Рафаэль попросил передать. Он тоже хотел приехать, но дома прорвало трубу, а мастер мог прийти только сегодня.

— Как папа?

— Как всегда. Когда сказала, что еду к вам, три раза спросил, стал ли Эллиот ещё больше.

Клэр посмотрела на живот.

— Он каждый день больше.

— Сильно тебя мучает?

— По ночам много пинается, но в остальном всё нормально.

Маргарет помогла ей сесть и устроилась рядом. Посмотрела на ёлку и одобритительно кивнула.

— Красиво.

— Правда?

— Конечно.

Клэр тут же повернулась к Габриэлю, который вернулся с кухни.

— Слышал? Твоя мама говорит, что красиво.

Габриэль кивнул.

— Я тоже говорил.

— Ты говорил то же самое вчера и позавчера.

— Потому что оба дня она выглядела хорошо.

Клэр решила больше не обсуждать с ним эстетику.

Маргарет положила подарочную коробку ей на колени.

— Это для Эллиота.

— Можно открыть сейчас?

— Вообще-то хотела подождать до его рождения. — Маргарет слегка смущённо улыбнулась. — Но понимала, что столько не выдержу.

Клэр сразу раскрыла упаковку. Внутри лежало светло-серо-голубое детское одеяльце. Петли были не везде ровными, край местами немного уходил в сторону, но ткань была невероятно мягкой. Клэр осторожно развернула его.

— Ты сама связала?

Маргарет кивнула.

— Я много лет не вязала. Начало несколько раз распускала, пока вспомнила, что делать.

— Наверное, это заняло целую вечность.

— Не так уж долго.

Габриэль, стоявший рядом, заметил:

— Она вяжет его с тех пор, как ты забеременела.

Маргарет тут же посмотрела на сына.

— Не обязательно было ей это говорить.

— Почему?

— Теперь кажется, будто я очень медленно вяжу.

Клэр прижала одеяло к себе. Глаза уже щипало.

— Я его обожаю.

— Не надо говорить так только потому, что я его сделала.
Тут кое-где неровно, и если хочешь другое...

— Я его ни на что не поменяю.

Клэр осторожно разложила одеяльце поверх живота.

— Это первое рождественское одеяло Эллиота.

Маргарет посмотрела на неё и мягко улыбнулась.

— Он ещё даже не родился, а вещей уже столько.

— Потому что все его ждут.

Клэр взяла руку Маргарет и приложила её ладонь к правой стороне живота.

— Раньше много двигался. Подожди. Может, почувствуешь.

Маргарет выглядела взволнованной.

— Я не слишком сильно давлю?

— Нет.

— Здесь?

— Чуть ниже.

Они подождали. Эллиот снова шевельнулся. Глаза Маргарет загорелись.

— Он меня пнул.

— Здоровается с бабушкой.

— Такой маленький и уже такой сильный.

Маргарет оставила руку на месте, одновременно счастливая и осторожная, будто одно неверное движение могло напугать ещё не родившегося ребёнка. Габриэль стоял рядом и смотрел, как мать и жена разговаривают о малыше, который

ещё не появился на свет. Клэр подняла на него глаза.

— Почему стоишь?

— Места нет.

— Есть.

Она подвинулась и похлопала по дивану. Когда Габриэль сел, Клэр прислонилась к нему и начала показывать Маргарет детские вещи, которые они недавно купили. На середине рассказа вспомнила, что у неё тоже есть подарок.

— Подожди.

Клэр упёрлась руками в диван, чтобы встать. Габриэль сразу спросил:

— Что тебе нужно?

— В кабинете.

— Я принесу.

— Ты не знаешь где.

— Скажи.

— Под столом. Плоская коробка, в самом дальнем углу.

Габриэль быстро нашёл её. Клэр взяла коробку и протянула Маргарет.

— Это от Эллиота и меня.

Маргарет удивилась.

— Мне?

— Конечно.

— Ты и так постоянно устаёшь. Не надо было ничего готовить.

— Я начала давно.

Пока Маргарет разворачивала подарок, Клэр нервно следила за её лицом. Внутри была акварель в рамке. В центре — старый дом, где много лет назад жила семья Наварро. Светло-коричневые стены, на крыше тонкий слой снега. Перед входом стояли молодые Маргарет и Рафаэль.

Рядом с матерью маленькая София держала красную подарочную коробку. Габриэль, ниже сестры, стоял возле отца в слишком большом зимнем пальто, и выражение лица у него уже тогда было почти комично серьёзным. Клэр добавила маленькую рождественскую ёлку, которой на исходной фотографии не было. Под ней лежал крошечный синий подарок с именем Эллиота на бирке.

Маргарет долго молча смотрела на картину. Улыбка Клэр стала неуверенной.

— Тебе не нравится?

— Нет, дело не в этом.

Маргарет легко коснулась рамки, глаза наполнились слезами.

— Просто я никогда не думала, что снова увижу тот дом.

— Я рисовала по старым фотографиям, — быстро объяснила Клэр. — София сказала, что снимок сделан, когда они с Габриэлем были ещё маленькими. Некоторые детали плохо видны, поэтому я тайком попросила её найти ещё несколько фотографий. Ёлку добавила сама. Если она не подходит, могу...

— Подходит.

Маргарет отложила картину и наклонилась, чтобы обнять её. Клэр на секунду замерла, затем обняла свекровь в ответ.

— Это лучший подарок, который я когда-либо получала,
— тихо сказала Маргарет.

— Правда?

— Правда.

Отпустив Клэр, Маргарет снова взяла картину и внимательно посмотрела.

— Габриэля ты сделала слишком милым.

Габриэль посмотрел на детскую версию себя.

— У меня лицо не было таким круглым.

Маргарет ответила сразу:

— Именно таким и было.

— Ракурс плохой.

Клэр рассмеялась.

— Почему ты критикуешь собственное детское лицо?

— Я констатирую факт.

— Ты был очаровательным.

Габриэль посмотрел на неё. Клэр взяла его за рукав.

— Я даже специально сделала пальто больше. София сказала, ты постоянно донашивал одежду родственников, и рукава закрывали половину ладоней.

Маргарет улыбнулась, глядя на картину.

— Он ненавидел, когда кто-то закатывал их за него. Какими бы длинными ни были рукава, всё хотел делать сам.

— Почему?

— Кто знает? — Маргарет посмотрела на сына. — В детстве он вообще всё хотел делать сам. И вопросы не любил.

Габриэль спорить не стал. Клэр улыбнулась и прислонилась к нему.

— А теперь всё делает за меня.

— Потому что ты всё время пытаешься сделать всё сама, — заметил Габриэль.

— Звучит так, будто за мной трудно ухаживать.

— Немного.

Клэр тут же шлёпнула его по руке. Маргарет смотрела на них, не переставая улыбаться.

Ближе к сумеркам снова прозвенел дверной звонок. На этот раз пришла София. На ней было тёмно-зелёное пальто, в руках — два пакета из магазинов. Габриэль открыл дверь, и она бросила на младшего брата безразличный взгляд.

— Ты всё такой же.

Габриэль забрал пакеты.

— С Рождеством.

— Рождество ещё не наступило.

— Мама сказала то же самое.

— И теперь ты будешь повторять это каждому?

Габриэль ничего не ответил и понёс пакеты внутрь. Стоило Софии увидеть Клэр, как выражение лица стало заметно теплее.

— Дай посмотреть на человека в этой семье, которого действительно можно любить.

Она раскрыла руки, и Клэр, смеясь, обняла её.

— Я теперь не могу подойти очень близко.

— Ничего. Тот, кто посередине, тоже получит объятие.

София посмотрела вниз и осторожно коснулась живота

Клэр.

— Ты опять стала больше?

— Все говорят это в первую секунду после встречи.

— Потому что разница заметна.

София помогла ей сесть и поставила перед ней пакет.

— Видеоняня, стерилизатор для бутылочек и несколько вещей, которые понадобятся после родов.

Клэр заглянула внутрь.

— Зачем столько купила?

— Потому что знаю: мой брат сам ни о чём таком не по-
думает.

С кухни спокойно донёсся голос Габриэля:

— Видеоняню мы уже купили.

София обернулась.

— Какой фирмы?

Габриэль назвал марку и модель.

— Ты изучал варианты?

— Сравнил несколько.

София выглядела искренне удивлённой. Клэр тут же встала на защиту мужа.

— Он сделал таблицу.

София посмотрела на неё.

— Таблицу для покупки детских вещей?

— Цена, функции, гарантия, отзывы пользователей.

— Вот это на него похоже.

Габриэль поставил перед сестрой стакан воды. София взяла и наконец признала:

— Ладно. Ты не совсем бесполезный.

Габриэль лишь взглянул на неё и спорить не стал. Клэр спросила:

— Почему ты всегда такая злая с ним?

— Потому что он с детства невыносимый, — без колебаний ответила София.

Габриэль сел на другом конце комнаты.

— Спасибо.

— Не за что.

Клэр посмотрела с одного на другую.

— А что он вообще делал в детстве?

— Ничего особенно ужасного. — София задумалась. — Просто почти не разговаривал и никогда не говорил, что думает. Что бы ни спросили, стоял и смотрел на тебя.

— Большинство твоих вопросов были бессмысленными, — сказал Габриэль.

София указала на него пальцем.

— Видишь? До сих пор такой же.

Клэр рассмеялась. София продолжила:

— И почти никогда первым не связывается с семьёй. На каждом семейном собрании ведёт себя как гость, которого

пригласили в последнюю минуту. Ты ему десять предложений — он тебе три.

— Зато слушает, — сказала Клэр.

— Ты мне это уже тысячу раз говорила.

— Потому что правда.

— Поэтому я и не понимаю, почему он тебе нравится.

Клэр взглянула на Габриэля.

— Я много говорю. Он много слушает. Всё работает.

София пару секунд подумала и кивнула.

— Вообще-то логично.

Габриэль откинулся на диване, не изменившись в лице. Когда София снова посмотрела на Клэр, голос смягчился.

— Если когда-нибудь сделает тебя несчастной — звони мне.

— Не сделает.

— Сейчас — конечно.

— И потом тоже.

Клэр говорила совершенно уверенно. София посмотрела на её счастливое лицо и не стала спорить. Только потянулась и ущипнула за щёку.

— Вот поэтому ты мне нравишься. Наконец в этой семье появился человек, который разговаривает и улыбается.

— Твоя мама разговаривает.

— Мама только говорит нам не ссориться.

Маргарет, сидевшая рядом, тут же вмешалась:

— Потому что вы каждый раз встречаетесь и начинаете

цеплять друг друга.

— Он начинает просто своим существованием.

— Сегодня я сказал три предложения, — напомнил Габриэль.

— На три больше, чем надо.

Клэр смеялась так сильно, что едва могла дышать. Она не верила, что София по-настоящему не любит брата. Их отношения скорее были привычкой, сформировавшейся ещё в детстве. София ворчала, Габриэль игнорировал, Маргарет вмешивалась, прежде чем кто-то перегнёт. Не так, как в семье Клэр, но тоже своя форма близости.

Ужин готовили Габриэль и Маргарет. Клэр попыталась помочь, но стоило войти на кухню, как сразу трое заговорили одновременно.

— Сядь, — сказал Габриэль.

— На полу вода, — добавила Маргарет.

София была ещё прямее. Положила обе руки Клэр на плечи и физически развернула обратно к гостинной.

— Твоя единственная работа сейчас — сидеть на диване и выращивать ребёнка.

Клэр возмутилась:

— Почему все относятся ко мне так, будто я вот-вот упаду?

София посмотрела на круглый живот.

— Потому что сейчас ты ходишь как очаровательный пингвин.

Клэр опустила глаза.

— Неправда.

— Немного.

— Габриэль говорит, что нет.

София повысила голос в сторону кухни.

— Габриэль, она ходит как пингвин?

На кухне стало тихо. Габриэль не ответил. Клэр всё поняла сразу.

— Ты тоже так думаешь!

Габриэль вышел с миской овощей.

— Я ничего не сказал.

— Ты промолчал.

— Я резал продукты.

— Ты её слышал.

София сидела рядом и открыто смеялась. Габриэль поставил перед Клэр маленькую миску вымытой клубники.

— Ешь.

Клэр уже собиралась продолжить допрос, но клубника мгновенно отвлекла.

— Вся мне?

— Тебе.

— Ты пытаешься заставить меня забыть про пингвина?

Габриэль ни подтвердил, ни опроверг. Клэр съела первую клубнику и решила пока оставить его в живых.

За ужином Маргарет постоянно подкладывала еду в тарелку Клэр.

— В этом супе нет вина. Тебе можно.

— Мам, я уже много съела.

— Ты ешь за двоих.

— Врач сказала, что это не значит двойные порции.

— Тогда ещё чуть-чуть.

Не успела Клэр возразить, как в миске оказался ещё один половник супа. Рядом Габриэль нарезал запечённое мясо на маленькие кусочки и переставил на другую сторону стола сыр, который был недостаточно термически обработан. София наблюдала за ним.

— Когда я болела в детстве, он даже стакан воды не приносил.

Габриэль не поднял головы.

— Ты не болела.

— У меня была температура.

— Нормальная.

— Болела голова.

— Потому что всю ночь не спала.

— Откуда ты знаешь?

— Видел, как ты смотрела фильм под одеялом.

София положила вилку.

— Почему ты это помнишь?

— Потому что на следующее утро ты двадцать минут плакала маме, чтобы не идти в школу.

Маргарет вздохнула.

— Вы можете хотя бы за ужином не обсуждать то, что слу-

чилось двадцать пять лет назад?

Клэр повернулась к мужу.

— Значит, ты всегда всех разоблачал.

— Она была неубедительна.

София раздражённо посмотрела.

— Всю жизнь такой. О себе ничего не рассказывает, зато помнит всё, что делали остальные.

Клэр скорее обрадовалась, чем насторожилась.

— Вот почему он помнит всё, что я говорю.

— Наверное, это ужасно утомляет, — сказала София.

— Почему?

— Потому что каждый день ты говоришь очень много.

Клэр тут же повернулась к Габриэлю.

— Тебя это утомляет?

— Нет.

— Видишь?

Клэр довольно улыбнулась. София покачала головой.

— Вы и правда идеально подходите друг другу.

После ужина Габриэль и София убрали со стола, а Маргарет сидела рядом с Клэр у ёлки. На улице район уже погрузился в темноту, только от дома к дому горели рождественские огни. Красные и тёпло-золотые отблески дрожали на окнах. Где-то дальше по улице смеялись дети. Семьи снова начали выходить на вечерние прогулки.

Маргарет посмотрела в окно.

— Я какое-то время переживала за вас, — тихо сказала

она.

— Из-за тех убийств?

— М-м. Габриэль иногда работает допоздна, а ты беременна.

Клэр положила ладонь на живот.

— Я тоже переживала. Но уже давно ничего нового не случилось.

— Надеюсь, так и останется.

— Его поймают.

Маргарет некоторое время молчала, потом кивнула.

— Надеюсь.

Клэр сменила тему. Спросила, каким было Рождество Габриэля в детстве, и Маргарет рассказала, что он отказывался носить красные свитеры и однажды угадал содержимое большинства подарков по весу и форме.

— Все угадал? — спросила Клэр.

— Почти.

— Тогда никакого сюрприза.

— Поэтому после этого мы не разрешали ему трогать подарки.

Габриэль как раз вернулся из столовой и услышал последнюю фразу.

— Вы слишком очевидно их упаковывали.

— Нормальные дети не трясут подарки и не высчитывают, что внутри, — сказала София.

— Я ничего не высчитывал.

— Ты взвешивал их на кухонных весах.

— Это было в другой год.

Клэр рассмеялась так сильно, что живот напрягся. Габриэль сел рядом и естественным движением завёл руку ей за поясницу, поддерживая.

— Устала?

— Немного.

— Пора спать.

— Все ещё здесь.

Маргарет сразу поднялась.

— Мы тоже уходим.

— Уже?

— Поздно. Тебе надо отдыхать.

Клэр не хотелось их отпускать, но сон действительно подступал. Перед уходом Маргарет ещё раз обняла её.

— В Рождество приходите к нам на ужин.

— Придём.

— Ничего не приносите.

— Я уже придумала десерт.

— Тогда только десерт.

София тоже обняла Клэр, а затем мягко коснулась живота.

— Только не вздумай внезапно родиться до нашей следующей встречи.

— До срока ещё далеко.

— Ты иногда делаешь всё неожиданно.

— Я не могу спонтанно решить родить.

София рассмеялась.

— Если что-нибудь понадобится — звони. Днём или ночью.

— Знаю.

Только после этого она повернулась к брату.

— Береги её.

— Не надо мне напоминать, — сказал Габриэль.

— Я проверяю, не забыл ли.

— Я делаю это каждый день.

У Софии явно был готов ещё один ответ, но Маргарет уже тянула её к двери.

— Всё. Не обязательно каждый раз перед уходом ссориться напоследок.

Когда дверь закрылась, дом снова затих. Стол был убран. На ёлке всё ещё мигали огоньки. Маленькое одеяло Маргарет аккуратно лежало возле дивана, под журнальным столиком остались обрывки упаковочной бумаги от акварели. Клэр не пошла наверх, а осталась сидеть перед ёлкой. Габриэль вернулся и сел рядом.

— Спина всё ещё болит?

— Немного.

Он попросил её чуть повернуться и прижал ладони к пояснице, медленно разминая напряжённые мышцы. Клэр с облегчением закрыла глаза и откинулась на него.

— Твоей маме правда очень понравилась картина.

— Да.

— А тебе?

— Понравилась.

— Ты нормально её не похвалил.

— Она очень хорошая.

— И всё?

Габриэль посмотрел вниз.

— Ты нарисовала меня симпатичнее, чем на фотографии.

— Потому что в детстве ты был очаровательный.

— Не помню, чтобы у меня было такое круглое лицо.

Клэр рассмеялась и взяла его за руку.

— Почему ты до сих пор заиклен на этом?

— Потому что это неточно.

— Это акварель, а не улика в уголовном деле. Она не обязана быть абсолютно точной.

Габриэль больше не спорил.

Эллиот снова шевельнулся внутри. Клэр перетащила руку Габриэля к животу. Вместе они сидели молча перед рождественской ёлкой и чувствовали, как сын двигается под её кожей.

— В следующее Рождество он уже будет сидеть здесь с нами, — сказала Клэр.

— Возможно, сидеть будет ещё не очень уверенно.

— Тогда посадим на мягкий коврик.

— А он может доползти до ёлки и свалить её.

— Тогда ты его поймашь.

— А ты что будешь делать?

— Фотографировать.

Габриэль посмотрел на неё.

— Ты тоже должна за ним следить.

Клэр рассмеялась и уткнулась лицом ему в шею.

— Ты будешь рядом. Этого достаточно.

Габриэль ничего не ответил. Только обнял её чуть крепче. Рождественские огни с улицы мягко проникали в комнату, ложились на их сцепленные руки и округлый живот Клэр. Эллиот снова шевельнулся. Клэр закрыла глаза, всё ещё улыбаясь.

Рождество ещё не наступило, но в их доме уже было такое чувство, словно ещё один член семьи ждёт прямо за дверью.

ГЛАВА 8

Первое «папа»

Эллиот родился на четыре дня раньше срока. Чуть после трёх часов ночи Клэр проснулась от отчётливой боли внизу живота. Сначала она решила, что малыш снова её пнул. К последним неделям беременности она уже успела забыть, каково это — проспать всю ночь не просыпаясь. Иногда Эллиот начинал ворочаться, стоило ей закрыть глаза. Иногда упирался ногой куда-то под рёбра, и Клэр поневоле приходилось менять положение.

Она нахмурилась, перевернулась на другой бок и поправила подушку под животом. Боль быстро прошла. Клэр сно-

ва закрыла глаза. Чуть больше чем через десять минут она вернулась — на этот раз сильнее. Клэр медленно вдохнула и положила ладонь на живот. Дождалась, пока отпустит, затем потянулась через кровать и осторожно потрясла Габриэля за плечо.

— Габриэль.

Он открыл глаза почти мгновенно.

— Что случилось?

Клэр не ожидала, что он проснётся так быстро.

— Ты вообще спал?

— Да.

— Тогда почему сразу проснулся?

— Ты меня позвала.

Габриэль приподнялся и включил прикроватную лампу. В тёплом свете стала заметна складка между бровями Клэр. Его взгляд опустился к руке, лежавшей у неё на животе, и выражение лица тут же стало собранным.

— Где болит?

— Не знаю точно.

— Живот?

— Немного.

— Когда началось?

— Только что.

— Сколько длилось?

— Меньше минуты, кажется.

— Какой промежуток?

Клэр уставилась на него.

— Их было всего две. Я как-то не засекала время.

Габриэль уже тянулся за телефоном на тумбочке.

— Воды не отошли?

— Нет.

— Ещё что-нибудь не так?

— Нет.

Клэр смотрела, как он открывает таймер.

— Ты всё это время только и ждал, когда я такое скажу?

— Что именно?

— Что у меня болит живот.

— Врач сказал, что так близко к сроку роды могут начаться в любой момент.

Голос у него по-прежнему был спокойным, но двигался он заметно быстрее обычного. Габриэль встал с кровати, принёс Клэр халат, а потом начал проверять сумки, сложенные в углу. Клэр наблюдала за ним.

— Может, это ещё не роды.

— Всё равно подготовимся.

— Это могут быть просто тренировочные схватки.

— Тогда в больнице нам так и скажут, и мы вернёмся домой.

Габриэль открыл тёмно-синюю спортивную сумку и начал проверять содержимое. Клэр несколько секунд смотрела на неё.

— Это не сумка в роддом.

Габриэль замер. Посмотрел вниз. Внутри лежали краски, кисти, палитра и два наполовину заполненных альбома.

— Это моя сумка для рисования, — сказала Клэр.

Габриэль несколько мгновений молча смотрел на неё, затем закрыл и поставил обратно. Настоящая сумка в роддом стояла рядом. Клэр только что нервничала, а теперь рассмеялась.

— И после этого ты говоришь, что не волнуешься.

— Я такого не говорил.

— Ты всегда выглядишь спокойным.

— Выглядеть спокойным и быть спокойным — не одно и то же.

Габриэль открыл нужную сумку и ещё раз всё проверил. Клэр не успела продолжить поддразнивать его, как началась третья схватка. Улыбка исчезла с её лица. Тело невольно напряглось. Габриэль мгновенно оказался рядом, одной рукой взял её за руку, другой поддержал за плечо.

— Дыши медленно.

— Я знаю.

— Смотри на меня.

Клэр постаралась дышать так, как их учили на курсах подготовки к родам. Схватка длилась почти минуту, прежде чем наконец начала отпускать. Клэр обмякла на подушках; у линии волос уже выступил тонкий слой пота. Габриэль посмотрел на время.

— Примерно двенадцать минут между схватками.

— И что?

— Едем в больницу.

— Врач говорил, что при первых родах не обязательно ехать так рано...

— Пусть в больнице решат.

Особого пространства для спора Габриэль ей не оставил. Помог надеть халат, затем присел, чтобы надеть ей носки и обувь. Клэр сидела на краю кровати и смотрела, как муж завязывает шнурки. Вдруг всё происходящее показалось ей нереальным. Ребёнок, которого они ждали столько месяцев, действительно собирался появиться на свет.

— Габриэль.

— Мм?

— Ты готов?

Его пальцы замерли на шнурке. Прошло несколько секунд, прежде чем он поднял на неё глаза.

— Нет.

Клэр моргнула. Она ожидала услышать привычное уверенное «да». Габриэль взял её за руку.

— Но мы можем поехать и познакомиться с ним.

По дороге вниз он ещё раз схватил не то. Клэр осторожно спускалась по лестнице, держась одной рукой за перила, и, оглянувшись, увидела у Габриэля сумку из детской. Ту самую, набитую игрушками и запасными подгузниками, которые новорождённому в больнице совершенно не понадобятся. Клэр остановилась посреди лестницы.

— Зачем тебе это?

Габриэль посмотрел на сумку в своей руке.

— А сумка в роддом где? — спросила Клэр.

Габриэль оглянулся в сторону спальни. Клэр снова расхохоталась.

— Он ещё даже не родился, а ты уже собрался менять ему подгузник?

— Стой спокойно.

Габриэль поставил сумку и протянул руку, поддерживая её за талию.

— Я и так прекрасно стою.

— Не смейся на лестнице.

— Это ты всё время хватаешь не те вещи.

— Я знаю.

— Ты правда нервничаешь.

— Да.

На этот раз он даже не стал отрицать. К тому моменту, когда они добрались до машины, схватки у Клэр стали более регулярными. По дороге в больницу Габриэль соблюдал каждое правило дорожного движения. В такой час улицы были почти пусты, но он всё равно останавливался на каждом красном. Во время очередной схватки Клэр стиснула ремень безопасности, потом посмотрела на совершенно пустой перекрёсток.

— Можешь ехать быстрее.

— Красный.

— Машин нет.

— Свет всё равно красный.

— Если я рожу прямо в машине, я расскажу Эллиоту, что это случилось потому, что его папа слишком хорошо соблюдал правила дорожного движения.

Габриэль посмотрел на обратный отсчёт на светофоре.

— Одиннадцать секунд.

— Для меня сейчас одиннадцать секунд — это совсем не мало.

— Как ты себя чувствуешь?

— Больно.

Его пальцы заметно сильнее сжали руль. Как только загорелся зелёный, он прибавил скорость.

— Доедем так быстро, как сможем.

Клэр заметила, как напряжена его челюсть, и ей даже стало немного неловко за свои шутки.

— Я же не всерьёз собираюсь рожать в машине.

— Не шути об этом.

— А я думала, ты спокоен.

— Я спокоен.

— У тебя челюсть сейчас треснет.

Габриэль промолчал. Клэр откинулась на сиденье. Ей всё ещё было больно, но она всё равно слегка улыбалась.

В больнице медсестра подтвердила, что роды начались, и Клэр госпитализировали. Первые несколько часов ещё можно было терпеть. Габриэль всё время оставался рядом. При-

носил воду, помогал медленно ходить по палате и напоминал, как дышать, когда начиналась очередная схватка.

Но с каждым часом боль становилась сильнее, пока Клэр окончательно не перестала шутить. Она так сжимала руку Габриэля, что ногти впивались ему в кожу.

— Я больше не хочу этого делать.

Свободной рукой Габриэль вытер пот с её лба.

— Для этого уже немного поздно.

Клэр сердито на него посмотрела.

— Я знаю, что поздно!

— Прости.

— Почему ты всё ещё такой спокойный?

— Я не спокойный.

— А выглядишь спокойным!

Накатила новая схватка. Клэр зажмурилась, дыхание сбилось. Габриэль наклонился ближе, пока она не смогла увидеть его лицо.

— Клэр. Посмотри на меня.

— Не говори мне смотреть на тебя.

— Дыши медленно.

— Хватит говорить мне дышать. Я знаю, что мне надо дышать!

Габриэль не спорил. Просто продолжал держать её за руку. Когда боль наконец отступила, Клэр обессиленно откинулась на подушки. Опустив взгляд, она увидела красные следы от своих ногтей на тыльной стороне его ладони. Раздра-

жение тут же частично сменилось чувством вины.

— Рука болит?

— Всё нормально.

— Я не специально.

— Я знаю.

— И кричать на тебя я тоже не хотела.

— Знаю.

Клэр на несколько секунд закрыла глаза.

— Но вообще-то это всё равно твоя вина.

Габриэль кивнул.

— Моя вина.

Клэр открыла глаза.

— Что-то ты слишком быстро согласился.

— Не думаю, что сейчас спор с тобой мне чем-то поможет.

Она бы снова на него возмущённо посмотрела, если бы очередная схватка не забрала всё её внимание. Габриэль тут же придвинулся ближе, и лёгкое веселье в его глазах исчезло.

Ханна приехала после рассвета. Она только закончила ночную смену и даже не переоделась: просто накинула тёмное пальто поверх медицинской формы. Первым, кого она заметила в палате Клэр, был Габриэль.

Рукава его рубашки были закатаны до локтей, волосы уже не выглядели такими аккуратными, как обычно. Лицо оставалось достаточно спокойным, но всё тело было напряжено, будто он ждал чрезвычайной ситуации. Ханна пару секунд изучала его.

— Ты в порядке, Габриэль?

— Да.

— Кровать тебе найти?

Габриэль проигнорировал шутку. Ханна подошла к Клэр и убрала влажные светлые волосы с её лица.

— Как ты?

Клэр только что пережила очередную схватку и была слишком измучена, чтобы открыть глаза.

— Больше никогда не буду рожать.

Ханна кивнула.

— Многие примерно на этом этапе так говорят.

— Я серьёзно.

— Решишь ещё раз, когда увидишь его.

Клэр открыла глаза.

— Почему ты меня не поддерживаешь?

— Потому что я тебя знаю.

Ханна покосилась на Габриэля.

— Он выглядит нервнее тебя.

— Он уже дважды схватил не ту сумку.

Ханна сразу оживилась.

— Правда?

— Сначала мои принадлежности для рисования. Потом сумку с подгузниками.

— Человек, который не пропустит ни одной ошибки в программе, не смог запомнить, какую сумку брать в роддом?

Габриэль спокойно произнёс:

— Ты разве не к Клэр приехала?

— Я её отвлекаю.

Ханна заметила его руку, которую Клэр всё ещё крепко держала, и отчётливые следы от ногтей.

— Похоже, у тебя тоже день непростой.

— У него ничего непростого нет, — тут же сказала Клэр.

— Ну конечно. — Ханна сдержала улыбку. — Самую тяжёлую работу делает та, кто лежит в кровати. А Габриэль просто выглядит так, будто забыл, как дышать.

— Я дышу нормально.

— Отлично. Значит, кислород пока не нужен.

Габриэль посмотрел на неё. Ханна наконец перестала его дразнить. Наклонилась и обняла Клэр.

— Всё будет хорошо.

Клэр едва заметно кивнула.

— Ты останешься снаружи?

— Я и обе семьи.

Перед тем как выйти, Ханна посмотрела на Габриэля.

— Позаботься о ней.

Он ответил без малейшего колебания:

— Позабочусь.

Семья Клэр приехала быстро. Дайан несколько раз спросила медсестёр, даже после того, как её заверили, что и с Клэр, и с ребёнком всё стабильно. Роберт выглядел спокойнее жены, но каждые несколько минут вставал и смотрел в сторону дверей родильного отделения. Нора, младшая сест-

ра Клэр, пыталась успокоить обоих родителей и то и дело проверяла телефон.

— Габриэль написал, что всё идёт нормально, — напомнила она.

— Нормальные роды всё равно болезненные, — сказала Дайан.

— Конечно болезненные.

— Я знаю. Я за неё переживаю.

— Все переживают.

Роберт остановился в дальнем конце коридора.

— Габриэль ещё писал?

Нора посмотрела на экран.

— Десять минут назад. Врач её осматривает. С Клэр всё хорошо.

— Десять минут — это долго.

Нора посмотрела на него.

— Пап, ты только что говорил маме не нервничать.

Роберт снова сел.

— Я не нервничаю.

Дайан и Нора одновременно на него уставились. Он замолчал.

Семья Габриэля тоже приехала. Увидев Дайан, Маргарет сразу взяла её за руку и спросила, как Клэр. Рафаэль всё повторял, что первые роды обычно идут долго и всё будет хорошо, но никак не мог усидеть на месте. Он проходил по коридору в одну сторону, а через несколько минут — обратно.

София некоторое время наблюдала за ним, затем не выдержала.

— Пап, можешь сесть?

Рафаэль остановился.

— Я просто двигаюсь.

— Ты двигаешься уже сорок минут.

— Долго сидеть вредно.

— Если продолжишь, протрёшь дорожку в полу.

Рафаэль посмотрел на неё.

— А ты не нервничаешь?

— Нервничаю. Просто не использую больничный коридор как беговую дорожку.

Маргарет вздохнула.

— Вы двое можете хотя бы сейчас не спорить?

— Я с ним не спорю, — сказала София. — Я просто боюсь, что медсёстры решат, будто он ищет выход.

Ханна, сидевшая рядом, не удержалась от смеха. Обе семьи много раз встречались раньше, но никогда вот так — сидя вместе в больничном коридоре и ожидая одного и того же ребёнка. Дайан переживала за дочь. Маргарет — за невестку и за то, понимает ли её сын вообще, что делать, впервые став отцом. Роберт и Рафаэль оба пытались выглядеть невозмутимо. Ни у одного не получалось.

Нора и София проверяли телефоны и спорили, на чью сторону семьи будет похож ребёнок.

— Нос пусть будет как у Клэр, — сказала Нора.

София посмотрела на неё.

— А почему не как у Габриэля?

— У него слишком выразительный нос.

— Что не так с носом моего брата?

— Ничего. Я просто говорю: если малыш будет полностью похож на него, то уже при рождении может выглядеть слишком серьёзным.

София задумалась.

— Ладно, с этим соглашусь.

Маргарет покачала головой.

— Ребёнок ещё не родился, а вы уже критикуете его внешность.

— Никто его не критикует, — поспешно сказала Нора. — Мы анализируем.

Ханна добавила со своего места:

— По моему опыту, новорождённые обычно вообще ни на кого не похожи.

Все повернулись к ней. Ханна пожала плечами.

— Не ждите, что он появится на свет как младенец с рекламной фотографии.

Когда роды вошли в последнюю стадию, Клэр окончательно потеряла счёт времени. В палате горел яркий свет. Врачи и медсёстры снова и снова говорили ей, как дышать и когда тужиться. Габриэль ни разу не отошёл от неё. Держал за руку и повторял одно и то же:

— Я здесь.

От боли по лицу Клэр текли слёзы.

— Я не могу.

— Можешь.

— Я правда больше не могу.

— Ещё немного.

— Ты понятия не имеешь, насколько это больно!

Габриэль наклонился так близко, что их лбы почти соприкоснулись.

— Я знаю, что не могу почувствовать это вместо тебя.

Впервые его голос уже не был совершенно ровным.

— Но я никуда не уйду.

Клэр увидела его покрасневшие глаза и снова крепко сжала его руку. Она так и не поняла, сколько ещё прошло времени. А потом палату внезапно наполнил громкий детский крик.

На одно мгновение всё словно застыло, и остальные звуки исчезли. Габриэль тоже замер. Он всё ещё держал Клэр за руку, но смотрел уже на ребёнка в руках медсестры. Впервые он услышал голос своего сына.

Крик оказался громче, чем он представлял. И гораздо реальнее. После быстрого первичного осмотра и необходимых процедур медсестра принесла малыша Клэр.

— Совершенно здоровый мальчик.

Клэр так устала, что даже поднять руку было трудно. Но стоило ей увидеть крошечного новорождённого с красноватой кожей и влажными волосами, прилипшими к голове, как

слёзы снова хлынули из глаз.

— Какой же он маленький...

Эллиот плакал, сжав крошечные кулачки и сморщив всё лицо. Клэр одним пальцем коснулась его щеки.

— Привет, Эллиот.

Он, конечно, её не понимал. Только заплакал ещё громче. Клэр посмотрела на Габриэля. Теперь уже невозможно было не заметить, что у него красные глаза.

— Ты плачешь? — слабо спросила она.

Габриэль не ответил. Клэр выдавила усталую улыбку.

— Опять свет виноват?

Он наклонился и поцеловал её во влажный от пота лоб.

— Ты прекрасно справилась.

На этот раз он не стал ничего отрицать.

Когда медсестра спросила, хочет ли Габриэль перерезать пуповину, он заметно замешкался.

— А где именно резать?

Медсестра аккуратно показала. Габриэль взял ножницы с такой сосредоточенностью, будто выполнял задачу, в которой нельзя допустить ни единой ошибки. Закончив, он всё ещё стоял и смотрел на ребёнка.

— Ты не хочешь взять его на руки? — спросила Клэр.

— Можно?

Медсестра улыбнулась.

— Конечно. Это ваш сын.

Габриэль вымыл руки и под руководством медсестры при-

нял малыша. В ту секунду, когда Эллиота положили ему на руки, всё его тело напряглось. Он поддерживал головку и тельце точно так, как ему показали, и почти боялся пошевелить пальцем.

— Папа может немного расслабиться, — сказала медсестра.

Габриэль опустил взгляд.

— Боюсь сделать ему больно.

— Он крепче, чем вам кажется.

Эллиот до этого плакал, но, оказавшись у отца на груди, постепенно затих. Габриэль посмотрел на него с явным удивлением. Клэр наблюдала с кровати. Человек, который при любых обстоятельствах казался спокойным, теперь выглядел так, будто совершенно не знает, что делать дальше. Он боялся двинуться, боялся прижать ребёнка слишком сильно, почти боялся сделать слишком глубокий вдох.

Это была его первая минута в роли отца.

И впервые в жизни Клэр видела его настолько растерянным.

— Можешь с ним поговорить, — сказала она.

Габриэль помолчал пару секунд.

— Что сказать?

Клэр рассмеялась, несмотря на усталость.

— Что угодно. Он всё равно тебя не понимает.

Габриэль посмотрел на сына.

— Привет, Эллиот.

Улыбка Клэр стала шире.

— Почему ты говоришь так, будто знакомишься с новым коллегой?

— А что надо говорить?

— Скажи ему, что ты папа.

Габриэль задержался на мгновение, затем тихо произнёс:

— Я твой папа.

Рука Эллиота шевельнулась. Несколько крошечных пальцев скользнули по рубашке Габриэля. Его глаза тут же покраснели ещё сильнее.

Когда состояние Клэр и ребёнка стабилизировалось, их перевели в обычную палату. Родных начали пускать небольшими группами. Дайан сразу подошла к кровати дочери. Увидев бледное, измученное лицо Клэр, она сама чуть не расплакалась.

— Очень больно было, да?

Клэр кивнула.

— Очень.

Дайан погладила её по волосам.

— Ты молодец.

Роберт стоял рядом и долго смотрел на дочь. В конце концов просто взял её за руку.

— С тобой всё хорошо. Это главное.

Клэр знала, что отец никогда не был многословным. Она тихо сжала его пальцы.

А Нора уже склонилась над прозрачной люлькой.

— Это Эллиот?

— А кто ещё? — спросила Клэр.

— Просто странно. Ещё вчера он буквально был внутри тебя.

Нора внимательно разглядывала племянника.

— Какие у него тёмные волосы.

Роберт подошёл ближе.

— На Габриэля похож.

Нора тут же возразила:

— Нос как у Клэр.

— Как ты вообще можешь понять, какой у него нос, если он только что родился?

— Могу.

Дайан тоже присмотрелась.

— Рот, кажется, Клэр.

— Он спит, — сказал Роберт.

— Это не мешает видеть.

Клэр лежала и слушала, как семья спорит, чьи черты достались ребёнку, и устало улыбалась.

Когда Маргарет впервые взяла внука на руки, её руки слегка дрожали. Она осторожно села с Эллиотом, посмотрела на его волосы, на крошечные пальцы, потом на ножки, спрятанные в одеяле.

— Какие длинные пальчики.

Рафаэль стоял рядом, сияя от гордости.

— Это у Наварро семейное.

София посмотрела на отца.

— Длинные пальцы теперь принадлежат какой-то кон-
кретной семье?

— Конечно.

— Ты даже ни с кем не сравнивал.

— Это мой внук. Я и так вижу.

Эллиот внезапно сморщился и громко заплакал.

— И лёгкие сильные, — тут же сказал Рафаэль.

София рассмеялась.

— Теперь всё, что он делает, ты будешь называть силь-
ным?

— Громко плачет — значит, здоровый.

Маргарет мягко покачала малыша.

— Всё хорошо. Бабушка здесь.

Когда очередь держать Эллиота дошла до Софии, даже её
обычная колкость смягчилась. Она посмотрела на племян-
ника, потом на Габриэля у кровати Клэр.

— Он симпатичнее, чем ты был.

— Он только что родился, — спокойно ответил Габриэль.

— И уже побеждает.

Клэр рассмеялась и тут же поморщилась. Габриэль мгно-
венно повернулся к ней.

— Что болит?

— Разрез немного.

— Позову медсестру.

— Не надо. — Клэр поймала его за руку. — Это София

меня рассмешила.

Габриэль посмотрел на сестру. София опустила взгляд на ребёнка, сделав вид, что ничего не заметила.

— Нельзя винить меня в том, что твоя жена рассмеялась так сильно, что ей стало больно.

— Могла бы говорить поменьше.

— Первый день отцом, а уже командуешь?

Маргарет устало вмешалась:

— Сегодня не ссоримся.

Ханна стояла у двери и смотрела на всю комнату, собравшуюся вокруг ребёнка.

— Все говорили, что главное — Клэр, а теперь на неё вообще никто не смотрит.

Все головы тут же повернулись к кровати. Клэр улыбнулась.

— Всё нормально. Я тоже хочу посмотреть на него.

После рождения Эллиота Габриэль очень быстро понял: тревога родильной палаты была только началом. Малыш оказался исключительно талантлив по части плача. Он плакал, когда хотел есть. Когда подгузник становился мокрым. Когда ему было слишком жарко. Иногда, казалось, плакал потому, что в комнате слишком тихо. Даже проверив все очевидные причины, Клэр и Габриэль могли всё равно обнаружить его лежащим в кроватке со сжатыми кулачками и орущим до тех пор, пока всё лицо не становилось красным.

В первую ночь дома почти никто из родителей не спал.

Клэр наконец укачала Эллиота и осторожно опустила в кровать. Его спина едва коснулась матраса, как глаза распахнулись. Через секунду он снова заплакал. Клэр так и застыла, склонившись над кроваткой.

— Он же спал.

Габриэль стоял за её спиной и выглядел не менее измученным.

— Может, не успел уснуть по-настоящему.

— Он спал пятнадцать минут.

— Давай я возьму.

Габриэль поднял малыша. У отца на руках Эллиот на мгновение затих, затем снова заплакал. В полутёмной детской они посмотрели друг на друга.

— Почему он всё ещё плачет? — спросила Клэр.

Габриэль снова всё проверил.

— Подгузник чистый.

— Поел.

— Температуры нет.

— Тогда чего он хочет?

Эллиот ответил ещё более громким плачем. Габриэлю ничего не оставалось, кроме как медленно ходить по комнате и раз за разом похлопывать его по спине. Клэр сидела в кресле и наблюдала.

— Разве до его рождения ты не говорил, что, если он будет плакать всю ночь, ты будешь держать его на руках всю ночь?

— Говорил.

— Уже жалеешь?

— Пока нет.

— Тогда ты дежуришь до рассвета.

Габриэль посмотрел на неё.

— Мы договаривались меняться.

— Это я его рожала.

— Ты права.

Он не стал спорить. Не прошло и получаса, как Клэр сама не выдержала. Подошла и забрала Эллиота у него.

— Тебе завтра на работу. Иди спать.

— Я взял отпуск.

— Ты всё равно весь день не отдыхал.

— Ты тоже.

Оба посмотрели на ребёнка, который всё ещё плакал у Клэр на руках. Она понизила голос.

— Нас вообще можно допускать к воспитанию ребёнка?

Габриэль коснулся волос малыша.

— Поздновато это обсуждать.

Клэр устало положила голову ему на плечо.

— Когда я спрашивала, справишься ли ты с младенцем, ты говорил так уверенно.

— Я сказал, что научусь.

— И как идёт обучение?

Габриэль посмотрел на всё ещё плачущего сына.

— Пока рано оценивать результат.

Первая смена подгузника у Габриэля тоже прошла совсем

не так гладко, как обещали книги. Он разложил всё в точном порядке — салфетки, чистый подгузник, крем, запасную одежду — так, чтобы до каждого предмета можно было дотянуться рукой. Клэр сидела на кровати и смотрела, как он с полной сосредоточенностью раскрывает грязный подгузник.

— Почему ты выглядишь так, будто тестируешь программу?

— Здесь есть последовательность действий.

— Менять подгузник не настолько сложно.

— Вчера ты сказала, чтобы я не надел его задом наперёд.

— Я просто напонила.

Габриэль едва успел снять грязный подгузник, как Эллот без предупреждения пописал. Мокрая полоса появилась на белой рубашке Габриэля. На секунду в комнате воцарилась тишина. Клэр смотрела, как муж опускает взгляд на собственную одежду, а потом рухнула на кровать от смеха.

— Он на тебя пописал.

— Я заметил.

Габриэль схватил полотенце, вытерся, затем посмотрел на младенца, лежавшего с совершенно невинным выражением лица.

— Он сделал это специально?

Клэр смеялась уже до слёз.

— Он ещё не знает толком, где у него руки. Как он мог сделать это специально?

— Момент выбрал очень точно.

— Может, в тебя пошёл. Всё время проверяет, готовы ли остальные.

Габриэль переоделся и вернулся, а Клэр всё ещё смеялась.

— Это настолько смешно?

— Очень.

— Следующий меняешь ты.

— Я и так меняю каждый день.

— Значит, мне нужно больше практики.

— Обязательно. — Клэр тут же кивнула. — Завтрашний тоже твой.

Габриэль посмотрел на кроватку. Эллиот как раз растянул рот в чём-то, что могло быть улыбкой, а могло и не быть.

— Видишь? Он тебя любит, — сказала Клэр.

— Только потому, что не знает, в чём я его сейчас обвинил.

Первые несколько месяцев их жизнь почти полностью вращалась вокруг Эллиота. Они забыли, что значит спать без перерыва. Иногда Клэр заканчивала кормить его и засыпала сидя, всё ещё держа руки так, будто продолжала обнимать ребёнка. Однажды Габриэль несколько минут ходил по кухне и искал крышку от бутылочки, хотя всё это время держал её в руке.

Как-то ночью Эллиот разрыдался в детской. Клэр поспешила туда.

— Возьми подгузник.

— Я думал, он у тебя, — сказал Габриэль.

— А я думала, у тебя.

Они уставились друг на друга. Габриэль вернулся в спальню, а Клэр подняла малыша и начала укачивать.

— Папа совсем не подготовился, — прошептала она Эллиоту.

Габриэль уже появился в дверях.

— Мама тоже ничего не принесла.

— Он тебя не понимает.

— Когда-нибудь будет понимать.

— Тогда когда-нибудь тебе придётся перестать меня разоблачать перед ним.

Несмотря на весь хаос, Габриэль никогда не перекладывал уход за ребёнком полностью на Клэр. Даже если на следующий день ему нужно было работать, ночью он вставал менять подгузники. Если Эллиот поел и всё равно отказывался спать, Габриэль носил его по гостиной, чтобы Клэр могла отдохнуть подольше.

Иногда Клэр просыпалась посреди ночи и видела, что внизу всё ещё горит лампа. Габриэль сидел на диване, а Эллиот лежал у него на груди, вцепившись крошечными пальцами в ткань футболки для сна. У обоих были закрыты глаза. Ребёнок наконец не плакал, а ладонь Габриэля по-прежнему защищающе лежала у него на спине.

Клэр останавливалась у подножия лестницы и шептала:

— Так спать нельзя. Это небезопасно.

Глаза Габриэля тут же открывались.

— Я не спал.

— У тебя глаза были закрыты.

— Отдыхал.

— Неси его наверх.

Габриэль смотрел на ребёнка.

— Он только что заснул.

— Может заплакать, когда положишь в кроватку.

— Поэтому жду пять минут.

Их пять минут часто превращались в тридцать.

Когда Эллиоту исполнилось три месяца, Клэр впервые ушла из дома без него больше чем на полчаса. Ханна настояла, чтобы они сходили поужинать.

— За три месяца ты ни разу не оставляла этого ребёнка дольше чем на тридцать минут, — сказала Ханна. — Габриэль его отец, а не временная няня, которую ты наняла.

Клэр всё равно сидела в ресторане с телефоном в руке.

— Он впервые так долго один с Эллиотом.

— Он каждую ночь за ним ухаживает.

— Обычно я тоже рядом.

— То есть каждые пять минут он спрашивает тебя, что делать дальше.

Клэр опустила взгляд и отправила сообщение.

— Я только проверю, выпил ли Эллиот молоко.

Габриэль ответил почти сразу:

«Четыре унции. Подгузник поменял. Сейчас не плачет».

Клэр прочитала и отложила телефон. Не прошло и десяти минут, как она снова к нему потянулась. Ханна выхватила аппарат из её руки.

— Хватит.

— Я ещё не спросила, отрыгнул ли он воздух.

— Габриэль не забудет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что этот человек может наизусть назвать время каждого твоего приёма у врача во время беременности.

— Это другое.

— Клэр. Ешь.

Клэр сердито на неё посмотрела.

— У тебя нет ребёнка. Ты не понимаешь.

— Я видела в приёмном покое больше младенцев, чем ты.

— Это не то же самое.

— Верно. Они не мои, поэтому ты не пишешь мне каждые десять минут и не спрашиваешь, помогла ли я им отрыгнуть воздух.

Клэр вернулась домой почти на час раньше, чем планировала. Тихо открыла входную дверь. В доме было необычно тихо. Она переобулась и прошла в гостиную.

Габриэль спал на диване. Эллиот лежал у него на груди, прижавшись лицом к рубашке отца, и одной крошечной рукой держался за ворот. Даже во сне ладонь Габриэля защищающе лежала на спине малыша.

На журнальном столике стояли пустая бутылочка и ис-

пользованный слюнявчик. Рядом лежал лист бумаги, на котором Габриэль записал время кормления.

Клэр долго стояла и смотрела на них. Будить не стала. Вместо этого достала телефон и тихо сфотографировала. Позже она распечатала снимок и поставила его дома в рамку.

К одиннадцати месяцам Эллиот уже умел вставать, держась за мебель. По сравнению с другими детьми его возраста он был не особенно шумным. Большую часть времени сидел на ковре в гостиной, складывая кубики или сжимая в руках одеяльце, связанное Маргарет, и молча наблюдал за родителями.

Иногда Клэр тревожилась, что он поздновато начинает говорить, но педиатр уверял: дети развиваются с разной скоростью, и ничего настораживающего он не видит. Тогда Клэр принялась каждый день учить его говорить «мама».

— Мама.

Она сидела на ковре и показывала на себя.

— Мама.

Эллиот сидел напротив и смотрел на неё с очень серьёзным видом.

— Скажи «мама».

Малыш улыбнулся.

— А.

— Не «а». Мама.

— Па.

— И не «па».

Клэр повторяла слово снова и снова, но Эллиот продолжал выдавать звуки, которые ничего определённого не означали.

Когда Габриэль вернулся с работы, она всё ещё занималась уроком.

— Есть успехи? — спросил он.

— Он произносит всё на свете, кроме «мама».

Габриэль снял пальто и подошёл к ковру. Стоило Эллиоту увидеть отца, как он подтянулся на ножки у низкого столика и протянул обе руки. Габриэль только начал наклоняться, когда малыш отчётливо произнёс:

— Папа.

В гостиной стало абсолютно тихо.

Габриэль застыл. Клэр уставилась на сына с пола. На секунду ей показалось, что она ослышалась.

Когда отец не сразу взял его на руки, Эллиот потянулся ещё сильнее и повторил, теперь ещё яснее:

— Папа!

Габриэль преодолел оставшееся расстояние и поднял сына. Он редко открыто показывал радость, но теперь скрыть улыбку было невозможно.

— Как ты меня назвал?

Эллиот вцепился в его рубашку.

— Папа.

Габриэль поцеловал его в лоб.

— Ещё раз.

— Папа.

С каждым повторением улыбка Габриэля становилась шире. Клэр сначала тоже была в восторге. Потом, наблюдая, как отец и сын празднуют так, словно она вообще перестала существовать, поняла, что здесь есть серьёзная проблема.

— Подожди.

Габриэль повернулся к ней с Эллиотом на руках. Клэр указала на себя.

— Я каждый день учу его говорить «мама».

Габриэль промолчал.

— Я его кормлю. Ношу на руках. Укладываю спать. Это я пережила роды и родила его. — Чем больше доказательств перечисляла Клэр, тем сильнее возмущалась. — Почему его первое слово — «папа»?

— Может, его проще произнести.

— Ты злорадствуешь?

— Нет.

— Ты улыбаешься.

Габриэль попытался перестать улыбаться, но у него ничего не вышло. Клэр поднялась и подошла к нему.

— Ты тайком его учил?

— Нет.

— А что ты ему говоришь, когда каждый день носишь на руках?

— Ничего особенного.

— Тогда почему он внезапно сказал «папа»?

Габриэль протянул Эллиота к ней.

— Скоро скажет и «мама».

Клэр посмотрела сыну прямо в глаза и немедленно возобновила обучение.

— Мама. Скажи «мама».

Эллиот посмотрел на неё.

— Ма-ма.

Малыш расплылся в улыбке. Потом повернулся к Габриэлю.

— Папа!

Габриэль наконец рассмеялся вслух. Клэр схватила диванную подушку и запустила в мужа. Габриэль поймал её одной рукой, второй надёжно удерживая Эллиота.

— Ты надо мной смеёшься!

— Я не могу управлять тем, что он говорит.

— Но собой ты явно очень доволен.

— Я рад.

Клэр возмутилась ещё сильнее.

— Ты даже не собираешься меня утешить?

Габриэль подошёл, всё ещё держа Эллиота, и поцеловал Клэр в лоб.

— Ты человек, который нужен ему больше всех.

— Но он не сказал моё имя.

— Скоро скажет.

— Ты уже это говорил.

Эллиот посмотрел на обоих родителей и радостно снова

объявил:

— Папа.

Клэр закрыла глаза.

— Он делает это специально.

В тот вечер она не сдавалась. Клэр сидела в кровати с сонным Эллиотом на руках и повторяла одно слово снова и снова.

— Мама.

Эллиот лежал щекой у неё на груди и едва держал глаза открытыми.

— Скажи один раз — и можешь спать.

Габриэль вышел из ванной после душа и обнаружил, что она всё ещё занимается.

— Он еле живой от усталости.

— Поспит после того, как скажет «мама».

— Клэр.

— Я его родила, а первым он сказал «папа».

— Сегодня он выучил одно слово.

— Именно поэтому первое слово так важно.

Габриэль сел на кровать и обнял сразу и Клэр, и сына. Эллиот вскоре уснул у неё на руках. Она посмотрела на его спокойное личико.

— Почему он так тебя любит?

— Тебя он тоже любит.

— Но тебя назвал первым.

Габриэль погладил её по волосам.

— Когда ему плохо или что-то действительно нужно, он всегда ищет тебя.

Клэр всё ещё не была полностью удовлетворена, но будить ребёнка не стала.

Через несколько недель Эллиот проснулся после дневного сна и наконец произнёс не очень чёткое:

— Мама.

Клэр готовила обед на кухне. Услышав его, она тут же всё бросила и поспешила в гостиную.

— Как ты меня только что назвал?

Эллиот сидел на ковре и протягивал к ней обе руки.

— Мама.

Глаза Клэр мгновенно наполнились слезами. Она подхватила его и крикнула в сторону кабинета:

— Габриэль! Ты слышал? Он сказал «мама»!

Габриэль вышел.

— Слышал.

— И сказал, потому что хотел ко мне на руки.

— Да.

— Это гораздо значительнее, чем сказать «папа» просто потому, что ты вошёл в дверь.

— Ты права.

Габриэль не спорил. Клэр держала Эллиота с победной улыбкой.

— Скажи ещё раз.

— Мама.

Она тут же поцеловала его в щёку.

— Мама здесь.

Вечером, когда Эллиот уснул, Клэр и Габриэль стояли у его кровати и смотрели на него. Крошечный новорождённый, который когда-то только краснел и кричал, превратился в малыша, способного вставать, держась за мебель, и звать маму и папу.

Клэр прислонилась к Габриэлю.

— При рождении он был таким маленьким. А теперь уже умеет нас звать.

Габриэль стоял позади, свободно обняв её обеими руками за талию.

— Дальше начнёт ходить. Потом школа. И будет расти дальше.

Клэр посмотрела на сына.

— А можно ему не так быстро расти?

— Вряд ли.

— Ты не можешь что-нибудь придумать?

— Это уже выходит за рамки тестирования программного обеспечения.

Клэр тихо засмеялась и сильнее прислонилась к нему. В кровати Эллиот перевернулся и сонно пробормотал:

— Папа...

Улыбка Клэр исчезла. Она повернулась к Габриэлю.

— Даже во сне тебя зовёт.

Габриэль понизил голос.

— Может, просто говорит во сне.

— Всё равно даже во сне первым находит папу.

Габриэль поцеловал её в макушку и не сумел скрыть улыбку. Клэр ущипнула его за бок. Он поймал её руку и притянул обратно к себе.

Эллиот так и не проснулся. Он просто сжимал маленькое одеяльце и спокойно спал рядом с родителями, совершенно не подозревая, что его первое слово заставило мать ревновать целый день.

ГЛАВА 9

Долгожданная ночь вдвоём

К пятнадцати месяцам Эллиот уже мог проходить небольшие расстояния, держась за мебель. Особенно шумным ребёнком он не был.

Большую часть времени ему нравилось сидеть на ковре в гостиной, вертеть в руках кубики или прижимать к себе маленькое одеяльце, связанное Маргарет, и молча наблюдать за тем, что делают родители. Только если он был голоден, устал или слишком долго не видел Клэр, его личико начинало морщиться, и он звал маму — обычно совсем не громко.

И всё же в тот день Клэр стояла в детской, набивая вещами сумку для ночёвки, и совершенно серьёзно объявила:

— Сегодня мы точно его отдаём.

Габриэль прислонился к дверному косяку и смотрел, как она кладёт в сумку уже шестой комплект одежды.

— Он всего одну ночь проведёт у моих родителей.

— Я знаю.

— Ты положила шесть смен одежды.

— За один день ребёнок может очень сильно испачкаться.

— Шесть раз?

Клэр остановилась и посмотрела на мужа.

— Не недооценивай своего сына.

Габриэль проследил за её взглядом. Ребёнок, которого они обсуждали, сидел на ковре и изучал синий кубик. Почти двадцать минут он вёл себя тихо. Не плакал. Ничего не опрокинул.

— Сегодня он не выглядит особенно трудным ребёнком,

— заметил Габриэль.

Клэр тут же приложила палец к губам.

— Тише.

— Он не понимает.

— Теперь он уже многое понимает. Нельзя, чтобы он узнал, что мы решили сплавить его к бабушке.

Габриэль вошёл в комнату и вытащил из сумки два почти одинаковых комплекта.

— Мы его не сплавляем.

— Временно сплавляем.

Клэр тут же положила оба комплекта обратно. Габриэль наблюдал за ней.

— Ты уверена, что сможешь его оставить?

— А почему нет?

Ответ прозвучал крайне решительно.

— Я больше года ни разу не спала всю ночь и уже не помню, когда в последний раз спокойно доела что-нибудь до конца. Каждый раз, как мы садимся за стол, ему внезапно что-нибудь нужно.

Словно услышав, что речь о нём, Эллиот поднял голову и посмотрел на мать. Клэр тут же одарила его ласковой улыбкой.

— Мама не про тебя говорила.

Эллиот моргнул и снова занялся кубиком. Габриэль подошёл сзади к жене и понизил голос.

— Ты уверена, что проблема именно в том, что с ним трудно?

Руки Клэр замедлились. Она мельком посмотрела на мужа, затем как ни в чём не бывало начала переставлять бутылочки в сумке.

— А в чём ещё?

— Я подумал, может, тебе просто хочется одну ночь побыть со мной наедине.

Кончики ушей Клэр порозовели.

— Это одна из причин.

— Только одна?

— Габриэль, у тебя сегодня слишком много вопросов.

Он не стал продолжать. Просто обнял её сзади обеими руками. После родов талия Клэр осталась мягче, чем до беременности. Поначалу ей было трудно привыкнуть к измене-

ниям в своём теле. Иногда, переодеваясь, она слишком долго стояла перед зеркалом и избегала платьев, которые раньше плотно облегли фигуру.

Ладонь Габриэля легла ей на низ живота, а он поцеловал её в макушку.

— Тогда отвезём его пораньше.

Клэр повернула к нему лицо.

— Ты торопишься больше меня?

— Нет.

— Слишком быстро ответил.

— Потому что ты уже очень долго собираешь сумку.

Клэр посмотрела на сумку, которая теперь едва застёгивалась, и наконец рассмеялась.

Маргарет обрадовалась, услышав, что внук останется у неё на ночь, и заранее всё подготовила. К их приезду Рафаэль уже переставил все хрупкие украшения в гостиную на верхние полки и застелил пол толстыми игровыми ковриками. Маргарет приготовила привычный ужин Эллиота и даже купила небольшую кровать для гостевой комнаты.

В тот день София тоже оказалась у родителей. Она открыла дверь, посмотрела на брата с семьёй, затем опустила взгляд на огромную сумку в руке Габриэля.

— Вы Эллиота на месяц оставляете?

— На одну ночь, — ответил Габриэль.

София приподняла бровь.

— На одну ночь — и всё это с собой?

Клэр тут же объяснила:

— Он может испачкать одежду.

— Сколько раз?

— Дети непредсказуемы.

София отступила, пропуская их внутрь, но несколько раз перевела взгляд с Клэр на Габриэля и обратно.

— Вы двое сегодня какие-то особенно счастливые.

Клэр сразу возразила:

— Ничего особенно счастливого в нас нет.

— Ну конечно.

София посмотрела на их всё ещё сцепленные руки.

— Вы просто ужасно хотите вернуться домой и спокойно... переставить мебель в спальне.

Клэр мгновенно отпустила руку Габриэля, чувствуя, как лицо начинает гореть. Из гостиной вышла Маргарет. Увидев Эллиота, сразу протянула к нему руки.

— Не слушай Софию. Вы двое уже сто лет нормально не отдыхали вдвоём. Сегодня можете гулять сколько хотите.

Клэр передала ей любимое одеяльце Эллиота.

— Без него он не засыпает.

— Я знаю.

— После ужина не давайте слишком много сладкого.

— Хорошо.

— Может проснуться и начать меня искать. Поддержите его немного на руках, а если не перестанет плакать — позвоните мне.

— Хорошо.

— Молоко нужно чуть подогреть, только не слишком сильно.

Маргарет терпеливо слушала.

— Клэр, я вырастила двоих детей.

— Но Эллиот другой.

— Конечно. — Маргарет улыбнулась. — Он мой внук. Я хорошо о нём позабочусь.

Рафаэль уже присел перед Эллиотом и махал маленькой деревянной машинкой, привлекая его внимание.

— Хочешь сегодня ночевать у бабушки?

Эллиот посмотрел на машинку в руке деда и очень быстро забыл, что родители вообще стоят рядом. Клэр присела и поцеловала его в щёку.

— Мама заберёт тебя завтра.

Эллиот сжимал деревянную машинку и совершенно не выглядел расстроенным. Клэр поцеловала его ещё раз.

— Ты совсем не будешь скучать по маме?

Он поднял голову и неуверенно сказал:

— Мама.

Клэр тут же растаяла. Уже протянула руки, чтобы забрать его обратно, но Габриэль мягко положил ладонь ей на плечо.

— Завтра вернёмся.

— Он только что меня позвал.

— Он каждый день тебя зовёт.

София стояла у дверей и наблюдала за ними.

— Вы вообще собираетесь уходить или нет?

Клэр встала, ещё раз объяснила Маргарет, где лежат бутылочки, и только потом вместе с Габриэлем пошла к выходу. По дороге всё равно дважды оглянулась. Эллиот уже сидел на ковре и играл с Рафаэлем в машинки. Даже головы не поднял.

Не прошло и трёх минут после того, как машина отъехала от дома его родителей, как Клэр откинулась на сиденье и вздохнула.

— Я уже по нему скучаю.

Габриэль не отрывал глаз от дороги.

— Мы уехали три минуты назад.

— Можно одновременно скучать по человеку и испытывать облегчение.

— Значит, ты испытываешь облегчение?

Клэр повернулась к нему.

— Огромное.

А потом добавила:

— Но ты не должен выглядеть слишком довольным. Он всё-таки наш ребёнок.

Уголок рта Габриэля приподнялся.

— Я ничего не сказал.

— У тебя всё на лице написано.

Габриэль забронировал столик в маленьком ресторане, куда они часто ходили, когда встречались. Ничего особенно роскошного там не было. Над входом всё так же висели зна-

комые гирлянды тёплых жёлтых лампочек.

Перед выходом Клэр стояла у зеркала в спальне в тёмно-синем платье, которое давно не надевала. Оно ей подходило, но сидело плотнее, чем до Эллиота. Она повернулась боком и потянула ткань у талии.

— Не слишком тесное?

Габриэль уже переоделся в рубашку и стоял позади, поправляя манжеты.

— Нет.

— Раньше талия была уже.

— Я не вижу разницы.

— Не надо меня утешать.

— Я не утешаю.

Клэр развернулась.

— И грудь стала больше.

Взгляд Габриэля естественно опустился к вырезу платья, прежде чем вернуться к её лицу.

— Я знаю.

Щёки Клэр тут же вспыхнули. Она закрыла ему глаза ладонью.

— Не смотри на меня так.

— Ты сама об этом заговорила.

Габриэль взял её за руку и притянул к себе.

— Ты красивая.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это всегда правда.

Он обнял её сзади и поцеловал в обнажённое плечо. Клэр посмотрела на их отражение в зеркале. Она уже не была той стройной невестой, какой была на свадьбе. Беременность изменила линию талии. Грудь стала полнее, низ живота уже не был идеально плоским. Но во взгляде Габриэля не было ни сравнения, ни попытки её успокоить.

Только знакомое тепло — и желание, слишком очевидное, чтобы его можно было не заметить. Клэр расслабилась в его руках.

— Мы опоздаем.

— Времени достаточно.

— Ты же бронировал столик?

Габриэль поцеловал её сбоку в шею.

— Можем опоздать на несколько минут.

Клэр рассмеялась и оттолкнула его.

— Сначала ужин.

— Хорошо.

— К тому же у нас впереди целая ночь.

Только произнеся это, она поняла, что фраза прозвучала куда прямее, чем ей хотелось. Габриэль посмотрел на неё. Клэр сняла с кровати пальто и направилась к двери с таким видом, будто ничего не произошло.

— Хватит на меня смотреть.

— Я ничего не сказал.

— И не надо. Я знаю, о чём ты думаешь.

Уже давно им не удавалось спокойно съесть целый ужин.

Без внезапного детского плача. Без смены подгузника посреди еды. Без того, чтобы один держал Эллиота, а второй торопливо ел уже остывшее блюдо.

Клэр пила безалкогольный коктейль и рассказывала Габриэлю о том, что происходило в школе. На середине рассказа вдруг остановилась.

— Я всё это время говорю об Эллиоте?

— Немного.

— Разве сегодня мы не должны были говорить о нас?

— Он часть нашей жизни.

Клэр поковыряла вилкой овощи на тарелке.

— Но мне кажется, теперь я вообще умею говорить только о ребёнке.

— Пять минут назад ты рассказывала о школе.

— Пять минут. А потом сообщила тебе, что сегодня Эллиот научился сам держать ложку.

Габриэль увидел, как на её лице появилась лёгкая грусть.

— Ты всё ещё Клэр.

Она подняла глаза.

— Но теперь первое, что я делаю каждое утро, — проверяю его. Думаю о нём, когда ем. Думаю о нём, когда выхожу из дома. Будто после того, как я стала мамой, моя прежняя жизнь исчезла.

Габриэль протянул руку через стол и взял её ладонь.

— Твоя жизнь не исчезла. Она изменилась.

— Ты не считаешь меня теперь скучной?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Тогда почему ты так давно не приглашал меня на свидание?

Габриэль слегка замешкался.

— Потому что каждый раз, когда у нас была возможность оставить его с кем-нибудь, ты не могла заставить себя это сделать.

Клэр задумалась и поняла, что он прав.

— Ладно.

Она сжала его руку.

— Иногда можем так делать.

— Отправлять его к моим родителям?

— Не говори так, будто мы постоянно бросаем собственного ребёнка.

— Ты сама сказала, что он надоедливый.

— Такие вещи мужу и жене разрешено говорить друг другу наедине.

Габриэль тихо рассмеялся.

Домой они вернулись почти в десять. Стоило Габриэлю открыть входную дверь, как тишина показалась странной. На ковре не было разбросанных игрушек. Из детской не доносилось ни звука. Кубики Эллиота всё ещё лежали у лестницы там, где он оставил их днём, но самого ребёнка, который обычно пытался подняться у дивана, нигде не было.

Клэр остановилась в прихожей, даже не переобувшись.

— Такое чувство, будто половины дома нет.

— Не хватает одного человека, — сказал Габриэль.

— Наверное, он уже спит.

— Наверное.

— А если твоя мама забудет накрыть его одеялом?

— Не забудет.

— Если он проснётся ночью, может начать нас искать.

— Мама позвонит.

Клэр достала телефон. Новых сообщений не было. Час назад Маргарет прислала фотографию: Эллиот в пижаме сидел на коленях у Рафаэля, а дедушка читал ему сказку. Ребёнок выглядел совершенно довольным.

— Такое ощущение, что он вообще по нам не скучает.

Габриэль снял пальто.

— Значит, ему там спокойно.

— Почему ты всегда его защищаешь?

— Он пока не умеет объясняться сам.

Клэр убрала телефон и развернулась. Габриэль сразу притянул её к себе. Она подняла голову.

— Ты что делаешь?

— Ты уже достаточно насмотрелась в телефон.

— Я проверяла, не плачет ли он.

— Не плачет.

— Я знаю.

— Тогда теперь можешь посмотреть на меня.

Клэр пару секунд молчала, затем рассмеялась.

— Ты ревнуешь меня к собственному сыну?

— Нет.

— Сегодня ты очень часто говоришь «нет».

Габриэль наклонился и поцеловал её. Сначала легко. Клэр положила руки ему на плечи и постепенно придвинулась ближе. Когда его ладонь легла ей на талию, поцелуй стал глубже.

Они давно не прикасались друг к другу, не ожидая, что их в любую секунду прервут. Последние месяцы каждый поцелуй сопровождался тем, что одним ухом они прислушивались к детской. Даже когда Эллиот спал, малейший звук заставлял Клэр сразу остановиться.

Сегодня дом принадлежал только им.

Никто не заплачет. Никто внезапно не проснётся.

Клэр сжала пальцами ткань рубашки Габриэля и ответила ему с тем же желанием. Когда он наконец отстранился, её дыхание уже изменилось.

— Мы всё ещё стоим у входной двери.

Большой палец Габриэля скользнул по её нижней губе.

— Наверх?

Клэр посмотрела на него и нарочно спросила:

— В душ или за чем-то другим?

— Можно совместить.

— Очень удобно для тебя.

Она сказала это, но не сопротивлялась, когда Габриэль

взял её за руку.

Ванная быстро наполнилась тёплым паром. Клэр первой встала под душ и запрокинула голову, позволяя горячей воде стекать по плечам. Она только успела убрать волосы на одну сторону, как услышала, что за спиной открылась дверь. Клэр оглянулась.

— Ты что здесь делаешь?

Габриэль вошёл в ванную.

— Принимаю душ.

— У нас есть ещё одна ванная.

— Эта ближе.

Клэр посмотрела на его совершенно невозмутимое лицо и рассмеялась.

— Ты специально.

Габриэль не стал отрицать. Подошёл сзади. Его ладонь медленно скользнула по мокрой коже её руки и остановилась на талии. Спина Клэр прижалась к его груди, и дыхание на мгновение перехватило. Горячая вода лилась на них, пропитывая волосы и кожу. Габриэль опустил голову и стал целовать её от края уха вниз по шее. Поначалу Клэр ещё пыталась говорить, но под его губами голос постепенно становился тише.

— Ты мне волосы намочил.

— Ты стоишь под душем.

— Я не собиралась их мыть.

Губы Габриэля замерли у её плеча.

— Теперь они мокрые.

Клэр повернулась в его руках и обвила шею обеими руками.

— Ты виноват.

— Да.

— Почему ты сегодня во всём признаёшься?

— Не хочу тратить время.

Клэр не успела рассмеяться — он снова её поцеловал. На этот раз без привычной сдержанности. Руки медленно сжались на её талии, притягивая вплотную. Клэр расслабилась под горячей водой и его прикосновениями.

Последние остатки неуверенности в собственном теле исчезли под взглядом Габриэля. В нём не было ни долга, ни снисхождения.

Ему нравилась её нынешняя, более мягкая фигура. Нравились все изменения, оставленные беременностью. Клэр чувствовала это в его дыхании, в руках, в каждом поцелуе. Её пальцы скользнули в его мокрые волосы и притянули ближе. Габриэль немного отстранился, чтобы упереться лбом в её лоб.

— Всё хорошо?

Лицо Клэр было таким горячим, что она уже не понимала, от воды это или от него.

— Ты спрашиваешь только сейчас?

— Я всё равно должен спросить.

Она слегка прихватила губами его нижнюю губу.

— Да.

Когда Габриэль поднял её, Клэр инстинктивно крепче обняла его за плечи. Спина коснулась прохладной плитки, и от контраста она вздрогнула. Габриэль тут же поправил положение, убедился, что держит её надёжно, и только потом снова придвинулся. Клэр обхватила его ногами за талию. Под шум воды дыхание у обоих участилось.

Давно она не могла полностью сосредоточиться на прикосновениях мужа, не прислушиваясь, не плачет ли ребёнок в соседней комнате, и не боясь, что в любую секунду придётся остановиться. Здесь были только горячая вода, поцелуи и тихие звуки, срывавшиеся с их губ. Одна рука Габриэля крепко поддерживала её за поясницу, а он не отрывал от неё взгляда.

Клэр медленно откинула голову у него на руках, сильнее сжав пальцы. И именно в тот момент, когда напряжение стало нарастать, одна её стопа зацепилась за край скользкого коврика. Тело сместилось. Глаза Клэр распахнулись, и она вцепилась в него.

— Габриэль!

Он мгновенно удержал её.

— Держу.

Клэр посмотрела вниз на коврик, который едва не сложился под её ногой. Сердце всё ещё колотилось.

— Осторожно. Я не хочу завтра объяснять твоей маме, что мы отправили ребёнка к ней, а сами травмировались в

душе.

Габриэль посмотрел на неё.

— Я не дам тебе упасть.

— Ты почти...

Поцелуй оборвал остаток фразы. Сначала Клэр попыталась оттолкнуть его, а потом вместо этого рассмеялась. Маленькая неприятность не разрушила настроение. Скорее, сняла часть напряжения и вернула происходящему привычную для них лёгкость.

Габриэль перенёс её туда, где было безопаснее, проверил пол под ногами и только тогда снова притянул к себе.

Они соединились среди пара и шума воды.

Клэр крепко держалась за него, спрятав лицо у его шеи. Она чувствовала, как Габриэль намеренно замедляется всякий раз, когда ей нужно привыкнуть, и как его дыхание выдаёт его каждый раз, когда он снова становится ближе. Она уже не нервничала так, как в их первую ночь. Теперь сама первой целовала его. А когда он останавливался, притягивала обратно ногами.

Желание, которое работа, забота о ребёнке и постоянная усталость так долго отодвигали на задний план, наконец снова дало о себе знать.

В конце у Клэр уже не оставалось сил крепко его обнимать. Она просто отдыхала у него на груди, пока дыхание постепенно успокаивалось. Вода продолжала литься вокруг. Габриэль держал её и не спешил отпускать.

Клэр долго не открывала глаз, затем пробормотала:

— Вообще-то мы пришли сюда помыться.

— Мы всё ещё можем помыться.

Она открыла глаза и посмотрела на совершенно мокрые волосы.

— Ты намочил их целиком.

— Ты меня не остановила.

— Я была занята.

Габриэль тихо рассмеялся. Клэр шлёпнула его по плечу.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Сегодня ты много врёшь.

— Да.

— И опять признался.

Габриэль поцеловал её в разгорячённую щеку.

На следующее утро, когда Клэр открыла глаза, солнечный свет уже пробивался сквозь шторы. Она очень давно не спала так поздно. Габриэль лежал рядом, по-прежнему обнимая её за талию одной рукой.

Клэр потянулась за телефоном на тумбочке. От Маргарет пришли три сообщения. На первой фотографии Эллиот сидел в высоком стульчике за завтраком, а у уголка рта осталось фруктовое пюре. На второй он строил башню из кубиков вместе с Рафаэлем. В последнем сообщении было написано: «Ночью спал очень хорошо. Не торопитесь приезжать».

Клэр долго смотрела на фотографии.

— Он вообще нас не искал.

Голос Габриэля раздался у неё за спиной.

— Значит, хорошо провёл ночь.

— Он должен скучать по маме.

— Может, и скучал. Просто написать тебе не умеет.

Клэр перевернулась к нему.

— Опять его защищаешь.

— Объясняю.

Она посмотрела на слегка растрёпанные после сна волосы мужа и внезапно вспомнила всё, что произошло прошлой ночью. Тут же подтянула одеяло повыше. Габриэль заметил.

— Что?

— Ничего.

— У тебя лицо красное.

— Солнце.

Габриэль посмотрел на жалкую полоску света, которую пропускали почти полностью закрытые шторы, и милосердно промолчал. Клэр схватила подушку и легко прижала к его лицу.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Глаза смеются.

За Эллиотом они приехали только к полудню. Увидев родителей, он сразу протянул обе руки, но от Рафаэля уходить не торопился. Минуту тянулся к Клэр, а ещё через минуту снова хотел к дедушке — явно уже считал этот дом ещё од-

ним местом, где ему безопасно.

Клэр прижала его к себе и несколько раз поцеловала.

— Ты скучал по маме вчера ночью?

Эллиот схватил её за волосы.

— Мама.

— Видишь? Скучал, да?

Ребёнок, разумеется, не ответил. Продолжал тянуть её волосы.

София стояла рядом, посмотрела на Клэр, потом на Габриэля, который собирал сумку.

— Похоже, вы двое хорошо отдохнули.

Клэр замерла.

— С чего ты взяла?

— Сегодня хорошо выглядите.

— Я просто дольше поспала.

— Конечно.

По улыбке Софии было совершенно ясно: это объяснение её нисколько не убедило. Габриэль, по-видимому, решил ничего не понимать и забрал Эллиота у Клэр.

София посмотрела на брата.

— А ты ничего не скажешь?

— Здесь нечего объяснять.

— Я и не просила ничего объяснять.

Лицо Клэр стало ещё горячее. Она схватила Габриэля за рукав.

— Мы уходим.

Маргарет передала им еду, которую упаковала с собой.

— В следующий раз Эллиот тоже может остаться.

— Хорошо, — сразу ответил Габриэль.

Клэр повернулась к нему.

— Ты уже планируешь следующий раз?

— Мама только сказала, что он может остаться.

— Ты вообще не задумался.

София расхохоталась.

Примерно через месяц Клэр снова почувствовала себя странно. Однажды утром она проходила мимо кухни, пока Габриэль наливал кофе, и её внезапно накрыла волна тошноты. Ощущение было слишком знакомым.

Клэр остановилась в дверях, посмотрела на мужа и медленно нахмурилась.

— Убери это от меня.

Габриэль тут же поставил чашку.

— Тошнит?

— Кофе ужасно пахнет.

— Раньше ты пила его каждый день.

— Сегодня не хочу даже чувствовать запах.

Габриэль внимательно посмотрел на неё. Клэр отвела глаза и ушла в гостиную.

Месячные задерживались почти на неделю. К тому же последнее время она уставала сильнее обычного. Несколько раз засыпала на диване, играя с Эллиотом на ковре. В голове уже начал складываться ответ, который она пока не очень хотела

признавать.

В то утро, после того как Габриэль ушёл на работу, Клэр снова купила тесты на беременность.

Она стояла в ванной и смотрела, как появляется вторая полоска. Потом медленно подняла глаза на душевую кабину перед собой. Та ночь вспомнилась почти мгновенно.

Клэр снова посмотрела на тест.

— Не может быть...

Она сделала ещё один. Результат оказался точно таким же.

Когда вечером Габриэль пришёл домой, первое, что он увидел, — тест на беременность посреди обеденного стола. Рядом лежала записка почерком Клэр:

«Во всём виноват душ».

Габриэль несколько секунд молча смотрел на неё. Клэр сидела на диване с Эллиотом на руках и делала вид, будто вовсе не ждала его реакции всё это время.

— Увидел?

Габриэль взял тест и подошёл к ней.

— Ты уверена?

— Я сделала два.

— У нас будет ещё один ребёнок?

— Похоже на то.

Клэр посмотрела на Эллиота у себя на руках.

— Ты станешь старшим братом.

Эллиот ничего не понял. Потянулся к печенью в руке Клэр и пробормотал:

— Хочу.

Клэр отдала ему печенье.

— Тебя только еда интересует.

Габриэль присел перед ней и осторожно положил ладонь на пока совершенно не изменившийся живот. На его лице явно читалась радость, но первый вопрос всё равно был прежним:

— Как ты себя чувствуешь?

— Пока нормально.

— Тошнит?

— Немного утром, когда почувствовала запах кофе.

— Завтра к врачу.

Клэр посмотрела, как он мгновенно переключился в режим тревожного мужа.

— Ты забыл, что мы уже один раз через это проходили?

— Каждая беременность разная.

— Ты же больше не схватишь не ту сумку в роддом?

— До родов ещё далеко.

— Значит, у тебя полно времени потренироваться.

Ладонь Габриэля всё ещё лежала на её животе. Клэр посмотрела на него, затем на Эллиота, который сидел у неё на коленях и ел печенье. Вместе с радостью начала подниматься более практичная тревога.

— Габриэль.

— Мм?

— Это не слишком рано?

Он поднял глаза.

— Ты не рада?

— Не в этом дело.

Клэр покачала головой.

— Конечно рада. Просто волнуюсь. Эллиот ещё совсем маленький. Его нужно носить на руках. Нормально сам есть он ещё не умеет. Иногда всё ещё просыпается ночью. Когда срок станет больше, я, возможно, уже не смогу ухаживать за ним так, как сейчас.

Габриэль сел рядом.

— Я буду за ним ухаживать.

— Ты работаешь.

— Я могу изменить график работы из дома.

— А ночью?

— Будем вставать по очереди.

— А если заплачут оба одновременно?

Габриэль посмотрел на Эллиота.

— Я беру одного, ты другого.

— А если обоим нужна только я?

— Тогда я успокою второго, пока ты не сможешь его взять.

Клэр прислонилась к нему.

— Это твоя вина.

Габриэль опустил на неё взгляд.

— В душе ты, вообще-то, не особенно возражала.

Клэр тут же закрыла ему рот ладонью.

— Эллиот здесь. Не говори такие вещи.

Габриэль опустил её руку.

— Он не понимает.

— Когда-нибудь будет.

— К тому времени сегодняшний день не вспомнит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что сейчас он даже не помнит, куда положил кубик, который держал десять минут назад.

Эллиот услышал слово «кубик» и поднял на них глаза. Клэр тут же прижала сына крепче.

— Папа говорит про тебя гадости.

Габриэль бессильно посмотрел на неё.

Когда Маргарет узнала, что Клэр снова беременна, первой реакцией стало не празднование. Она взяла Клэр за руку.

— Ты рада?

Клэр кивнула.

— Да. Просто немного переживаю.

— С двумя маленькими детьми, родившимися почти подряд, будет очень тяжело, — сказала Маргарет. — Но тебе не придётся справляться одной. Иногда Эллиот может оставаться у нас. И я могу приезжать к вам помогать.

Рафаэль уже начал угадывать пол ребёнка.

— На этот раз точно девочка.

— Почему? — спросила София.

— Потому что мальчик у нас уже есть.

— Пол ребёнка не так определяется.

— У меня предчувствие.

София посмотрела на Габриэля рядом с Клэр.

— Вы всего на одну ночь оставили ребёнка здесь.

Лицо Клэр тут же покраснело.

— Эти две вещи напрямую не связаны.

София одарила её понимающим взглядом.

— Есть связь или нет — вы двое знаете лучше меня.

Габриэль спокойно сказал:

— Тебя никто не спрашивал.

— Я и подробностей не просила.

— София, — вмешалась Маргарет, прежде чем дочь успела продолжить. — Хватит дразнить Клэр.

София рассмеялась и подошла ближе.

— Я ничего такого не имею в виду. Просто думаю, что вы с братом очень эффективны, когда наконец остаётесь вдвоём.

Клэр схватила диванную подушку и бросила в неё. София поймала её со смехом. Габриэль сидел рядом и, что было необычно, сестру защищать не стал.

Родители Клэр отреагировали практичнее. Дайан радостно обняла дочь, а затем тут же начала переживать из-за маленького промежутка между беременностями.

— Организм успел восстановиться?

— Врач говорит, что всё хорошо.

— Эллиоту ещё столько ухода нужно.

— Габриэль помогает.

Роберт посмотрел на зятя.

— Ты готов?

Габриэль серьёзно ответил:

— Да.

— Я не только про детей, — сказал Роберт. — Чем дальше беременность, тем сильнее Клэр будет уставать. Тебе придётся заботиться обо всех троих.

— Я знаю.

Роберт несколько секунд смотрел на него, затем кивнул. Нора уже надеялась, что вторым ребёнком будет девочка.

— Желательно похожая на Клэр.

Клэр рассмеялась.

— Эллиот тоже на меня похож.

— Немного глазами. Всё остальное — Габриэль.

— Он говорит «мама».

— Но первым словом было «папа».

Клэр тут же сердито посмотрела на сестру.

— Почему все это помнят?

Нора обняла её, смеясь.

— Потому что ты потом целую вечность ревновала.

— Я не ревновала целую вечность.

— Минимум три недели.

— Я помогала ему расширять словарный запас.

На плановом УЗИ в середине беременности врач подтвердил: второй ребёнок — девочка. Клэр лежала на кушетке и, едва услышав это, сразу повернулась к Габриэлю.

— Дочка.

Его пальцы обхватывали её руку, но сам он всё ещё смот-

рел на маленький силуэт на экране УЗИ.

— Да.

— Ты рад?

— Очень.

— Звучишь слишком спокойно.

— Я знал, что будет либо мальчик, либо девочка.

Клэр легко шлёпнула его по руке.

— Ты не можешь выглядеть хоть немного более взволнованным?

Габриэль поцеловал её пальцы.

— Я взволнован.

Стоило им выйти из больницы, как Клэр начала перебирать имена. Предлагала одно за другим, но в конце концов снова и снова возвращалась к Молли.

— Молли Наварро, — тихо произнесла она. — Красиво звучит.

Габриэль кивнул.

— Да.

— Ты опять чуть не сказал, что тебе всё равно?

— Нет. Мне нравится Молли.

Клэр довольно улыбнулась.

— Надеюсь, она будет похожа на меня.

— Чем?

— Болтливая. Много улыбается. Говорит, что думает.

— В доме уже есть ты. Тихо всё равно не будет.

Клэр остановилась.

— Ты сейчас назвал меня шумной?

— Я этого не говорил.

— Но именно это имел в виду.

Габриэль взял её за руку и повёл дальше к парковке. Клэр продолжала возмущаться, хотя улыбку скрыть не могла.

Поначалу Эллиот не понимал, что такое младшая сестра. Клэр положила его ладонь на небольшую округлость, уже появившуюся на животе.

— Здесь твоя сестрёнка.

Эллиот посмотрел на живот, затем легонько хлопнул по нему ладонью. Габриэль тут же поймал его руку.

— Осторожно.

Эллиот поднял глаза на отца, явно не понимая, что сделал не так. Клэр рассмеялась и притянула его к себе.

— Теперь папа переживает и за тебя, и за сестрёнку.

— Он слишком сильно ударил, — сказал Габриэль.

— Он поздоровался.

— Можно поздороваться аккуратно.

Габриэль взял руку Эллиота и помог ему медленно и мягко коснуться живота Клэр. Малыш некоторое время смотрел, затем серьёзно произнёс:

— Ляля.

Клэр удивлённо уставилась на него.

— Ты знаешь, что там малыш?

Эллиот повторил:

— Ляля.

Клэр крепко его обняла.

— Какой ты умный.

Габриэль стоял рядом и гладил сына по волосам.

После этого Эллиот иногда сам подходил к матери, касался её живота и бормотал что-то похожее на «сестрёнка» или «ляля».

Беременность утомляла Клэр быстрее, поэтому Габриэль взял на себя ещё больше заботы об Эллиоте. Купал сына, читал ему на ночь книжки с картинками, ходил с ним в ближайший парк, пока Клэр спала днём. Отец и сын стали проводить ещё больше времени вместе.

Эллиот и раньше обожал Габриэля. Теперь каждый раз, когда тот возвращался с работы, ребёнок, держась за мебель, ковылял к нему. Клэр сидела на диване и смотрела, как муж одной рукой поднимает сына, а второй не забывает погладить её по волосам.

— В этом доме скоро будет так шумно, — сказала она.

Габриэль сел рядом с Эллиотом на коленях.

— И сейчас не особенно тихо.

Клэр повернулась и сердито посмотрела на него.

— Эллиот не шумный.

— Месяц назад ты сказала, что он надоедливый.

— Это считается только тогда, когда мы пытаемся отправить его к твоей маме.

Габриэль тихо рассмеялся. Клэр прислонилась к нему и переместила его ладонь на уже заметно округлившийся жи-

ВОТ.

— Скоро нас в семье будет четверо.

— Да.

— Ужин станет ещё хаотичнее. Может, мы вообще никогда больше не будем спать.

— Я знаю.

— Ты пожалеешь?

Габриэль посмотрел на Эллиота, который спокойно играл с пуговицей на его рубашке, затем почувствовал под второй рукой ещё не родившуюся дочь.

— Нет.

Клэр подняла голову.

— Совсем?

— Совсем.

Довольная ответом, она снова устроилась у него на груди. Эллиот, всё ещё сидевший у отца на коленях, протянул руку и коснулся живота Клэр.

— Ляля.

Клэр взяла его маленькую ладонь и улыбнулась.

Им всего лишь хотелось одной давно заслуженной ночи вдвоём. А вместо этого та короткая, сладкая ночь тихо привела в их семью четвёртого человека.

ГЛАВА 10

Нас в доме всё больше

В ночь, когда родилась Молли, Габриэль не перепутал

сумки. Когда после полуночи у Клэр начались схватки, он сначала засёк время, потом позвонил Маргарет и попросил приехать посидеть с Эллиотом. Затем поставил у входной двери заранее собранную сумку, документы для больницы и ключи от машины. Ничего не забыл. Даже заранее помог Клэр надеть пальто и обувь.

Клэр медленно спустилась по лестнице, держась за перила, и увидела мужа у двери — он снова проверял сумку.

— Ты уверен, что в этот раз там нет моих красок?

Габриэль расстегнул молнию и заглянул внутрь.

— Одежда. Документы. Вещи для ребёнка.

— Подгузники?

— Да.

— Бутылочки?

— В больнице наши пока не понадобятся.

— Значит, действительно всё запомнил.

Габриэль поднял на неё глаза.

— В прошлый раз я всего дважды взял не ту сумку.

— Дважды — это много, когда впервые становишься отцом.

Он не успел ответить: началась очередная схватка. Клэр нахмурилась и схватилась за его руку. Выражение лица Габриэля тут же стало напряжённым. Она продышала боль, а когда отпустило, посмотрела на него.

— Ты ведь уже проходил через это?

— Да.

— Тогда почему опять так выглядишь?

— Опыт не означает, что тебе не будет больно.

Клэр ненадолго замолчала. Сильнее сжала его руку, и часть внутреннего напряжения отпустила.

— Поехали знакомиться с нашей дочкой.

Первый крик Молли оказался громче, чем когда-то у Эллиота. Стоило медсестре поднять её, как родильную палату наполнил резкий, сильный вопль. Клэр от усталости едва держала глаза открытыми, но всё равно рассмеялась.

— Почему она такая громкая?

Медсестра улыбнулась.

— Энергии у неё хватает.

Габриэль стоял рядом с кроватью и не отрывал глаз от новорождённой дочери. Он уже не впервые находился в родильной палате, но ладонь, державшая руку Клэр, всё равно была влажной от пота.

Когда медсестра принесла Молли, Клэр легко коснулась её маленького, крепко сморщенного личика.

— Привет, Молли.

Молли продолжала плакать, совершенно не впечатлённая голосом матери. Клэр посмотрела на Габриэля.

— Хочешь взять её?

На этот раз он уже не спрашивал, можно ли. Вымыл руки и осторожно принял ребёнка, поддерживая голову и тело точно так, как показала медсестра. Как только Молли устроилась у него на руках, плач на несколько секунд стих.

Габриэль опустил на неё взгляд.

— Она немного меньше, чем был Эллиот.

Клэр рассмеялась.

— Нельзя сравнивать детей так, будто это две модели одного товара.

— Я не сравниваю.

— Ты буквально только что сравнил их размеры.

— Это было наблюдение.

Молли внезапно снова заплакала, ещё громче. Габриэль поправил её на руках. Клэр посмотрела, как легко и привычно он это сделал, и улыбнулась.

— По крайней мере, теперь ты умеешь держать новорождённого.

— Я уже держал новорождённого.

— Вот, опять сравниваешь.

Габриэль даже не стал защищаться. Только посмотрел на малышку в своих руках и тихо сказал:

— Я папа.

Выражение лица Клэр смягчилось. Когда он впервые стал отцом, он даже не знал, что говорить Эллиоту. Сейчас всё ещё нервничал, но роль отца уже стала для него естественной.

Вскоре в больницу приехали обе семьи.

Маргарет не смогла сразу прийти к внучке, потому что кому-то нужно было присмотреть за Эллиотом, которому ещё не исполнилось двух. Она дождалась, пока состояние Клэр

и Молли стабилизируется, и только потом привела его в палату за руку.

Эллиот нёс своё маленькое одеяльце и тихо шёл рядом с бабушкой. Увидев Клэр на больничной кровати, он отпустил руку Маргарет и заковылял к ней.

— Мама.

Клэр погладила его по волосам.

— Мама здесь.

Он попытался залезть на кровать, но Габриэль первым поднял его.

— Мама сейчас не может тебя держать.

Эллиот не заплакал. Прислонился к отцу и посмотрел в сторону прозрачной люльки. Молли спала, держа оба кулачка возле лица; щёки всё ещё были чуть красными.

Клэр понизила голос.

— Это твоя сестрёнка.

Эллиот долго смотрел на неё.

— Ляля?

— Да. Малышка. Её зовут Молли.

Габриэль поднёс его ближе.

— Хочешь потрогать сестрёнку?

Эллиот протянул руку и осторожно коснулся щеки Молли. Почти сразу же после прикосновения она открыла глаза и пронзительно закричала. Эллиот резко отдернул руку и прижался к Габриэлю. На лице появилось беспокойство, словно он решил, что сделал ей больно.

— Ты не виноват, — тут же сказал Габриэль.

Эллиот продолжал смотреть на плачущую сестру.

— Она много плачет, — добавил Габриэль.

Клэр посмотрела на него с кровати.

— Она живёт всего несколько часов, а ты уже решил, что ей нравится плакать?

— Каждый раз, когда она не спит, она плачет.

— Новорождённые плачут.

Словно решив поддержать отцовский аргумент, Молли снова прибавила громкости. Рафаэль стоял рядом совершенно счастливый.

— Сильные лёгкие.

София посмотрела на племянницу.

— Она просто громкая.

— Для новорождённых это нормально, — сказала Маргарет.

Нора уже достала телефон и обходила люльку, фотографируя малышку со всех сторон.

— Волос у неё больше, чем было у Эллиота.

Клэр посмотрела на неё.

— Ты серьёзно помнишь, сколько волос было у Эллиота при рождении?

— Конечно. У меня фотографии есть.

Дайан подошла к кровати дочери, сначала убедилась, что Клэр удобно, и лишь потом посмотрела на внучку.

— Глаза похожи на твои.

Роберт, стоявший позади, заметил:

— У неё глаза закрыты.

— Всё равно видно.

Роберт присмотрелся к ребёнку.

— Рот похож на Габриэля.

София тут же сказала:

— Она плачет.

Семья ещё долго спорила, на кого похожа Молли. Сама Молли надолго не замолкала. Только когда Габриэль держал её на руках и слегка покачивался, плач становился тише.

Эллиот молча наблюдал за сестрой. А потом неожиданно протянул своё одеяльце в сторону люльки. Клэр увидела это — и глаза тут же защипало от слёз.

— Ты хочешь отдать сестрёнке своё одеяльце?

Эллиот ничего не сказал. Просто продолжал держать руку вытянутой. Это было маленькое одеяло, с которым он спал с младенчества. Габриэль погладил сына по волосам.

— У неё есть своё.

Эллиот подумал и прижал одеяльце обратно к себе.

— Видимо, любовь пока не настолько глубокая, — сказала София.

Клэр рассмеялась так сильно, что боль отозвалась в теле и пришлось прижать ладонь к швам.

Когда Молли приехала домой, Габриэль быстро выяснил: её поведение в больнице вовсе не было случайностью. Его дочь действительно умела плакать.

Эллиот младенцем тоже плакал по множеству причин, но после еды, чистого подгузника и некоторого времени на руках обычно успокаивался. С Молли всё было иначе. Она плакала от голода. Плакала из-за мокрого подгузника. Плакала, если в комнате было слишком тепло или одежда чем-то не нравилась. Стоило Габриэлю держать её под неудобным для неё углом, как она тут же открывала рот и выражала протест.

Иногда Клэр и Габриэль перебирали все возможные причины, а она всё равно лежала в кроватке со сжатыми кулачками и громко сообщала миру о своём недовольстве.

На третью ночь дома Молли плакала с часу до трёх. Клэр сидела на краю кровати с дочерью на руках. Волосы рассыпались по плечам, глаза покраснели от недосыпа.

— Чего она хочет?

Габриэль стоял перед ней и снова проверял подгузник.

— Поменяли.

— Она поела.

— Температура нормальная.

— Живот?

— Воздух уже отрыгнула.

Молли продолжала кричать. Шум разбудил и Эллиота. Он появился в дверях спальни с одеяльцем в руках и молча смотрел на родителей. Он не плакал, как сестра, но выглядел измученным и встревоженным.

Габриэль подошёл и поднял его.

— Сестрёнка слишком громко плачет?

Эллиот положил голову отцу на плечо.

— Ляля плачет.

— Да.

— Ляля всё плачет.

— Она пока не умеет говорить.

Клэр, всё ещё державшая Молли, устало посмотрела на мужа.

— У меня такое чувство, что, даже когда научится, она всё равно продолжит.

Габриэль переложил Эллиота на одну руку, а второй потянулся к малышке.

— Отдохни немного.

— Она может не захотеть к тебе.

— Попробуем.

Клэр передала Молли. Держать сразу двоих детей было явно неудобно. Эллиот тихо лежал на левом плече Габриэля, а на другой руке красная от крика Молли продолжала орать. Клэр смотрела на мужа, у которого обе руки были заняты детьми, и почему-то одновременно чувствовала себя измученной и развеселённой.

— Вот теперь ты действительно выглядишь как папа.

Габриэль опустил взгляд на детей.

— А раньше не выглядел?

— Раньше казалось, что ты всё контролируешь.

— А сейчас?

— С Молли контроль невозможен ни для кого.

Дочь услышала своё имя и, похоже, восприняла его как приглашение плакать ещё громче.

Нормально выспаться в ту ночь не удалось никому.

С возрастом Молли не стала тише, как представляла Клэр. До первого дня рождения она выражала каждую потребность плачем. После года начала говорить. И с этого дня в доме больше никогда не было по-настоящему тихо.

Первым осмысленным словом Молли оказалось не «папа» и не «мама».

Это было:

— Нет.

Клэр говорила ей сесть, Молли качала головой.

— Нет.

Габриэль пытался надеть ей обувь, она убирала ноги.

— Нет!

Эллот брал кубик, который Молли всё утро игнорировала, и она тут же прибегала.

— Моё! Нет!

По мере того как рос её словарный запас, она стала комментировать буквально всё, что видела.

— Мама пьёт воду.

— Братик здесь сидит.

— Папа открывает дверь.

— Машина на улице.

— Моя туфля пропала.

Ответ собеседника ей был совершенно не нужен. Она мог-

ла разговаривать сама с собой сколько угодно. Говорила с игрушками. С персонажами мультфильмов по телевизору. Даже отвечала на вопросы вместо молчаливого Эллиота.

Клэр спрашивала:

— Эллиот, что ты хочешь на обед?

Он ещё не успевал открыть рот, как Молли рядом объявляла:

— Братик хочет хлеб. Братик любит хлеб. Молли тоже любит хлеб. Папа любит хлеб. Мама вчера два съела.

Клэр медленно поворачивалась к дочери.

— А зачем всем рассказывать, сколько я съела?

Молли продолжала:

— Мама много ест.

Как раз из кухни вышел Габриэль. Клэр тут же посмотрела на него.

— Ты слышал?

— Да.

— Она сказала, что я много ем.

Габриэль поставил тарелку на стол.

— Она описывает то, что было вчера.

— Почему ты меня не защищаешь?

— Ты действительно съела два.

Клэр уставилась на него в полном недоверии. Молли, сидевшая в своём детском стуле, внезапно выкрикнула:

— Мама много ест!

Эллиот продолжал спокойно есть, словно ничего не слы-

шал. Клэр откинулась назад и театрально вздохнула.

— Почему я родила ребёнка, который такой же шумный, как я?

Габриэль поднял взгляд.

— Может, потому что она пошла в тебя.

Клэр мгновенно повернулась к нему.

— Так ты считаешь меня шумной?

— Я сказал, что она похожа на тебя.

— Чем?

— Любит разговаривать.

— Любить разговаривать и быть шумной — не одно и то же.

Молли, которая слушала разговор, внезапно повторила:

— Мама шумная.

На секунду за столом стало тихо. Клэр медленно посмотрела на мужа. По лицу Габриэля уже расплзалась улыбка.

— Ты её этому научил?

— Нет.

— Тогда почему она вдруг сказала, что мама шумная?

— Только что услышала.

Клэр посмотрела на Молли.

— Мама не шумная.

— Мама шумная.

— Папа шумный.

Молли повернулась к Габриэлю.

— Папа не шумный.

Габриэль наконец рассмеялся вслух. Клэр бросила в него салфеткой.

С двумя детьми их первый дом с каждым месяцем становился всё теснее. Небольшой кабинет после рождения Эллиота уже превратился в детскую. Поначалу Молли жила в одной комнате с братом, но режим сна у них совершенно не совпадал. Если Молли плакала ночью, Эллиот тоже просыпался.

Громко протестовать он не умел. Просто брал одеяльце, выходил из комнаты, босиком становился у спальни родителей и тихо стучал.

— Папа.

Открыв дверь, Габриэль находил сына одного в коридоре.

— Что случилось?

— Сестрёнка плачет.

— Знаю.

— Я не могу спать.

В итоге Габриэлю приходилось сначала приводить Эллиота в родительскую спальню, а уже потом идти разбираться с Молли.

Игрушки постепенно захватили гостиную. Детский стульчик занял место на кухне. В прачечной постоянно лежала гора крошечной одежды. Принадлежности Клэр для рисования распахали по шкафам и под кроватями.

Когда Габриэль работал из дома, Молли подползала к двери кабинета и начинала по ней колотить.

— Папа!

Габриэль сидел в гарнитуре на совещании и не всегда мог ответить. Молли продолжала стучать.

— Папа! Папа! Папа!

Клэр приходила с кухни и поднимала её.

— Папа работает.

— Хочу папу.

— Когда папа закончит.

— Сейчас закончит.

— Он не может закончить сейчас.

Молли извивалась у неё на руках.

— Папа, выходи!

Люди на другом конце звонка Габриэля, скорее всего, прекрасно её слышали. Стоило совещанию закончиться и двери кабинета открыться, как Молли бросалась к его ногам и докладывала обо всём, что произошло, пока он был недоступен.

— Я ела банан. Братик не дал кубик. Мама сказала, папа работает. Я стучала. Папа не вышел.

Габриэль поднимал её на руки.

— У меня было совещание.

— Не надо совещание.

— Мне нужно работать.

— Не надо работать.

Клэр стояла рядом и вздохнула.

— Она уже реорганизовала твою карьеру.

Габриэль посмотрел на дочь.

— А есть мы тогда что будем?

Молли очень серьёзно обдумала проблему.

— Банан.

Чем старше становились дети, тем труднее было найти время только для мужа и жены.

Однажды вечером им наконец удалось уложить и Эллиота, и Молли. Клэр только что приняла душ и забралась в кровать, когда Габриэль притянул её к себе. Давно они не целовались без того, чтобы их прервали. Клэр обняла мужа за шею и едва успела придвинуться, как из радионяни донёсся плач Молли.

Оба остановились.

Клэр закрыла глаза и уткнулась лбом в плечо Габриэля.

— Как думаешь, она чувствует, что мы собираемся делать?

Габриэль посмотрел на радионяню на тумбочке.

— Вряд ли.

— Тогда почему каждый раз выбирает момент идеально?

Плач Молли стал громче. Габриэль ослабил объятия и начал садиться. Клэр схватила его за футболку.

— Ты куда?

— За ней.

— Подожди.

— Она проснулась.

— Десять секунд.

Габриэль посмотрел на неё. Клэр серьёзно досчитала до шести и первой сдалась.

— Ладно. Иди.

Габриэль только открыл дверь спальни, как по коридору раздались тихие шаги. Эллиот шёл к ним с одеяльцем.

— Папа, воды.

В итоге Габриэль пошёл на кухню, а Клэр взяла на руки рыдающую Молли. Пока оба ребёнка снова уснули, прошёл почти час.

Клэр вернулась в спальню и увидела Габриэля, ждавшего на краю кровати. Она рухнула лицом вниз на матрас.

— У меня больше нет сил.

Габриэль накрыл её одеялом.

— Спи.

Клэр открыла один глаз.

— Ты не расстроен?

— Немного.

Она ударила его подушкой. Габриэль поймал её за запястье и снова притянул к себе.

Близость между ними случалась реже, чем раньше, но это не сделало их чужими. Когда Габриэль возвращался домой, он по-прежнему сначала целовал Клэр, а уже потом наклонялся, чтобы поднять того из детей, кто первым успел к нему прибежать.

Иногда, пока Эллиот и Молли смотрели телевизор в гостиной, Клэр и Габриэль крали друг у друга быстрый поце-

луй на кухне. Иногда плечом к плечу собирали игрушки с пола и рассказывали, как прошёл день. Если Клэр от усталости засыпала на диване, Габриэль относил её наверх. А чаще всего они просто ложились рядом и засыпали ещё до того, как успевали договорить.

Однажды ночью Клэр лежала у него на плече и спросила: — У тебя иногда не бывает ощущения, что мы уже почти не муж и жена? Будто просто коллеги, которые вместе управляют детьми?

Габриэль помолчал пару секунд.

— Коллеги не спят в одной кровати.

Клэр подняла голову.

— В последнее время мы в этой кровати буквально только спим.

— Не по моей воле.

Лицо Клэр тут же покраснело. Она схватила лежавшего рядом плюшевого медвежонка Молли и бросила в него. Габриэль поймал игрушку, всё ещё улыбаясь.

К тому времени, когда Молли приближалась к первому дню рождения, стало очевидно: дом слишком мал. Окончательно Клэр убедилась, что им пора переезжать, в один особенно хаотичный день.

Габриэль сидел в кабинете на видеосовещании. Молли стояла снаружи и колотила по двери. Эллиот тихо ждал рядом с книжкой с картинками, потому что Габриэль обещал почитать с ним. Тем временем посудомоечная машина сло-

малась, и из-под кухонных шкафов медленно растекалась вода. Клэр одной рукой держала плачущую дочь, второй пыталась вытирать пол полотенцами.

— Молли, перестань стучать. Папа работает.

— Хочу папу.

— Немного подожди.

— Сейчас.

Эллиот тихо добавил:

— Папа обещал книжку.

— Папа почитает после совещания.

Молли заёрзала у Клэр на руках и сбросила одну туфлю. Клэр наклонилась поднять её. Молли едва не выскользнула. Клэр резко подтянула дочь обратно и при этом сильно потянула поясницу.

Когда Габриэль наконец закончил совещание и открыл дверь кабинета, он увидел жену сидящей прямо на кухонном полу. Вокруг лежали полотенца, игрушки и немытая посуда. Молли наконец успокоилась и прижималась к ней. Эллиот сидел рядом и листал книжку.

Габриэль сразу подошёл.

— Почему ты на полу?

— Я устала.

Сначала он забрал Молли, затем проверил спину Клэр.

— Где болит?

— Просто немного потянула.

— Нужно в больницу?

— Нет.

Клэр прислонилась к шкафу и посмотрела на него снизу вверх.

— Габриэль.

— Мм?

— Нам нужен дом побольше.

Он даже не удивился.

— Хорошо.

Клэр моргнула.

— Тебе не надо сначала подумать?

— Я уже думал.

— Когда?

— Несколько месяцев назад.

Габриэль помог ей подняться.

— Я смотрел цены в этом районе, ипотеку и школьные округа. И посчитал, что мы можем позволить себе с нашим доходом.

Клэр уставилась на него.

— Почему ничего не сказал?

— Ты пока не хотела переезжать.

— Я только сказала, что с этим домом связано много воспоминаний.

— Поэтому ждал, пока ты сама решишь.

Клэр огляделась. Это был первый дом, в котором они жили вместе после свадьбы. Сюда они привезли из больницы и Эллиота, и Молли. На одной стене в гостиной даже остался

отпечаток ладони со дня, когда один из детей учился ходить.

Она любила этот дом. Но теперь их жизнь разрослась за его стены.

Молли, сидевшая у Габриэля на руках, снова принялась комментировать происходящее.

— Вода на полу. Мама сидела на полу. Папа вышел. Братик читал книжку.

Клэр немного послушала и вздохнула.

— Нам правда надо переезжать.

В итоге они выбрали дом в тихом районе Сидар-Риджа. Отдельный двухэтажный дом с четырьмя спальнями, кабинетом, отдельной прачечной, гаражом и огороженным задним двором. Роскошным он не был. Кухня Клэр не особенно понравилась. Зато окна были большими и светлыми, детские комнаты находились рядом с главной спальней, а во дворе детям хватало безопасного места для игр.

На первом просмотре Клэр сразу вышла во двор. Газон был достаточно просторным, а возле забора росло дерево.

— Здесь можно повесить качели.

Габриэль стоял под карнизом и изучал водосточные желоба.

— Надо убедиться, что крыша не протекает.

Клэр оглянулась.

— Ты можешь сначала посмотреть, как здесь красиво?

— Если крыша течёт, красиво не будет.

— Я представляю, где будут играть дети, а ты разглядываешь трубы.

— Сломанные трубы стоят денег.

Клэр отвернулась и решила, что обсуждать с ним романтику бессмысленно.

Наверху она открыла одну спальню.

— Эта будет Эллиота.

Соседнюю, чуть меньшую, можно было отдать Молли. Самая дальняя пока останется гостевой. Габриэль проверил замки на окнах и розетки.

— Что думаешь? — спросила Клэр.

— Хороший школьный округ. До работы добираться нормально. Двор огорожен.

— Я спрашиваю, тебе дом нравится?

Габриэль посмотрел на жену у окна. Солнечный свет падал на её светлые волосы, а снизу доносились голоса детей, оставшихся с риелтором.

— Нравится.

— Из-за самого дома?

— Потому что ты уже начала решать, как мы будем в нём жить.

Клэр наконец снова улыбнулась.

В день переезда приехали помогать обе семьи. Роберт и Рафаэль настаивали, что вполне способны таскать мебель. Стоило им вдвоём поднять шкафчик, как Дайан и Маргарет одновременно их остановили.

— Поставь, — сказала Дайан.

Роберт нахмурился.

— Он не тяжёлый.

— В прошлом месяце у тебя болела спина.

Рафаэль тут же заявил:

— Тогда я один понесу.

Маргарет посмотрела на него.

— И ты поставь.

В итоге настоящую мебель переносили профессиональные грузчики. Софии поручили детей. Эллиот отказался позволять незнакомцам забирать коробку с игрушками и встал, держась обеими руками за её край. Софии пришлось пообещать, что коробку просто везут в новый дом и никто её не выбрасывает.

Молли забралась в пустую картонную коробку и отказалась выходить.

— Это мой дом.

София присела рядом.

— Твой настоящий дом уже в грузовике.

— Я живу здесь.

— Здесь кровати нет.

— Я сплю в коробке.

— И ванной тоже нет.

Молли серьёзно задумалась.

— Мама принесёт ванную.

София пару секунд молчала, затем обернулась в поисках

Клэр.

— Твоя дочь считает, что ты можешь взять туалет с собой.

Клэр, руководившая расстановкой дивана в гостиной, её не услышала.

— Чуть левее.

Габриэль и один из грузчиков уже трижды переставляли диван.

— Здесь? — спросил он.

— Кажется, это уже слишком далеко влево.

Габриэль посмотрел на неё.

— Вернуть, как было?

— До этого он немного криво стоял.

— Ты уверена, что проблема не в стене?

Клэр отошла назад и тщательно оценила положение.

— Совсем чуть-чуть вправо.

Габриэль ничего не сказал. София подошла, неся Молли, которая всё ещё сидела в своей картонной коробке.

— Я впечатлена, что мой брат до сих пор не вышел из себя.

Клэр сразу сказала:

— Он знает, что я просто хочу, чтобы в доме всё было как надо.

Габриэль всё ещё держал ладонь на диване.

— Теперь точно?

— Наверное.

— Наверное?

— Давай пока оставим и посмотрим.

София посмотрела на брата.

— Ты сам выбрал себе жену.

Габриэль спокойно ответил:

— Я знаю.

В тот вечер, когда обе семьи и грузчики разъехались, дом всё ещё был забит нераспакованными коробками. Кухню они полностью разобрать не успели, поэтому сидели на полу гостиной и ели еду навынос.

Эллиот устроился рядом с Клэр и тихо ел хлеб, нарезанный маленькими кусочками. Молли ела и одновременно пересказывала весь день.

— Дедушка двигал вещь. Бабушка сказала «нет». Тётя меня носила. Коробка братика плакала.

Клэр поправила её:

— Коробка не плакала. Братик не хотел, чтобы её трогали.

— Братик плакал.

Эллиот поднял голову.

— Я не плакал.

— Братик плакал.

— Нет.

— Да.

Это была одна из редких тем, по которым Эллиот действительно спорил с сестрой.

Клэр положила голову Габриэлю на плечо и посмотрела на двоих детей среди картонных коробок.

— Мы переехали в дом побольше.

— Да.

— Почему всё равно тесно?

Габриэль посмотрел на игрушки, контейнеры с едой и коробки вокруг.

— Потому что ничего ещё не убрали по местам.

— Думаю, и после распаковки будет тесно.

Молли внезапно поднялась и пришла усесться прямо между родителями.

— Я сижу здесь.

Эллиот тоже придвинулся ближе, прижимая к себе одеяльце. Пространство, которое только что казалось вполне удобным, мгновенно заполнилось.

Клэр посмотрела на Габриэля.

— Видишь?

Габриэль обнял их всех одной рукой.

— Теперь действительно немного тесно.

Через неделю после переезда Габриэля повысили на работе. Его должность изменилась с аналитика по тестированию ПО на старшего аналитика по тестированию ПО. Руководителем он не стал и всей командой не управлял. Просто начал заниматься более сложным тестированием, проверять некоторые отчёты и время от времени обучать новичков. Зарплата выросла. Нагрузка тоже.

Клэр радовалась повышению сильнее самого Габриэля. Она купила небольшой торт и попросила в кондитерской на-

писать на нём: «Поздравляем, старший Габриэль».

Когда вечером Габриэль вернулся домой, оба ребёнка уже ждали за столом. Молли читать не умела, но всё равно повторяла за Клэр:

— Старший папа.

Габриэль снял пальто.

— Кто тебя этому научил?

— Мама.

Клэр подошла и обняла его.

— Поздравляю.

— Название моей должности просто стало длиннее.

— И зарплата тоже.

— И ипотека у нас теперь больше.

Клэр отпустила его и возмущённо посмотрела.

— Зачем говорить такие вещи во время праздника?

— Это правда.

— Ты должен выглядеть гордее.

— Я рад.

— Не видно.

Габриэль поцеловал её в лоб.

— Спасибо за торт.

Эллиот уже не сводил с него глаз. Молли продолжала повторять:

— Старший папа. Старший папа. Хочу торт.

Клэр рассмеялась.

— По крайней мере, твоя дочь тобой очень гордится.

Молли тут же добавила:

— Большой кусок.

Габриэль посмотрел на неё.

— По-моему, она просто хочет торт.

Даже в большем доме Клэр не могла в одиночку справиться с двумя маленькими детьми, школой и хозяйством. После повышения у Габриэля стало больше совещаний и сверхурочной работы. Родители не могли приезжать каждый день. В конце концов они решили нанять постоянную няню на неполный день.

Зои Миллер было двадцать. Она училась в ближайшем университете и уже имела опыт работы с детьми. К собеседованию Клэр подготовила длинный список вопросов.

— Что вы будете делать, если ребёнок начнёт давиться?

Зои спокойно и подробно ответила. Клэр продолжила:

— А если оба ребёнка плачут одновременно?

— Сначала проверю, не травмировался ли кто-то, а потом займусь тем, чья потребность срочнее.

— А если Молли всё время требует включить телевизор?

— Устанавливаю чёткое ограничение по времени и переключаю её внимание на другое занятие.

— А если Эллиот ничего не говорит и просто сидит один?

— Понаблюдаю, нет ли признаков, что он плохо себя чувствует, и спрошу, хочет ли он, чтобы я посидела рядом.

Клэр уже готовилась задавать следующий вопрос, когда Зои заметила сидевшего рядом Габриэля, который записы-

вал ответы. Перед ним была таблица с колонками «опыт», «навыки первой помощи», «график» и «контакты на случай экстренной ситуации».

Зои наконец спросила:

— Это собеседование на няню или корпоративный найм?

Клэр указала на мужа.

— Он всё заносит в таблицы.

Габриэль спокойно сказал:

— Так проще сравнивать.

Зои посмотрела на них обоих и рассмеялась.

После найма она приходила несколько дней в неделю — в основном, когда у Клэр были занятия, медицинские приёмы или другие дела. Молли приняла её почти сразу.

В первый день Зои Молли познакомила её со всеми своими игрушками, а потом тщательно сообщила, что брат не любит разговаривать, в дверь папиного кабинета нельзя стучать, когда он работает, а мама каждый день пьёт очень много воды.

Эллиот сначала молча наблюдал. После нескольких визитов начал садиться рядом с Зои и читать с ней.

Клэр, однако, так и не научилась полностью расслабляться. На занятиях она постоянно проверяла телефон, а вернувшись домой, спрашивала, что именно ел каждый ребёнок, сколько они спали и ссорились ли из-за игрушек.

Габриэль напоминал:

— Зои умеет о них заботиться.

— Я их мать. Конечно, мне нужно знать.

— Матерям тоже иногда нужно на несколько часов отходить от детей.

— Тебе легко говорить.

— На работе я тоже не вижу их каждую минуту.

— Ты к этому привык.

Габриэль взял её за руку.

— И ты привыкнешь.

С Зои их жизнь действительно стала легче. Клэр смогла вернуться к преподаванию. Иногда снова могла рисовать в одиночестве. В некоторые вечера они с Габриэлем даже успевали доесть ужин без перерыва.

Им казалось, жизнь наконец начинает входить в какой-то ритм.

Через несколько месяцев Клэр снова забеременела.

Когда симптомы ранней беременности появились в третий раз, поначалу Клэр списывала всё на усталость после переезда. Каждое утро просыпалась разбитой. От кофе и мяса тошнило. Даже рядом с жареной курицей, которую она обычно любила, теперь невозможно было находиться.

Однажды утром Габриэль жарил на кухне бекон. Клэр вошла, почувствовала запах и сразу подавилась приступом тошноты. Прикрыла рот и бросилась в ванную. Габриэль выключил плиту и пошёл следом.

Клэр стояла на коленях у унитаза, пока от рвоты глаза не покраснели. Молли тоже увязалась за ними.

— Почему маму рвёт?

Габриэль одной рукой собрал волосы Клэр назад.

— Мама плохо себя чувствует.

— Почему она плохо себя чувствует?

— Пока не знаем.

— Она слишком много съела?

Клэр подняла голову.

— Нет.

Молли присела рядом и продолжила расспросы.

— Тогда почему тебя рвёт?

Габриэль поднял дочь.

— Выйди на минутку.

— Я хочу маму.

— Маме нужно отдохнуть.

Эллиот стоял в коридоре и к допросу сестры не присоединялся. Тихо принёс салфетку и протянул Клэр.

В тот момент, когда она её взяла, в голове появилась знакомая мысль. Месячные задерживались.

В то утро Клэр попросила Зои побыть с обоими детьми и одна закрылась в ванной. Вторая полоска на тесте появилась почти сразу. Клэр села на пол и долго смотрела на знакомый результат.

Две полоски она видела уже в третий раз.

Первые два раза сначала приходили удивление и радость. Сейчас она чувствовала только усталость.

Эллиоту ещё не было пяти. Молли едва исполнился год.

Они только что переехали, и жизнь только-только стала казаться управляемой. Клэр наконец вернулась к преподаванию. Наконец снова нашла маленькие отрезки времени, принадлежавшие только ей.

И теперь всё начнётся сначала.

Когда Габриэль вернулся домой, Клэр сидела на краю их кровати. В одной руке держала тест на беременность. Глаза были красными.

Он остановился в дверях.

— Клэр.

Она подняла голову.

— Я снова беременна.

Габриэль не стал сразу радоваться. Подошёл и сел рядом.

— Ты не рада?

Клэр покачала головой.

— Не знаю.

— Это нормально.

— Дело не в том, что я не хочу этого ребёнка.

Она не успела закончить фразу, как слёзы уже потекли по щекам.

— Я просто устала.

Габриэль накрыл её руку своей.

— Я знаю.

— Мы только что переехали. Молли до сих пор во всём нужна помощь. Эллиот тоже маленький. Я только начала чувствовать, что наша жизнь больше не полный хаос.

— Я знаю.

— А теперь снова беременность. Снова роды. Снова ночные кормления.

Габриэль не перебивал. Клэр вытерла слёзы, но голос стал совсем тихим.

— И уже в самом начале мне так плохо.

Он обнял её.

— Ты не обязана радоваться сразу.

Клэр прислонилась к его плечу.

— Но это наш ребёнок.

— А значит, ты будешь её любить.

Габриэль медленно погладил её по спине.

— То, что сейчас ты боишься и устала, не означает, что ты её не любишь.

Клэр закрыла глаза и наконец обняла его обеими руками за талию.

— Тебя только что повесили.

— Повышение не означает, что я перестану заботиться о семье.

— У тебя станет больше работы.

— Я могу изменить график удалённой работы. Зои будет приходить чаще. Мама поможет.

— А ночью?

— Я возьму на себя Эллиота и Молли.

— Тебе тоже нужно отдыхать.

— Разберёмся вместе.

Габриэль поцеловал её в волосы.

— Тебе не придётся нести всё это одной.

Третья беременность и правда оказалась тяжелее первых двух. Клэр рвало почти каждое утро. Её мучило от кофе, мяса, яиц, даже от некоторых средств для стирки. Есть получалось мало, и в первые месяцы она немного похудела.

Врач подтвердил, что ребёнок развивается нормально, и посоветовал Клэр есть чаще маленькими порциями, больше отдыхать и не забывать пить воду. Но дома всё равно оставались двое маленьких детей.

Молли не стала задавать меньше вопросов только потому, что мама беременна. Она часто стояла у ванной и смотрела, как Клэр тошнит.

— Почему маму рвёт?

— Потому что у мамы в животе малыш.

— Почему малыш заставляет маму блевать?

— Мама не знает.

— А что малыш ест?

— Он получает питательные вещества от мамы.

— Что такое питательные вещества?

Клэр закрыла глаза и прислонилась к стене.

— Иди спроси у папы.

Как раз вошёл Габриэль. Молли тут же повернулась к нему.

— Папа, что такое питательные вещества?

Габриэль подал Клэр воду и терпеливо начал объяснять.

Клэр сделала глоток и слушала, как Молли тут же перешла к вопросу, почему питательные вещества находятся внутри мамы.

Наконец Клэр пробормотала:

— Разве ты не говорил, что хочешь дочь, которая будет разговаривать, как я?

Габриэль посмотрел на неё.

— Говорил.

— До меня только сейчас дошло, что стоило ещё раз всё обдумать.

Молли не поняла.

— О чём мама жалеет?

Клэр спрятала лицо у Габриэля на груди.

— Ни о чём.

С увеличением срока у Клэр всё чаще болела спина и сводило ноги. Однажды она несла Молли вниз по лестнице, когда на середине внезапно закружилась голова. Она пошатнулась.

Габриэль как раз вышел из кабинета. Увидев её, он бросился вперёд и забрал Молли.

— Сядь.

— Просто немного голова кружится.

— Почему не позвала меня, чтобы я её понёс?

— Она хотела к маме.

Молли с рук отца потянулась обратно к Клэр.

— Мама держи.

Габриэль её не отдал.

— Маме плохо.

— Мама держи.

Клэр сидела на стуле у лестницы, всё ещё немного бледная.

— Дай её мне.

— Нет.

Голос Габриэля прозвучал твёрже обычного. Уголки рта Молли опустились — она уже была готова заплакать.

Из гостиной вышел Эллиот и протянул сестре руку.

— Молли, пойдём.

Она посмотрела на него, затем неохотно сползла с рук отца. Эллиот увёл её в гостиную к кубикам.

Клэр смотрела, как сын спокойно заботится о младшей сестре, и глаза внезапно наполнились слезами. Габриэль присел перед ней.

— Опять плохо?

— Нет.

— Тогда почему плачешь?

— Мне кажется, последнее время я слишком мало времени провожу с ними.

— Ты каждый день дома.

— Но я всё время либо бегаю в ванную, либо сплю. Молли долго на руках держать не могу.

Габриэль взял её за руку.

— Ты делаешь достаточно.

— Эллиот вместо меня заботится о сестре.

— Он с ней играет.

— Он сам ещё ребёнок.

— Поэтому мы и не просили его заменить тебя.

Клэр опустила взгляд на их сцепленные руки.

— Тебе не кажется, что последнее время со мной трудно?

— Ты носишь нашего третьего ребёнка.

— И?

— Поэтому можешь быть немного трудной.

Клэр рассмеялась сквозь слёзы.

— Это должно меня утешить?

— Да.

— Звучит лениво.

— Но ты рассмеялась.

Она наклонилась вперёд и положила лоб ему на плечо.

— Я правда очень устала.

— Тогда отдыхай.

— Ужин не готов.

— Я приготовлю.

— Дети не купаны.

— Я их искупаю.

— У тебя ещё работа.

— Разберусь позже.

Клэр перестала спорить.

После повышения у Габриэля действительно стало больше работы. Больше совещаний, проверок чужих отчётов,

иногда приходилось поздно вечером решать проблемы перед выпуском новой версии. Но дома он не отстранился.

По утрам готовил завтрак обоим детям перед началом рабочего дня. После работы брал на себя купание, пижамы и сказки на ночь. Когда Клэр особенно мучила тошнота, он убирал ванную и выносил из дома любую еду, запах которой она не могла переносить.

Когда ночью у Клэр сводило ноги, Габриэль почти всегда просыпался вместе с ней. Он садился на край кровати и массировал ей икру, пока спазм постепенно не отпускал.

Иногда Клэр так уставала, что почти не могла держать глаза открытыми, но всё равно спрашивала:

— У тебя завтра разве не совещание?

— Есть.

— Тебе надо спать.

— После того, как нога перестанет болеть.

Клэр лежала на подушках, смотрела, как муж склонился над её ногой, и чувствовала, как страх внутри постепенно успокаивается.

На подробном УЗИ врач подтвердил, что третьим ребёнком снова будет девочка. В итоге они выбрали имя Лили Наварро.

Когда Молли поняла, что у неё будет младшая сестра, она пришла в такой восторг, что каждый день разговаривала с животом Клэр.

— Лили, я твоя сестра.

Говорила утром. Потом за едой. Потом перед сном.

Иногда прикладывала игрушки к животу Клэр.

— Это Лили.

Клэр отвечала:

— Она пока не может взять.

— Почему?

— Она ещё внутри мамы.

— Тогда я положу внутрь.

— Нельзя класть игрушки внутрь мамы.

— Почему?

Клэр закрывала глаза.

— Спроси папу.

Габриэль поднимал голову с другого конца дивана. Молли тут же бежала к нему.

— Папа, почему нельзя положить игрушки маме в живот?

Габриэль терпеливо объяснял.

Эллиот был гораздо молчаливее сестры. Он садился рядом с Клэр и осторожно касался растущего живота. Однажды принёс маленькое одеяло, которым пользовался сам младенцем, и положил рядом с ней.

— Для ляли.

Клэр уставилась на одеяло, которое когда-то он отказался отдавать Молли, и тут же растрогалась до слёз.

— Ты правда хочешь отдать его Лили?

Эллиот кивнул.

— Ей будет холодно.

Клэр притянула сына к себе.

— Ты будешь замечательным старшим братом.

Молли услышала похвалу и сразу втиснулась в объятие.

— Я тоже хорошая сестра.

— Конечно.

— Я буду разговаривать с Лили.

Габриэль сказал рядом:

— В этом никто не сомневается.

Клэр подняла голову.

— Ты намекаешь, что она шумная?

— Я такого не говорил.

Молли тут же добавила:

— Мама шумная.

Лицо Клэр вытянулось.

— Почему именно эту фразу ты запомнила идеально?

Однажды вечером, когда тошнота Клэр наконец немного отступила, она лежала на диване в гостиной, подложив под спину несколько мягких подушек. Габриэль принёс тёплую воду и сел рядом. Эллиот тихо устроился с другой стороны и рассматривал книжку с картинками. Молли сидела на корточках перед диваном и без остановки разговаривала с уже явно округлившимся животом матери.

— Лили, я твоя сестра.

— У меня много игрушек.

— Когда выйдешь, моего кролика брать нельзя.

— Другие можно.

Клэр некоторое время слушала, потом спросила:

— Разве ты не говорила, что поделишься всеми игрушками?

Молли сразу внесла поправку:

— Не кроликом.

— Почему?

— Кролик мой.

Габриэль положил ладонь на живот Клэр. Лили легко шевельнулась под рукой. Глаза Молли расширились.

— Она меня пнула!

— Может, услышала, как ты разговариваешь, — сказала Клэр.

— Ей нравится, когда я говорю.

— А может, она просит тебя помолчать.

— Нет.

Габриэль тихо рассмеялся.

Клэр прислонилась к нему и оглядела гостиную, которая уже снова начинала казаться тесной. По ковру были разбросаны кубики и игрушки. Книжки Эллиота лежали стопкой у журнального столика. Молли всё ещё разговаривала с сестрой, которая ещё не родилась.

— Мы переехали в дом побольше, — сказала Клэр.

— Да.

— Почему всё равно кажется, что здесь тесно?

Габриэль посмотрел на двух детей рядом с ними и на третьего, которого носила его жена.

— Потому что людей в нём становится больше.

Клэр погладила живот.

— Когда-нибудь даже этого дома может не хватить.

— Ещё раз мы не переезжаем.

Она подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я не собираюсь добавлять спальни.

— То есть ты говоришь, что с детьми мы закончили? Или собираешься отправить кого-нибудь спать в гостиную?

Габриэль на мгновение замолчал.

Молли тут же подняла руку.

— Я сплю в гостиной!

Эллиот поднял взгляд от книги.

— Там кровати нет.

— Я на диване.

— Диван мамин.

— Мама спит с папой.

Дети совершенно серьёзно принялись обсуждать будущие спальные места. Клэр послушала их и наконец рассмеялась. Габриэль крепче обнял её.

Их новый дом был гораздо больше старого. Но звуки этой семьи — игрушки, смех, плач, бесконечные разговоры — продолжали заполнять каждую комнату.

Жизнь не стала проще.

Она просто стала громче, насыщеннее и полнее.

ГЛАВА 11

Сразу две хорошие новости

Чуть перевалило за семь утра, а на кухне Наварро уже не осталось ни одного тихого уголка. Тостер едва успел выбросить два ломтика хлеба, как Молли, стоявшая возле своего детского сиденья, громко объявила:

— Мой темнее.

Клэр одной рукой держала Лили, а другой пыталась поставить на стол тарелку с нарезанными фруктами. Она взглянула на тост дочери.

— Он не тёмный. Просто поджарился чуть сильнее.

— У Эллиота жёлтый.

Эллиот сидел на другом конце стола и спокойно завтракал. Он посмотрел на свой тост, затем снова уткнулся в книжку с картинками, лежавшую рядом с тарелкой, явно не собираясь участвовать в обсуждении. Но Молли была ещё далека от завершения.

— Почему у Эллиота жёлтый, а у меня коричневый?

Габриэль стоял у кухонной стойки спиной к детям и собирал Эллиоту школьный обед.

— Потому что твой пробыл в тостере на десять секунд дольше.

— Почему на десять секунд дольше?

— Папа слишком медленно нажал кнопку.

Молли тут же повернулась к нему.

— Папа сделал неправильно.

— Угу.

— Папа должен сказать «прости».

Габриэль положил нарезанный сэндвич в контейнер для обеда и спокойно сказал:

— Прости.

Удовлетворённая Молли кивнула и снова взялась за провинувшийся тост. Клэр наблюдала, как муж без малейшего сопротивления принимает на себя всю вину, и не смогла сдержать улыбку.

— Ты всё лучше умеешь с ней справляться.

— Если с ней спорить, вопросов меньше не становится.

— Я слышала, — тут же заявила Молли.

— Папа говорил не о тебе, — сказала Клэр.

— Папа сказал, что у меня много вопросов.

— У тебя и правда много вопросов.

Молли задумалась над этим очень серьёзно.

— Почему у меня много вопросов?

Клэр закрыла глаза. Она ещё не успела ответить, как Лили потянулась вверх, схватила целую прядь её волос и дёрнула изо всех сил.

— Лили, отпусти.

В год и два месяца младшая Наварро понятия не имела, что это значит. Скорее наоборот — сжала кулачок ещё крепче. Клэр пришлось наклонить голову и попытаться высвободить волосы из крошечных пальцев. Габриэль подошёл и осторожно разжал руку Лили.

— Отпусти маму.

Лили подняла на него глаза и недовольно пискнула, но всё-таки медленно выпустила волосы. Клэр отбросила их за плечо.

— Почему она слушается только тебя?

— Потому что у папы голос ниже, — ответила за него Молли.

— А ты откуда это знаешь?

— Я много чего знаю.

— Мама прекрасно об этом осведомлена.

Габриэль забрал Лили у Клэр и свободной рукой положил упакованный контейнер с обедом в рюкзак Эллиота.

— Обувь надел?

Эллиот кивнул. Габриэль посмотрел вниз и увидел, что шнурки всё ещё развязаны. Эллиот проследил за его взглядом, пару секунд смотрел на свои ботинки, затем тихо сказал:

— Забыл.

— Иди сюда.

Габриэль присел перед ним и завязал шнурки. Эллиоту уже исполнилось пять, и большинство вещей он вполне мог делать сам, но стоило ему зачитаться или о чём-то задуматься, как остальной мир для него просто исчезал. Габриэль не стал его ругать. Закончив узел, он лишь слегка похлопал сына по щиколотке.

— Готово.

Клэр подошла к стойке и потянулась за телефоном, который оставила там раньше. Телефона не было. Она поискала ещё раз.

— Где мой телефон?

Габриэль повернулся к ней с Лили на руках.

— Минуту назад он был на столе.

— Теперь его нет.

Клэр посмотрела на всех троих детей. Эллиот по-прежнему собирал рюкзак и явно телефона не трогал. Лили лежала у Габриэля на плече, засунув два пальца в рот. В конце концов взгляды обоих взрослых остановились на Молли. Та сидела на своём месте и пила молоко с таким видом, будто происходящее не имело к ней абсолютно никакого отношения. Клэр подошла ближе.

— Молли.

— М-м?

— Где мамин телефон?

— Не знаю.

Ответ прозвучал подозрительно быстро. Клэр заглянула под стол и увидела телефон возле ноги Молли. Экран всё ещё светился, показывая длинную последовательность цифр, по которой соединение так и не состоялось. Рядом лежал любимый белый плюшевый кролик Молли. Клэр подняла телефон.

— Зачем ты взяла мамин телефон?

— Кролику надо было позвонить.

— Кому?

— Его маме.

— А где его мама?

Молли показала на старого плюшевого кролика, лежавшего на диване в гостиной. Клэр проверила список последних вызовов.

— Ты ведь никому на самом деле не дозвонишься?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мама Кролика не ответила.

Клэр подняла взгляд на мужа. Уголок губ Габриэля уже начал подниматься.

— Не смейся.

— Она никому не позвонила.

— Дело не в этом.

— А в чём?

— В том, что теперь она умеет брать мой телефон и нажимать случайные кнопки.

— Я не нажимала случайные кнопки, — тут же возмутилась Молли. — Я звонила.

Габриэль наконец тихо рассмеялся. Клэр убрала телефон повыше и указала пальцем на дочь.

— Нельзя брать мамин телефон без разрешения.

— А Кролику?

— Если Кролику что-то нужно, он может сам дойти до гостиной и поговорить со своей мамой.

Похоже, Молли сочла это совершенно логичным и наконец перестала спорить. После завтрака Габриэль стал собирать Эллиота. Утром должна была прийти Зои и посидеть с двумя девочками, а у Клэр после обеда были два занятия по рисованию в школе. Габриэль помог Эллиоту надеть пальто, затем в последний раз проверил, лежат ли в рюкзаке обед и бутылка воды. Клэр пошла в прачечную закончить стирку, которую оставила с вечера.

Доставая несколько детских вещей, она заметила светло-серую рубашку, смятую под всем остальным на самом дне корзины. Вчера Габриэль был в ней на работе. Он бросил её небрежно, хотя обычно хотя бы расправлял грязную одежду перед тем, как положить в корзину. Клэр не придавала этому особого значения и подняла рубашку.

Как только ткань развернулась, ей бросились в глаза несколько тёмно-красных следов возле одного манжета. Ещё одно небольшое пятно было у талии. Кровь уже высохла и впиталась в светло-серую ткань неровными буро-красными разводами. Клэр замерла. Первым делом она машинально посмотрела на собственную руку. Потом внимательнее изучила рубашку. Это был не кетчуп. Не варенье, которым мог испачкать её кто-то из детей. Это была кровь.

— Габриэль.

Она вынесла рубашку из прачечной. Габриэль сидел на корточках у входа и поднимал с пола один из носков Лили. Услышав её голос, он поднял голову.

— Что такое?

— Ты вчера не поранился?

Он встал и посмотрел на свои руки.

— Нет.

Клэр протянула ему рубашку.

— Тогда что это?

Молли до этого сидела на ковре в гостиной и наряжала своего плюшевого кролика. Увидев рубашку, она тут же побежала.

— У папиной рубашки кровь!

— Рубашки не кровоточат, — сказала Клэр. — На ней кровь.

Габриэль посмотрел на засохшие пятна. Секунду-другую он словно пытался вспомнить.

— Вчера на парковке кто-то упал.

— Кто?

— Я его не знаю.

Он взял рубашку и посмотрел на манжет.

— Я уходил с работы. Курьер поскользнулся возле въезда в гараж, содрал ладонь и колено. Я помог ему подняться. Наверное, тогда кровь и попала на меня.

Клэр нахмурилась.

— Он сильно пострадал?

— Нет. Охрана принесла аптечку.

— Почему ты ничего не сказал, когда пришёл домой?

Габриэль посмотрел на неё.

— Потому что он серьёзно не пострадал. Я не думал, что об этом стоит рассказывать.

Молли стояла рядом и смотрела снизу вверх на отца.

— Папа себя убил?

Клэр моргнула.

— Не убил. Поранил. Ты хотела спросить, папа поранился?

Габриэль ответил:

— Нет.

— Тогда чья это кровь?

— Мужчины, который упал.

— Он плакал?

— Не знаю.

— Почему не знаешь?

— Он взрослый.

Молли явно не считала взрослый возраст достаточным доказательством того, что человек не будет плакать.

— Он искал свою маму?

Габриэль на мгновение замолчал, очевидно не зная, что на это ответить. Клэр вмешалась:

— Может быть, тот мужчина сам пошёл домой.

— А где его мама?

— Мама не знает.

— Почему ты не знаешь?

Клэр взглянула на часы.

— Потому что мы с ним не знакомы. Всё, иди надевай

обувь.

Молли явно приготовила ещё один вопрос, но тут заметила на столе половинку банана и побежала обратно. Эллиот всё это время стоял возле входа. В отличие от сестры, он не засыпал родителей вопросами. Только молча посмотрел на рубашку, а затем на отца. Габриэль заметил его взгляд.

— Что такое?

Эллиот покачал головой.

— Ничего.

Он опустил взгляд и поправил лямку рюкзака. Лили разговор взрослых совершенно не интересовал. Увидев рубашку в руке Клэр, она потянулась к самому тёмному пятну. Клэр тут же убрала ткань подальше.

— Не трогай.

Лили нахмурилась и возмущённо пискнула. Габриэль снова взял её на руки. Клэр посмотрела на пятна крови, затем на мужа.

— Если на тебя попала чужая кровь, стоило хотя бы сразу вымыть руки и переодеться.

— Руки я вымыл.

— А рубашка?

— Снял, когда пришёл домой.

— И вот так запихнул её на самое дно?

Габриэль взглянул в сторону прачечной.

— Наверное, не задумался.

Клэр всё равно казалось это немного странным. Габриэль

был очень щепетилен в вопросах чистоты. Если кто-нибудь из детей проливал на него сок, он обрабатывал пятно, едва возвращался домой. Чужая кровь должна была беспокоить его ещё сильнее. Но эта мысль задержалась всего на несколько секунд. Из столовой уже кричала Молли:

— Мой банан сломался!

Клэр обернулась.

— Ты сама его сломала, когда откусила.

— Я хочу целый.

— Целых больше нет.

— Я хочу, чтобы папа его починил.

Габриэль пошёл к ней с Лили на руках. Клэр посмотрела, как муж исчезает среди дочерей, и наконец отнесла рубашку обратно в прачечную. Может быть, вчера он просто устал. Может быть, просто забыл. Она нанесла на пятна средство для выведения загрязнений и отправила рубашку в стиральную машину. Почти сразу после этого раздался звонок в дверь. Скорее всего, пришла Зои.

Через несколько минут Клэр уже совершенно забыла и о рубашке, и о крови на ней.

В субботу утром София появилась у них без предупреждения. Когда Клэр открыла дверь, первой она увидела именно её. И только потом заметила Майкла Картера, стоявшего чуть позади. В руках у Майкла был бумажный пакет с фруктами и закусками. На воротнике его тёмно-серого паль-

то блестили несколько свежих капель дождя.

— Доброе утро, — улыбнулся он.

— Что вы двое здесь делаете?

Клэр отступила в сторону, пропуская их.

— Пришли в гости, — сказала София, снимая пальто.

Клэр подозрительно на неё посмотрела. София почти никогда не заходила просто так. Даже если хотела только повидаться с детьми, обычно сначала писала, чтобы убедиться, что семья дома. А сегодня с ней явно что-то было не так.

Войдя, она не стала с порога жаловаться, какой шумный дом у её брата. Не подхватила сразу Лили на руки. Вместо этого прошла в гостиную, села на диван, затем снова встала, словно не знала, куда деть руки. Майкл протянул бумажный пакет Габриэлю.

— Здесь печенье детям и немного фруктов.

Габриэль взял пакет.

— Спасибо.

София посмотрела на брата.

— Ты кроме «спасибо» вообще что-нибудь умеешь говорить?

Габриэль спокойно спросил:

— А что ещё я должен сказать?

— Ничего.

София снова села и отпила воды из стакана на журнальном столике. Это только сильнее убедило Клэр, что ей есть что сказать. Молли уже подбежала к Майклу.

— Что ты принёс?

— Печенье.

— Какое?

— В форме животных.

— Там есть кролики?

— Наверное.

— Жирафы?

Майкл задумался с совершенно серьёзным видом.

— Я не проверял каждое.

Молли тут же повернулась к Клэр.

— Мам, мне надо проверить.

— После обеда.

— Я только посмотрю. Есть не буду.

— Нет.

Молли тихо вздохнула, словно никто в доме не понимал всей важности её работы. Эллиот сидел на дальнем конце дивана и читал. Лили тем временем, держась за журнальный столик, медленно добралась до Софии и ухватила за штанину. София посмотрела на младшую племянницу, и часть напряжения наконец исчезла с её лица. Она наклонилась и посадила Лили к себе на колени. Клэр села напротив.

— Ты хочешь нам что-то сказать?

София замерла. Майкл посмотрел на неё. Несколько секунд они обменивались взглядами, словно решали, кому говорить первым. Наконец София глубоко вдохнула.

— Я выхожу замуж.

В гостиной на две секунды воцарилась тишина. Первой отреагировала Клэр.

— Что?

— Я сказала, что выхожу замуж.

— Серьёзно?

Клэр вскочила и бросилась её обнимать. У Софии на руках всё ещё сидела Лили, поэтому ей пришлось немного повернуться, чтобы принять объятие.

— Осторожнее с ребёнком.

— Прости.

Клэр ослабила хватку, но была слишком счастлива, чтобы совсем отпустить сестру мужа.

— Ты наконец выходишь замуж!

София нахмурилась.

— Почему у всех первая реакция — «наконец»?

— Потому что раньше, когда кто-нибудь заговаривал о браке, ты всегда говорила, что в нём нет смысла.

— Теперь есть.

Клэр отпустила её и повернулась к Майклу.

— Поздравляю.

Майкл улыбнулся, когда она обняла и его.

— Спасибо.

Габриэль стоял рядом с неизменным выражением лица.

— Поздравляю.

София тут же посмотрела на него.

— Ты можешь хотя бы сделать вид, что твоя родная сестра

выходит замуж?

— Я сказал «поздравляю».

— Вот поэтому я тебя и не люблю.

Габриэль никак не отреагировал. Майкл заметил:

— Вообще-то это немного лучше, чем она предсказывала.

София резко повернулась к нему.

— Ты на чьей стороне?

— В данный момент — на стороне своей невесты.

— Тогда перестань его защищать.

Клэр не удержалась от смеха. Молли слышала достаточно, чтобы тут же прибежать.

— Кто женится?

— Тётя София, — ответила Клэр.

Глаза Молли округлились.

— На ком?

Майкл показал на себя.

— На мне.

— Почему?

София закрыла глаза. Клэр уже представляла, сколько вопросов последует дальше.

— Потому что они любят друг друга, — ответила она, не дав никому из них мучиться.

Молли немедленно спросила:

— А зачем жениться, если кого-то любишь?

Габриэль достал из бумажного пакета коробку печенья в форме животных.

— Ты разве не хотела проверить, есть ли там кролики?
Внимание Молли мгновенно переключилось.

— Хотела.

— После обеда.

— Я только посмотрю.

— Смотреть можно. Есть пока нельзя.

— Хорошо.

Она унесла коробку к Эллиоту и привлекла брата к поискам кроликов. София посмотрела на Габриэля.

— Ты и правда научился обращаться с детьми.

— Её вопросы не заканчиваются.

Клэр снова села напротив Софии.

— Когда вы решили? Когда свадьба? Место уже выбрали? Хотите что-то большое или камерное?

София выслушала поток вопросов и наконец одарила её знакомым многострадальным взглядом.

— Вы с Молли действительно похожи.

Клэр остановилась.

— Я просто рада.

— Планируем небольшую свадьбу, — сказал Майкл. — В основном семья, близкие друзья и несколько коллег, с которыми мы хорошо общаемся.

— Наверное, месяца через два-три, — добавила София и снова подняла стакан с водой.

Клэр заметила на столе свежесваренный кофе. Обычно София наливала себе чашку едва ли не сразу после прихода.

Сегодня она к нему даже не притронулась. И даже после новости о помолвке всё ещё выглядела нервной. Клэр внимательно посмотрела сначала на неё, потом на Майкла.

— Есть что-то ещё, да?

Пальцы Софии крепче сжали стакан. Габриэль тоже поднял взгляд. Майкл не стал отвечать вместо неё. Только протянул руку и коснулся тыльной стороны её ладони. София молчала несколько секунд, а затем всё-таки сказала:

— Я беременна.

На этот раз тишина продлилась дольше. Клэр две полные секунды смотрела на Софию, после чего её взгляд сам собой опустился к пока ещё совершенно плоскому животу.

— Ты беременна?

— Двенадцать недель.

— Так это свадьба по залёту?

— Мы и так собирались пожениться, — тут же возразила София.

Майкл добавил:

— Ребёнок только немного ускорил сроки.

Габриэль спокойно заметил:

— Сильно.

София повернулась и свирепо посмотрела на него.

— Тебе вообще нельзя это комментировать.

— Почему?

— Вы двое отправили Эллиота к маме на одну ночь, и вся семья знает, что случилось после.

Лицо Клэр мгновенно вспыхнуло.

— Это была Молли!

София приподняла бровь.

— Я имени не называла.

— Но именно это ты имела в виду.

— Значит, ты поняла, о чём я.

Майкл опустил взгляд, явно пытаясь спрятать улыбку. Габриэль сидел так, словно обсуждение вообще никак его не касалось. Клэр шлёпнула его по руке.

— Почему ты молчишь?

— А что мне сказать?

— Хотя бы объяснись.

— Тут нечего объяснять.

София наконец рассмеялась. Вместе со смехом исчезло и последнее напряжение в комнате. Клэр снова обняла её — на этот раз осторожнее.

— Поздравляю.

Сначала София напряглась. Через несколько секунд расслабилась в её объятиях.

— Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь? Тошнит? Что сказал врач?

— Пока всё выглядит нормально. Просто придётся чаще приходить на осмотры.

Клэр понимала, что её тревожит. Софии было сорок два. Беременность стала неожиданностью, и вместе с радостью принесла гораздо больше неопределённости, чем могла бы

несколько лет назад. При детях Клэр не стала расспрашивать дальше. Только сжала её руку. Габриэль спросил:

— Врач сказал, что всё в норме?

София посмотрела на брата.

— Всё в норме.

Он кивнул.

— Хорошо.

Всего одно слово. Но София замолчала, и выражение её лица стало мягче.

— Да.

Когда новости были объявлены, Габриэль позвонил родителям и пригласил их вечером на ужин. София собиралась рассказать всё лично, но Маргарет почти сразу уловила что-то в непривычно коротком приглашении сына.

— Что-то случилось? — спросила она по телефону.

Габриэль посмотрел на сестру, сидевшую на диване.

— София сама тебе расскажет.

— Почему ты не можешь сказать сейчас?

— Потому что это её новость.

Маргарет на секунду замолчала.

— Когда ты говоришь таким тоном, я только сильнее начинаю волноваться.

София забрала у него телефон.

— Мам, ничего плохого не случилось.

— Тогда что случилось?

— Расскажем вечером.

— Почему вы с Габриэлем оба не умеете договаривать предложения до конца?

София посмотрела на брата.

— Вот это точно не от меня.

Вечером они все собрались в доме Маргарет и Рафаэля. Клэр пригласила также Дайан, Роберта и Нору. Формально помолвка и беременность были новостями семьи Наварро, но после многих лет совместных дней рождения, праздников и появления троих детей обе семьи давно перестали вести себя как две отдельные компании. Клэр не видела смысла праздновать порознь. Когда все расселись, София снова объявила обе новости.

У Маргарет уже блестели глаза, когда она услышала, что дочь выходит замуж. А когда София добавила, что беременна, слёзы наконец покатались по щекам.

— Почему ты так долго мне не говорила?

София подошла и обняла мать.

— Я хотела дождаться, пока беременность станет немного надёжнее.

— Могла бы сказать раньше.

— Если бы что-то пошло не так, ты бы переживала вместе со мной каждый день.

— Я твоя мать. Мне положено переживать.

Маргарет отстранилась и посмотрела на живот дочери.

— У тебя действительно уже двенадцать недель?

— Да.

— Тошнота есть?

— Иногда. В остальном всё нормально.

— А работа? Врач сказал меньше работать?

— Мам, я беременна. Я всё ещё способна двигаться.

Клэр, сидевшая рядом, тут же посмотрела на Габриэля. Он ответил ей взглядом. Во время своих беременностей Клэр говорила почти слово в слово то же самое. Рафаэль тем временем был так взволнован, что не мог усидеть на месте.

— Когда свадьба? Когда ребёнок должен родиться? Имена уже придумали?

— Свадьбу ещё организуем. Ребёнок родится в следующем году. Имен у нас точно пока нет.

— Мальчик или девочка?

— Ещё не знаем.

— Думаю, мальчик.

София уставилась на него.

— Почему?

— У Габриэля уже две девочки.

— Пол ребёнка не определяется тем, кого семье не хватает.

— Просто предчувствие.

София повернулась к Клэр.

— Разве про Молли он не говорил то же самое?

— Он говорил, что второй ребёнок совершенно точно будет девочкой, — ответила Клэр.

— И я оказался прав, — тут же довольно заявил Рафаэль.

София решила не отвечать. Дайан подошла, взяла её за руки и искренне поздравила. Роберт тем временем заговорил с Майклом о свадебном бюджете и будущих бытовых планах таким тоном, будто проводил официальное собеседование. Нора уже перешла к платью и подружкам невесты.

— Какое платье ты хочешь?

— Что-нибудь простое.

— Насколько простое?

— Без длинного шлейфа. И ничего слишком тяжёлого.

— Цвет?

— Белый.

— Фасон?

София посмотрела на неё.

— Я ещё ничего не примеряла.

Нора тут же достала телефон.

— Я знаю один свадебный салон.

София повернулась к Клэр.

— Почему твоя семья тоже так быстро разгоняется?

— Потому что все этого давно ждали.

— Опять это «давно».

— Привыкнешь.

После ужина Клэр и София вместе убрали посуду на кухне. Все остальные ушли в гостиную обсуждать даты свадьбы. Майкл каким-то образом оказался зажат между Робертом и Рафаэлем, которые задавали ему один практический вопрос

за другим. София протянула Клэр ополоснутую тарелку.

— Такое чувство, будто они готовы принять за меня вообще все решения.

— Потому что рады.

— Я просто выхожу замуж. Я не организую государственную церемонию.

— И ты беременна.

Руки Софии замедлились. Клэр посмотрела на неё.

— Тебе страшно?

София ответила не сразу. Кран всё ещё был открыт, тёплая вода текла по стакану в её руках.

— Немного.

Она закрыла воду.

— Я не собиралась так быстро заводить ребёнка. Когда узнала, очень долго сидела в ванной и смотрела на тест. Честно говоря, сначала решила, что он бракованный.

— Когда я узнала о третьей беременности, я сидела в ванной и плакала.

София повернулась к ней.

— Габриэль мне никогда этого не рассказывал.

— Это касалось меня. Конечно, он не ходил и не рассказывал всем подряд.

— Я думала, он хотя бы попросил семью помочь.

— Нет. Он спросил, не несчастна ли я, а потом долго сидел со мной на полу.

София замолчала. Клэр поставила тарелку в сторону.

— То, что тебе страшно, не означает, что ты будешь плохой матерью.

— Мне сорок два.

— Что говорит врач?

— Сейчас всё нормально. Просто нужно быть осторожнее.

— Тогда делай, как говорит врач.

— У тебя это звучит так просто.

— Это не просто.

Клэр повернулась и прислонилась спиной к столешнице.

— Когда я была беременна Эллиотом, мне казалось, что я не знаю вообще ничего. Потом он родился и постоянно плакал. Мы с Габриэлем стояли ночью в детской и совершенно серьёзно обсуждали, не являемся ли мы в принципе непригодными для воспитания ребёнка.

София всё-таки рассмеялась.

— А теперь у вас трое.

— Поэтому, если мы действительно непригодны, делать что-либо уже слишком поздно.

София посмотрела на свой живот, который пока почти не изменился.

— Я боюсь, что мне не понравится такая жизнь.

— Какая?

— Постоянно не высыпаться. Игрушки повсюду. Кто-то весь день зовёт: «Мама».

Клэр посмотрела в гостиную. Молли рассказывала Майклу о печенье в форме кроликов. Лили сидела на коленях у

Маргарет и всё пыталась схватить её ожерелье. Эллиот тихо прислонился к Габриэлю, пока отец перелистывал для него страницы книги.

— Иногда это очень утомительно, — призналась Клэр. — Иногда мне хочется побыть одной. Иногда я даже спрашивала себя, зачем вообще родила столько детей.

София резко на неё посмотрела.

— Ты правда когда-нибудь жалела?

— Конечно. Особенно когда все трое плачут одновременно.

— Габриэль знает, что ты так думаешь?

— Должен знать. Я каждый раз ему говорю.

София тихо рассмеялась.

— По крайней мере, ты всегда была честной.

— Но усталость не отменяет любви к ним.

Клэр взяла её за руку.

— Тебе не нужно ещё до рождения ребёнка точно знать, какой матерью ты станешь. Сейчас достаточно просто прожить сегодняшний день.

София несколько секунд смотрела на неё.

— Ты всё больше начинаешь говорить как мама.

— Это комплимент?

— Едва ли.

Клэр рассмеялась и обняла её.

— Всё у тебя будет хорошо.

На этот раз София не напряглась. Почти сразу обняла Клэр.

эр в ответ.

— Спасибо.

Через мгновение она тихо добавила:

— Знаешь, с тех пор как Габриэль с тобой, он и правда стал больше похож на человека, у которого есть настоящий дом.

Клэр отпустила её.

— Тебе физически больно признавать, что он хороший муж?

— Очень.

— И хороший отец.

— Это я видела.

София посмотрела в гостиную на брата. Габриэль слушал, как Эллиот объясняет ему одну из картинок в книге, спокойно и внимательно. Голос Молли заполнял почти всю комнату, а он не выглядел даже слегка раздражённым.

— Никогда не думала, что ему понравится такая шумная жизнь, — сказала София.

Клэр улыбнулась.

— У него не было выбора.

— Конечно, был.

София повернулась к ней.

— Он выбрал вас всех.

В конце концов свадьбу назначили через два с половиной месяца. София не хотела ничего вычурного. Они заброниро-

вали ресторан с небольшим садом и пригласили в основном родственников, близких друзей и нескольких коллег. Клэр вызвалась сделать приглашения и простые украшения. Габриэль взял на себя бюджет, список гостей и график площадки. Когда София впервые увидела подготовленную им таблицу, она долго на неё смотрела.

— Я просто выхожу замуж.

— Я знаю.

— Зачем здесь пять вкладок?

— Площадка, еда, гости, расписание и прочие расходы.

— Я уже жалею, что попросила тебя помочь.

Стоявший рядом Майкл изучил таблицу.

— Вообще-то всё очень понятно.

София посмотрела на жениха.

— Не поощряй его.

Задания получили и трое детей. Эллиоту предстояло нести кольца во время церемонии. Узнав об этом, он не выглядел особенно воодушевлённым. Вместо этого серьёзно спросил:

— А если я их уроню?

Габриэль ответил:

— Они будут в коробочке. Не выпадут.

— А если я забуду?

— Папа напомнит.

Только тогда Эллиот кивнул. Молли назначили девочкой с цветами. Как только она узнала, что наденет красивое платье

и будет нести корзинку, тут же начала тренироваться каждый день. Настоящих лепестков ещё не купили, поэтому она нарезала на мелкие кусочки остатки бумаги для поделок Клэр и наполнила ими игрушечную корзину. В воскресенье после обеда Клэр спустилась вниз и обнаружила, что весь пол гостиной покрыт разноцветными обрывками.

Молли надела старое платье, несла игрушечную корзинку и медленно шла из одного конца комнаты в другой. На каждом шаге она набирала горсть бумажек и с драматическим размахом разбрасывала их вокруг.

— Что ты делаешь?

— Тренирую свадьбу Софии.

— Кто сказал тебе нарвать столько бумаги?

— Я.

— Почему ты сначала не спросила маму?

— Потому что мне надо тренироваться.

Клэр приложила ладонь ко лбу. Эллиот сидел на диване и очень серьёзно напомнил сестре:

— Свадьба ещё не началась.

— Мне надо сначала научиться.

Лили сидела на ковре, подняла розовый обрывок и тут же попыталась сунуть его в рот. Клэр поспешила к ней и забрала бумагу.

— Это нельзя есть.

Лили возмутилась и потянулась за следующим кусочком. Из кабинета вышел Габриэль. Как только он увидел пол, его

шаги заметно замедлились.

— Мы только что убрали эту комнату.

Молли повернулась к нему.

— Папа, я девочка с цветами.

— Девочка с цветами.

— Я бросаю цветы.

— Это не цветы.

— Это бумажные цветы.

Габриэль посмотрел на ковёр.

— Кто всё это будет убирать?

Молли без колебаний показала на него.

— Папа.

Клэр наконец расхохоталась. Габриэль посмотрел на жену.

— Ты с ней согласна?

— Она твоя дочь.

— И твоя тоже.

— Но она в меня, так что ты уже должен был привыкнуть.

Габриэль несколько секунд молчал. Потом наклонился и поднял с пола одну бумажку. Клэр подошла с Лили на руках и прислонилась к его плечу.

— Твоя сестра наконец выходит замуж.

— Угу.

— И ты станешь дядей.

— Я уже отец троих детей.

— Быть папой и быть дядей — не одно и то же.

Габриэль посмотрел на Молли, которая всё ещё старательно разбрасывала бумагу.

— Обязанностей, похоже, гораздо меньше.

— Конечно меньше. Тебе не придётся вставать среди ночи и менять подгузник ребёнку своей сестры.

— Мама может попросить помочь.

— Потому что знает, что на тебя можно положиться.

Габриэль посмотрел на Клэр. Она улыбнулась и поцеловала его в щёку. Молли тут же остановилась и закричала:

— Папа поцеловал маму!

Эллиот поднял глаза от книги и сразу снова вернулся к чтению. Габриэль чуть крепче притянул Клэр к себе. Молли пришла в ещё больший восторг.

— Папа ещё и обнимает маму!

Щёки Клэр начали теплеть.

— Продолжай тренироваться быть девочкой с цветами.

— Почему папа обнимает маму?

Габриэль ответил:

— Потому что мама моя жена.

— Майкл тоже будет обнимать Софию?

Клэр ответила:

— Да.

— Когда женишься, можно обниматься?

— Можно обнять того, кто тебе нравится, даже если вы не женаты. Главное, чтобы он тоже хотел, чтобы его обняли.

Молли очень долго обдумывала это правило.

— Тогда я обниму Эллиота.

Она бросила корзинку и налетела на брата. Эллиот едва успел среагировать, прежде чем Молли обвила его шею обеими руками.

— Молли.

— Мне нравится Эллиот.

Эллиот беспомощно посмотрел на родителей, но сестру не оттолкнул. Увидев, что Молли его обнимает, Лили тут же начала вырываться из рук Клэр, требуя поставить её на пол. Через несколько минут все трое детей теснились на одном ковре. Молли без умолку говорила о свадьбах, платьях и цветочных лепестках. Лили тянулась к книге Эллиота, а он пытался не дать обеим сёстрам порвать страницы. Гостиная снова наполнилась их голосами.

Клэр всё ещё прижималась к боку мужа и смотрела на детей с улыбкой, которая никак не сходила с её лица. Испачканная кровью рубашка с утра уже дважды побывала в стиральной машине. Пятна не исчезли полностью, но от них остались только слабые тени. Проходя через прачечную, Габриэль однажды мельком на неё взглянул.

— Всё ещё не отстирывается?

Клэр наносила очередную порцию пятновыводителя.

— Оказывается, кровь отстирывается хуже, чем я думала.

— Если не отойдёт, выбрось.

— Я не стану выбрасывать совершенно нормальную рубашку из-за пары пятен крови. Это расточительство.

— Тогда продолжай стирать.

Из гостиной его позвала Молли — ей нужна была помощь, чтобы найти пропавшую корзинку для цветов. Габриэль ушёл, больше не сказав о рубашке ни слова. Клэр тоже больше о ней не думала. Это было всего лишь маленькое, обычное происшествие посреди их шумной, переполненной жизни.

ГЛАВА 12

Новость, которую никто не заметил

Телевизор в доме Наварро работал с семи утра. На самом деле никто не сидел и не смотрел его. Зои включила местные новости лишь потому, что кухня показалась ей слишком тихой. Но уже через несколько минут голос из телевизора утонул в детских разговорах, звоне посуды и топоте с верхнего этажа.

На кухонной стойке стояли нарезанные фрукты, тосты и три детские тарелки разных цветов. Зои жарила яйца и время от времени оглядывалась, проверяя, действительно ли двое детей за столом завтракают. Эллиот уже был одет в белую рубашку и тёмные брюки.

Пиджак висел на спинке его стула, а галстук-бабочку ещё не завязали. Эллиот сидел очень прямо, ел омлет и иногда поглядывал на маленькую чёрную коробочку с кольцами, которую отец положил рядом. На Молли было нежно-розовое платье девочки с цветами. С самого пробуждения она не

умолкала ни на минуту.

— Моё платье слишком длинное.

Зои положила перед ней тост.

— Несколько минут назад, когда ты его примеряла, оно сидело идеально.

— Теперь оно длиннее.

— Платье не может вырасти за десять минут.

Молли посмотрела на подол.

— Но оно касается моих ног.

— Потому что ты сидишь.

— Когда я стою, тоже касается.

— Так и должно быть.

Это объяснение Молли не устроило.

— А если я на него наступлю?

— Иди медленно и не наступишь.

— А если я пойду слишком быстро?

— Тогда не иди слишком быстро.

— А если тётя София будет ждать слишком долго?

Зои пододвинула к ней молоко.

— Невеста никуда не уйдёт только потому, что ты идёшь медленно.

Молли задумалась.

— А если Майкл уйдёт первым?

— Он тоже не уйдёт.

— Почему?

Зои открыла рот, затем посмотрела через стол на Габри-

эля.

— Этот вопрос отдаю папе.

Габриэль сидел на корточках перед Лили и уже в третий раз пытался вернуть ей на голову светлую повязку. Лили было чуть больше года. Она понятия не имела, что такое свадьба, и совершенно не интересовалась тем, что на ней красивое нарядное платье. Она знала только одно: штука на голове ей мешала. Стоило Габриэлю закрепить повязку, как девочка тут же сорвала её и бросила на пол.

Габриэль поднял её.

— Нельзя всё время её бросать.

Лили посмотрела на него и снова потянулась к повязке.

— Нет.

Словарный запас у неё пока был небольшим, но самое нужное слово она уже освоила идеально. Габриэль снова надел повязку. Лили нахмурилась и тут же подняла руки. Он осторожно перехватил её запястье.

— Пять минут.

— Нет.

— После фотографий снимем.

Разумеется, столь сложное объяснение Лили понять не могла. Она начала извиваться и недовольно хныкать. Зои рассмеялась.

— По-моему, до свадьбы эта повязка не доживёт.

Габриэль увидел, как глаза дочери начинают краснеть, и наконец снял её. Лили мгновенно успокоилась. Из-за стола

Молли объявила:

— Лили победила.

Габриэль поднял на неё взгляд.

— Ешь завтрак.

Молли откусила тост, но рот у неё оставался занят совсем недолго.

— Папа, почему Майкл не уйдёт первым?

Габриэль отложил повязку.

— Потому что это его свадьба.

— А если он нервничает?

— Всё равно не уйдёт.

— Почему?

— Потому что София пойдёт его искать.

Молли несколько секунд обдумывала ответ.

— Она будет на него кричать?

Габриэль ответил не сразу. Зои опустила глаза, стараясь не засмеяться.

— Наверное, нет, — наконец сказал он.

— Но тётя София хорошо умеет кричать.

— Она просто говорит очень прямо.

— Она каждый раз кричит на папу.

Эллиот наконец оторвался от завтрака.

— Не каждый раз.

— Каждый.

— Нет.

— Она говорит, что папа не очень приятный.

Эллиот посмотрел на отца. На лице Габриэля ничего не отразилось.

— Такое она говорила, — признал Эллиот.

Молли тут же победно посмотрела на брата.

— Значит, я права.

Габриэль встал и посадил Лили в высокий стульчик.

— Оба заканчивайте есть.

Именно в этот момент телеведущая повысила голос.

«Сегодня утром полиция подтвердила, что тридцатитрёх-летняя Эмили Доусон, пропавшая девять дней назад, погибла. Её тело обнаружили вчера вечером в заброшенной водопропускной трубе на окраине Норт-Сидар».

Никто не обернулся. Зои застёгивала ремни на стульчике Лили. Габриэль взял галстук-бабочку Эллиота и проверял длину. Молли разрывала тост на маленькие кусочки и пыталась сложить из них цветок на тарелке. На экране появилась фотография женщины. Эмили Доусон была снята в гостиничной форме, тёмные волосы аккуратно собраны, на лице вежливая улыбка.

Под фотографией появились её имя, возраст и дата исчезновения.

«Эмили работала менеджером стойки регистрации в отеле в центре города. Последний раз её достоверно видели живой девять вечеров назад, когда в одиннадцать часов она закончила смену. По данным полиции, женщина покинула отель, но домой так и не вернулась. С одиннадцати двадцати

трёх минут того вечера её телефон выключен».

Зои положила на тарелку Лили небольшой кусочек банана. Вместо того чтобы съесть его, девочка зажала банан в кулаке. Мягкий фрукт тут же размазался по пальцам и рукаву.

— Лили.

Зои потянулась за салфеткой. Девочка подняла руку, собираясь вытереть её прямо о лицо. Габриэль успел перехватить запястье.

— Не вытирай лицо.

— Нет.

— Ты уже испачкала платье.

Молли посмотрела на неё.

— Теперь она не может идти на свадьбу.

— Это всего лишь банан, — сказала Зои. — Отстирается.

— Её платье сломалось.

— Оно не сломалось.

Новостной сюжет продолжался у них за спиной.

«Судебно-медицинская экспертиза пока не сообщила официальную причину смерти, однако полиция подтверждает, что на теле обнаружены повреждения, сходные с предыдущими четырьмя случаями. Часть кожи и мягких тканей жертвы была намеренно удалена. Следователи считают, что место обнаружения тела не является первичным местом преступления».

На экране показали полицейскую ленту вдоль дороги, окружённой лесом. Вдали работали несколько следователей.

За ними едва виднелась заросшая травой водопропускная труба. Репортёр находился на значительном расстоянии, тело в кадр не попало.

«Следствию не удалось обнаружить отпечатки пальцев, орудие преступления или иные биологические следы, которые могли бы прямо указать на подозреваемого. Полиция теперь полагает, что Эмили Доусон могла стать пятой жертвой одного и того же преступника, действующего в последние годы».

На экране по очереди появились пять фотографий. Джудит Мерсер. Лорен Хейз. Томас Эйвери. Райан Холлоуэй. И теперь Эмили Доусон. Ведущая только начала рассказывать дальше, когда сверху раздался голос Клэр:

— Габриэль!

Он поднял голову.

— Что?

— Ты не видел мою вторую серьгу?

— Она лежала на комодке.

— Там её нет!

Клэр появилась наверху лестницы. На ней уже было светло-голубое платье подружки невесты. Половина светлых волос была заколота, остальные свободно падали на плечи. Макياج был готов лишь наполовину: один глаз накрашен, второй ещё нет.

— Я уже везде искала.

Габриэль посмотрел на время.

— Может, Лили взяла.

Клэр тут же посмотрела на младшую дочь. Лили сидела в своём стульчике и была полностью поглощена превращением банана в бесформенную кашу.

— Вчера она не заходила в нашу спальню.

Молли тут же сказала:

— Заходила.

Клэр посмотрела на неё.

— Когда?

— Когда мама была в душе.

— Кто её туда привёл?

Молли опустила голову и отпила молоко.

— Она сама пришла.

Клэр прищурилась.

— Лили сама не может открыть ту дверь.

Молли продолжила пить и ничего не ответила. Габриэль сразу всё понял.

— Ты её туда отвела?

— Она хотела маму.

— Мама была в душе.

— Поэтому я отвела её подождать.

Клэр крепче сжала перила.

— Молли, ты трогала мамину серьгу?

— Нет.

— Точно?

— Я только ненадолго дала Кролику её поносить.

На секунду кухня погрузилась в тишину. Клэр медленно вдохнула.

— Где серьга сейчас?

Молли показала в сторону гостиной.

— У Кролика.

Габриэль подошёл к дивану и быстро снял блестящую серьгу с одного уха белого плюшевого кролика. Клэр уставилась на вещицу в его руке.

— Я ищу её уже двадцать минут.

— Кролик сегодня тоже выходит замуж, — объяснила Молли.

— Кролик на свадьбу не едет.

— Она выходит замуж дома.

Клэр закрыла глаза. Габриэль подошёл и положил серьгу ей на ладонь.

— Нашёл.

— Почему ты вообще не удивлён?

— В прошлый раз она с твоего телефона звонила маме Кролика.

На это Клэр ответить было нечего. Она забрала серьгу и вернулась вверх. К тому времени новостной сюжет уже закончился, и телеканал показывал прогноз погоды. Никто в доме не имел ни малейшего представления, что именно прозвучало по телевизору за эти несколько минут. Зои лишь немного убавила громкость и вернулась к завтраку.

Семья приехала на место свадьбы чуть больше чем за час до начала церемонии.

София и Майкл выбрали небольшой ресторан с садом на окраине Сидар-Ридж. За рестораном располагалась аккуратная лужайка. По центру тянулась белая дорожка, по обе стороны стояли простые деревянные стулья. Белые цветы и нежно-зелёные лианы обвивали свадебную арку. За ней рос ряд деревьев, листья на которых только начинали желтеть.

Как только Клэр вышла из машины, одна из подруг Софии сразу увела её в комнату невесты. Габриэль остался со всеми тремя детьми. Молли стояла на парковке, крепко сжимая корзинку с цветами, и первым делом проверила, достаточно ли в ней лепестков.

— Мало.

Габриэль посмотрел вниз. Корзинка была почти полной.

— Достаточно.

— Не хватит до самого конца дорожки.

— Внутри есть ещё.

— Где?

— Внутри.

— Я хочу увидеть их сейчас.

— Сначала зайди внутрь.

На другой стороне от Габриэля стоял Эллиот. Коробочки с кольцами у него пока не было, и мальчик заметно нервничал.

— Папа.

— Да?

— Где кольца?

Габриэль похлопал по внутреннему карману пиджака.

— Здесь.

— Почему они не у меня?

— Дам тебе перед началом церемонии.

— А если забудешь?

— Не забуду.

— А если тебе кто-нибудь позвонит?

Габриэль посмотрел на него.

— Зачем мне отвечать на звонок?

— Ты отвечаешь на рабочие звонки.

— Сегодня я не работаю.

Эллиот всё ещё выглядел не до конца убеждённым.

— Ты точно дашь мне их до начала?

— Да.

— Точно?

— Точно.

Габриэль слегка похлопал сына по плечу.

— Отведи сестру внутрь.

Только тогда Эллиот кивнул. Лили держала Зою. Утренняя повязка до свадьбы не дожидаясь. Волосы девочке просто зачесали набок. Банановое пятно на маленьком платье удалось отмыть почти полностью — остался едва заметный след на рукаве, который невозможно было разглядеть, если не знать, где искать.

— Хочешь, я всё время буду держать её? — спросила Зоя.

— Когда начнётся церемония, её возьмёт мама, — ответил Габриэль. — А ты можешь сесть сзади и немного отдохнуть.

Зои улыбнулась.

— Не уверена, что сегодня она согласится идти к кому-то ещё.

Лили лежала у неё на плече, обеими руками вцепившись в одежду. Габриэль протянул руки.

— Иди ко мне.

Лили посмотрела на отца, несколько секунд колебалась, затем всё-таки потянулась к нему. Габриэль взял её. Молли сразу спросила:

— Почему папа несёт Лили, а меня нет?

— Потому что ты умеешь ходить.

— Я тоже устаю.

— Спроси ещё раз, когда мы зайдём внутрь.

— А если я уже устала?

— Ты только что пробежала через всю парковку.

— Вот поэтому я уже устала.

Габриэль посмотрел на неё. Молли смотрела в ответ и явно ждала, когда он сдастся. В конце концов Эллиот протянул сестре руку.

— Я пойду с тобой.

Молли обдумала компромисс и согласилась. Двое старших детей пошли по каменной дорожке к саду, а Габриэль с Лили на руках двинулся следом.

Когда Клэр вошла в комнату невесты, София уже была в свадебном платье.

Она выбрала простой фасон — без эффектного длинного шлейфа и тяжёлых украшений. Мягкая белая ткань подчёркивала фигуру, а талия была скроена достаточно свободно, чтобы не давить на живот, который пока ещё совсем не изменился. Клэр стояла сзади и снова поправляла фату.

— Перестань двигаться.

— Я не двигаюсь.

— Ты всё время поворачиваешь голову.

— Потому что мне кажется, что она криво.

— Не криво.

— Слева будто ниже, чем справа.

Клэр встретила с ней взглядом в зеркале.

— Ты уже четыре раза спросила.

— И?

— И все четыре раза ответ был одинаковым.

София продолжала разглядывать фату.

— Платье не слишком тесное?

— Нет.

— Здесь уже что-нибудь видно?

Она посмотрела на талию. Клэр проследила за её взглядом.

— Совсем ничего.

— Точно?

— Точно. Если только ты не выйдешь и сама не объявишь всем, что внутри уже двенадцатинедельный ребёнок.

София коснулась живота.

— Семья и так знает.

— Остальные гости нет.

— Скажем им после свадьбы.

— Так, наверное, проще.

Клэр расправила ткань на её плече и отступила.

— Ты прекрасна.

София смотрела на своё отражение так, словно до сих пор не привыкла видеть себя такой.

— Никогда не думала, что надену свадебное платье.

— Почему?

— Казалось, слишком много хлопот.

— Теперь жалеешь?

— Поздновато.

Клэр рассмеялась и встала рядом.

— Просто постарайся смотреть на Майкла, а не проверять каждую секунду, не случилось ли чего-нибудь.

— А если случится?

— На свадьбах всегда что-нибудь идёт немного не по плану.

— На вашей тоже?

— Каблуки чуть не уничтожили мне ноги, половина причёски распалась, а с платья оторвалась одна жемчужная пуговица.

София повернулась к ней.

— Это звучит не так уж мелко.

— Как только я увидела, что Габриэль ждёт меня, всё перестало иметь значение.

София помолчала две секунды.

— Не хвали моего брата на моей свадьбе.

Клэр обняла её.

— Ты правда очень нервничаешь.

— Нет.

— Вы с Габриэлем точно брат и сестра.

— Я говорю больше него.

— В этом никто никогда не сомневался.

Из-за двери вдруг донёсся голос Молли:

— Я хочу войти!

Сотрудница мягко ответила:

— Невеста ещё не готова.

— Я девочка с цветами.

— Я знаю.

— Девочкам с цветами можно видеть невесту.

София закрыла глаза.

— Она уже здесь?

Клэр рассмеялась и открыла дверь. Снаружи стояла Молли с корзинкой, за ней Эллиот. Чуть дальше Габриэль держал Лили и разговаривал с координатором о времени. Как только Молли увидела Софию, её глаза засияли.

— Ты такая красивая.

Часть напряжения сразу исчезла с лица Софии.

— Спасибо.

Молли вошла и обошла её кругом.

— У тебя в животе не видно ребёнка.

В комнате воцарилась тишина. Сотрудница в дверях заметно застыла. Клэр тут же наклонилась и закрыла дочери рот рукой.

— Она хочет сказать, что пока ничего не видно.

Молли отодвинула мамину руку.

— Но он там есть.

София посмотрела на сотрудницу.

— Семья уже знает.

Женщина быстро пришла в себя.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Клэр присела рядом с Молли.

— Сегодня нельзя ходить и рассказывать это всем подряд.

— Почему?

— Потому что тётя София сама расскажет, когда будет готова.

— Когда?

— Не сейчас.

— После свадьбы?

— Тоже не сейчас.

— Тогда когда?

Клэр уже начинала жалеть, что вообще пустила её в ком-

нату. Из коридора подошёл Габриэль.

— Молли.

Стоило услышать голос отца, как поток вопросов — по крайней мере временно — прекратился. Габриэль протянул руку.

— Тебе нужно добавить лепестков в корзинку.

Молли тут же повернулась к нему.

— Моих мало.

— Поэтому и пойдём добавим.

Она убежала с корзинкой. Клэр выдохнула. София посмотрела на брата.

— Ты действительно научился с ней справляться.

— Нужно просто найти что-то другое, что ей интересно.

— Звучит как отвлечение подозреваемого.

— Ей три года.

— Именно поэтому с ней сложнее.

За двадцать минут до церемонии сад был почти полностью заполнен. Майкл стоял под аркой и снова и снова поправлял манжеты. Галстук слегка съехал набок. Проходивший мимо Габриэль заметил это и остановился.

— Не двигайся.

Майкл поднял глаза. Габриэль поправил ему галстук.

— Ты выглядишь более нервным, чем я ожидал, — сказал Майкл.

— Я не нервничаю.

— Я про себя.

Руки Габриэля на мгновение замерли.

— Всё будет нормально.

Майкл тихо рассмеялся.

— Это твоя версия поддержки?

— Да.

— Спасибо.

Когда галстук снова сидел ровно, Габриэль отступил. Майкл посмотрел вдаль, где сотрудница свадьбы пыталась догнать Молли.

— Кажется, твоя дочь уже начала разбрасывать лепестки.

Габриэль обернулся. Корзинка Молли была уже наполовину пустой. Она стояла у входа к рядам стульев, аккуратно бросала горсть лепестков на землю, делала два шага и бросала следующую. Сотрудница поспешила к ней.

— Это нужно делать, когда начнётся церемония.

— Я тренируюсь.

— Ты уже очень много тренировалась.

— Здесь по-другому.

Габриэль подошёл и забрал у неё корзинку.

— Пауза.

Молли недовольно посмотрела на него.

— Я ещё не дошла до конца.

— У тебя заканчиваются цветы.

— Внутри есть ещё.

— Они тоже не бесконечные.

— Что такое «бесконечные»?

Габриэль решил не отвечать. Он передал оставшуюся корзинку координатору и посмотрел на Эллиота неподалёку. Сын всё ещё ждал колец. Габриэль достал чёрную коробочку из внутреннего кармана пиджака и вложил ему в руки. Эллиот тут же обхватил её обеими ладонями.

— Внутри два?

— Да.

— Ты проверил?

— Проверил.

— Можно открыть?

— Не надо.

— Почему?

— Могут выпасть.

Эллиот сразу сжал коробочку крепче.

— Я не буду открывать.

— Хорошо.

— А если кто-нибудь захочет забрать?

— Когда начнётся церемония, отдай её ведущему.

— Когда он попросит?

— Когда дойдёшь до арки, он тебе скажет.

Эллиот посмотрел на ведущего, стоявшего возле арки.

— А если он будет говорить слишком тихо?

Габриэль присел, чтобы оказаться с сыном на одном уровне.

— Папа будет рядом. Если не поймёшь, что делать, по-

смотри на меня.

Эллиот наконец немного расслабился.

— Хорошо.

Лили, напротив, совершенно не собиралась подчиняться свадебному расписанию. Маргарет попыталась взять её, но девочка обвила шею Габриэля обеими руками и отказалась отпустить.

— Бабушка немного тебя подержит, — сказал Габриэль.

— Нет.

— Папе нужно встать впереди.

— Нет.

Маргарет протянула руки.

— Лили, пойдём с бабушкой смотреть цветы.

Девочка уткнулась лицом в плечо отца. Когда из комнаты невесты вышла Клэр, она застала именно эту картину.

— Что с ней?

— Сегодня никому не хочет даваться.

Клэр раскрыла руки.

— К маме?

Лили тут же повернулась к ней. Габриэль передал дочь. Клэр едва успела устроить её на бедре, как из комнаты позвала София:

— Клэр.

Она оглянулась.

— Иду.

Затем посмотрела на Лили и на мужа.

— И что теперь?

Габриэль снова забрал дочь.

— Пока оставлю у себя. Когда церемония начнётся, передам маме.

— Она может заплакать.

— Знаю.

— А как же твоё место?

— Зайду сбоку.

Координатор уже просил всех готовиться. Спорить времени не оставалось. Клэр быстро поцеловала Лили в лоб.

— Побудь хорошей девочкой совсем немного.

Лили схватила маму за палец и не хотела отпускать. Габриэль осторожно разжал её руку.

— Маме нужно быть с Софией.

Губы Лили тут же поползли вниз. Клэр едва заставила себя уйти. Габриэль сказал:

— Я о ней позабочусь.

— Точно?

— Угу.

Только после этого Клэр вернулась к невесте.

Когда заиграла музыка, сад постепенно затих. Габриэль стоял сбоку от прохода, всё ещё держа Лили. Маргарет сидела в первом ряду, готовая в любой момент забрать внучку. Майкл стоял под аркой и не отрывал взгляда от дальнего конца дорожки. По плану Молли должна была дожждатьсяся

смены музыки и только после этого выйти.

Первая мелодия едва началась, когда она решила, что уже её очередь. Координатор не успела остановить девочку: Молли подняла корзинку и торжественно вышла. Все гости повернули головы. Она шла с невероятно сосредоточенным видом. Набрала первую горсть лепестков и со всей силы метнула в сторону. Почти все пролетели мимо дорожки и упали на колени и обувь одного из гостей. Тот рассмеялся. Молли остановилась и посмотрела на него.

— Это цветы.

— Я знаю. Спасибо.

Убедившись, что её работу должным образом оценили, она продолжила. Вторая и третья горсти легли столь же непредсказуемо. К середине прохода корзинка опустела больше чем наполовину. Молли посмотрела внутрь и остановилась. Сбоку тихо сказал Габриэль:

— Иди дальше.

Она посмотрела на него.

— У меня больше нет цветов!

Её голос разнёсся по всему саду. Среди гостей прокатился смех. Габриэль показал вперёд.

— Просто иди дальше.

— Но цветов нет.

— Ты уже насыпала достаточно.

Молли всё ещё выглядела так, будто задание осталось невыполненным, но по знаку отца пошла к арке. Дойдя, она

не сразу отошла в сторону. Сначала обернулась и внимательно осмотрела путь за собой, явно оценивая качество собственной работы. Сотруднице пришлось мягко взять её за руку и отвести на нужное место. Настала очередь Эллиота.

Он держал коробочку обеими руками и шёл мучительно медленно, осторожно переставляя ноги. За то время, за которое Молли прошла весь проход, Эллиот добрался лишь до середины. Никто его не торопил. Габриэль оставался сбоку и наблюдал за сыном. Время от времени Эллиот поднимал глаза, чтобы убедиться, что отец всё ещё на месте, и только после этого делал ещё несколько шагов. Наконец он дошёл до ведущего. Тот протянул руку.

Эллиот не сразу отдал коробочку.

— Вам уже сейчас?

Ведущий моргнул, затем улыбнулся.

— Да. Сейчас — самое время.

Эллиот посмотрел на отца. Габриэль слегка кивнул. Только тогда мальчик передал кольца. Выполнив свою задачу, он заметно расслабился и тихо встал рядом с сестрой. Музыка снова сменилась. В дальнем конце прохода появился Рафаэль с Софией под руку. У Маргарет мгновенно навернулись слёзы.

София выглядела гораздо спокойнее, чем в комнате невесты. Она больше не проверяла платье и не переживала, ровно ли лежит фата. Смотрела только на Майкла. Клэр шла следом, держа букет. На половине пути Лили наконец заме-

тила мать. Она завертелась на руках у Габриэля и потянулась к ней.

— Мама!

Церемония, едва успевшая по-настоящему затихнуть, снова была прервана ребёнком. Несколько гостей обернулись. Клэр тоже посмотрела назад. Габриэль погладил Лили по спине.

— Мама впереди.

Лили продолжала тянуть руки.

— Мама!

Клэр могла лишь улыбнуться ей издалека. Не получив желанного объятия, Лили задрожала губами. Маргарет сразу встала.

— Дай её мне.

На этот раз девочка согласилась пойти к бабушке. Габриэль вернулся на своё место. Проходя мимо него, София на мгновение задержала на брате взгляд. Казалось, она хотела что-то сказать, но просто продолжила идти к Майклу.

Сама церемония прошла спокойнее, чем ожидала Клэр. Клятвы Майкла были короткими.

Он не говорил возвышенными словами. Просто пообещал оставаться рядом с Софией и вместе с ней принять ребёнка, которого они скоро встретят, даже если будущая жизнь окажется совсем не такой, как они когда-то планировали. К концу его речи глаза Софии заметно покраснели. Когда при-

шла её очередь, она долго молчала.

— Я не очень умею такие вещи.

Кто-то из гостей тихо засмеялся. София посмотрела на Майкла.

— Раньше я считала, что брак — это просто документы. Никогда не думала, что мне нужна свадьба, чтобы что-то кому-то доказывать. Но рядом с тобой я поняла: некоторые вещи стоит делать, даже если никто от тебя этого не требует.

Голос не дрожал, только стал гораздо мягче обычного.

— Я хочу построить с тобой дом. И хочу, чтобы наш ребёнок знал: его родители осознанно выбрали друг друга.

Майкл крепче сжал её руку. Стоявшая рядом Клэр почувствовала, как у неё самой защемило глаза. После обмена кольцами ведущий объявил их мужем и женой. Майкл наклонился и поцеловал Софию. Молли наблюдала с пристальным интересом. А потом вдруг повернулась и громко крикнула Габриэлю:

— Папа, ты тоже целуешь маму?

Гости, которые только успели снова затихнуть, вновь рассмеялись. Лицо Клэр мгновенно покраснело.

Габриэль не ответил дочери. Только посмотрел через проход на жену, стоявшую рядом с Софией. Клэр издали грозно посмотрела на него, предупреждая, чтобы он не помогал расследованию Молли. Когда церемония закончилась, гости поднялись и зааплодировали. София первым делом обняла Клэр.

— Спасибо.

— Ты была прекрасна.

— Я знаю.

Клэр рассмеялась и отпустила её. Затем София подошла к брату. Габриэль раскрыл руки. Она на секунду замешкалась, но всё же шагнула в объятия.

— Сегодня от тебя была умеренная польза, — пробормотала она.

— Поздравляю.

София отстранилась и посмотрела на него.

— Ты всё ещё знаешь только одну фразу.

— Она работает.

София покачала головой с невольной улыбкой.

— Спасибо.

После церемонии всю семью согнали на другую сторону сада для фотографий. Фотографу потребовалось немало времени, чтобы расставить всех по местам. София и Майкл стояли в центре. Маргарет и Рафаэль — рядом с дочерью. Клэр держала Лили, возле неё стоял Габриэль. Эллиота и Молли поставили впереди. Проблема заключалась в том, что ни один из троих детей не собирався по команде стоять спокойно.

Молли была убеждена, что корзинка должна присутствовать на фотографии. Сотрудница попыталась забрать пустую корзину, но девочка прижала её к груди.

— Я девочка с цветами.

Фотограф сдался и разрешил оставить корзинку. Эллиот стоял идеально прямо, но с таким серьёзным лицом, что казался напряжённым. Фотограф сказал:

— Дружок, можешь улыбнуться?

Эллиот нарочно растянул уголки губ. Получилось куда тревожнее, чем его обычное выражение. Габриэль тихо сказал:

— Просто расслабься.

Эллиот тут же перестал улыбаться вообще. Лили всё пыталась схватить ожерелье Маргарет.

Когда Клэр забрала дочь, та переключилась и потянулась к маминым волосам.

— Лили, нет.

Девочка на мгновение положила голову Клэр на плечо и затихла. Фотограф уже собирался нажать кнопку, когда в кармане пиджака Габриэля завибрировал телефон. Звук был негромким, но Клэр стояла достаточно близко, чтобы заметить. Габриэль достал телефон и посмотрел на экран.

— Кто тебе звонит? — спросила Клэр.

— Мартин.

— Сегодня?

— Возможно, проблема с релизом, который мы выкатали. Клэр слегка нахмурилась.

— Сегодня свадьба Софии.

— Разберусь за минуту.

Телефон снова завибрировал. На этот раз это был входящий звонок. Габриэль извинился перед фотографом, затем посмотрел на Клэр.

— Три минуты.

— Быстрее. Все ждут.

— Хорошо.

Он не уходил куда-то прятаться. Просто отошёл в более тихое место у края сада, оставаясь в поле зрения. Клэр даже видела его профиль. Несколько минут он негромко разговаривал, иногда проверяя экран. Выражение лица было таким же, как всегда, когда он решал рабочие вопросы. Клэр перестала обращать внимание.

Лили снова извивалась на руках, а Молли ушла со своего места, чтобы спросить фотографа, почему у него такой большой фотоаппарат.

— Потому что мне нужно фотографировать много людей,
— терпеливо объяснил он.

— Телефон тоже умеет фотографировать.

— Фотоаппарат даёт мне больше возможностей.

— Папин телефон хорошо фотографирует.

— Молли, — позвала Клэр. — Встань на своё место.

— Папы нет.

— Папа сейчас вернётся.

— Почему он разговаривает по телефону?

— На работе что-то случилось.

— Почему работа не знает, что сегодня свадьба?

— Работа знает. Просто проблемы иногда случаются сами.

Молли явно не могла понять, почему программное обеспечение выбрало для поломки именно день свадьбы. Эллиот, стоявший рядом, посмотрел на отца, всё ещё разговаривавшего по телефону. Ничего не спросил. Через три-четыре минуты Габриэль вернулся. Клэр посмотрела на него.

— Исправил?

— Да.

— Ехать туда не придётся?

— Нет. Я сказал им откатить релиз. В понедельник разберёмся.

— Почему Мартин всегда звонит, когда у нас какое-нибудь семейное событие?

— Проблемы в продакшене не сверяются с календарём. Клэр поправила его сбившийся во время ходьбы галстук.

— Поставь телефон на беззвучный.

Габриэль дважды коснулся экрана.

— Готово.

Он убрал телефон и снова встал рядом с ней.

— Теперь можно фотографировать?

Фотограф выглядел заметно облегчённым.

— Все смотрим сюда.

Молли снова прижала к себе корзинку. Эллиот стоял рядом. Лили по-прежнему оставалась у Клэр на руках, но смотрела не в объектив, а на отца. Габриэль обнял Клэр за талию.

За мгновение до щелчка затвора Молли громко объявила:
— Папа ходил разговаривать по телефону!

Клэр едва не потеряла улыбку.

— Сейчас не разговаривай. Смотри в камеру.

— Но папа правда...

Затвор щёлкнул. На первом снимке рот Молли всё ещё был открыт, Эллиот выглядел болезненно серьёзным, а Лили вообще не смотрела в камеру. Только взрослым сзади удалось сохранить улыбки. Фотограф проверил кадр.

— Давайте ещё один.

Стоявшая в центре София спросила:

— Обязательно?

Майкл тихо рассмеялся.

— Хотя бы один, где все смотрят в камеру.

Во второй раз Габриэль заранее положил руку Молли на плечо и напомнил не разговаривать. Наконец фотография получилась.

С началом банкета дети тише не стали. У Молли были вопросы обо всём.

— Почему у торта три этажа?

— Потому что так красиво, — ответила Клэр.

— Почему не пять?

— Ему не нужно быть таким высоким.

— Почему тётя София не пьёт вино?

Клэр посмотрела на невесту за другим столом.

— Потому что сейчас ей нельзя.

— Почему нельзя?

— Ты знаешь почему.

Молли драматично понизила голос.

— Потому что у неё в животе ребёнок.

— Да. Но не говори так громко.

— Я не громко.

Её шёпот был достаточно громким, чтобы его слышали за двумя соседними столами. Клэр поставила перед ней кусок свадебного торта, временно заняв рот чем-то другим. Эллиот не любил толпу. Поев, он тихо сел рядом с Габриэлем и наблюдал за танцполом. Когда кто-то предложил ему пойти танцевать, он только покачал головой.

Лили засунула пальцы в крем и размазала его прямо по рукаву костюма Габриэля. Он посмотрел на белую полосу и на секунду замолчал. Клэр протянула ему салфетку, стараясь не смеяться.

— По крайней мере, на этот раз не кровь.

Габриэль посмотрел на неё.

— Что?

— Та рубашка несколько дней назад.

— Пятно отстиралось?

— Почти.

— Хорошо.

Он сказал это без особого интереса, опустил голову и начал вытирать крем с рукава.

Клэр больше не думала о тех тёмно-красных следах. Когда музыка сменилась, Майкл пригласил Софию на танцпол. Начали вставать и другие пары. Габриэль протянул Клэр руку.

— Потанцуем?

Она посмотрела на детей. Зои помогала Молли с тортом. Эллиот спокойно сидел рядом, а Лили уже забрала Дайан.

— Немного.

Клэр вложила ладонь в его руку. Выходя на танцпол, она вдруг вспомнила их собственную свадьбу. Тогда детей ещё не было. Не было Молли с бесконечным запасом вопросов. Никому не приходилось перед танцем проверять, где бутылочки и подгузники. Габриэль положил руку ей на талию.

— О чём думаешь?

— О нашей свадьбе.

— Угу.

— Тогда было гораздо тише.

— У нас не было детей.

Клэр подошла чуть ближе.

— Скучаешь?

— По чему?

— По тому времени, когда были только мы вдвоём.

Габриэль посмотрел на неё.

— Иногда.

— Значит, ты всё-таки считаешь их надоедливými.

— Это ты первая сказала.

— Мне можно. Тебе нельзя.

Габриэль тихо рассмеялся. Клэр обвила руками его плечи. Они не протанцевали и минуты, как от стола прибежала Молли.

— Я тоже хочу танцевать.

Габриэль посмотрел вниз.

— Ты ела торт.

— Я закончила.

— У тебя крем на губах.

Молли подняла обе руки.

— Папа, возьми меня.

Габриэлю ничего не оставалось, кроме как поднять её. Танец для двоих мгновенно превратился в танец втроём. Через мгновение подошёл и Эллиот. Клэр протянула ему руку.

— Хочешь с нами?

Эллиот поколебался, затем взял её. Дайан увидела, что происходит, и принесла Лили. В конце концов все пятеро теснились на краю танцпола, уже почти не танцуя. Молли без умолку говорила у отца на плече. Лили тянулась к серьге Клэр. Эллиот смотрел под ноги, старательно не наступая на чужие. Клэр посмотрела на всех и вдруг рассмеялась. Габриэль спросил:

— Что?

— Ничего.

Она наклонилась ближе.

— Просто каждый раз, когда мы пытаемся хотя бы минуту побыть вдвоём, получается вот так.

Габриэль посмотрел на троих детей вокруг них.

— Я привык.

— Правда ни о чём не жалеешь?

— Нет.

Клэр поднялась на носки и поцеловала его у уголка губ.

Молли тут же объявила:

— Папа поцеловал маму!

Несколько гостей поблизости рассмеялись и обернулись.

Лицо Клэр стало ярко-красным. Габриэль лишь удобнее перехватил дочь и поцеловал Клэр в лоб. Молли пришла в ещё больший восторг.

— Он опять это сделал!

Клэр закрыла дочери рот рукой.

— Необязательно объявлять всем обо всём.

Молли убрала мамину ладонь.

— Но все и так видели.

На этот раз даже Габриэль не удержался от смеха. Свадьба продолжалась вокруг них — музыка, разговоры и детский шум заполняли весь вечер.

ГЛАВА 13

Просто работа

В подвале горела только одна временная рабочая лампа. Её провод свисал с незаконченного потолка, а металлический плафон слегка покачивался в воздухе, то растягивая тень мужчины по полу, то снова укорачивая её. Стены ещё

не успели полностью покрасить.

На серовато-белом бетоне оставались строительные отметки. В одном углу несколько мешков со стройматериалами лежали так долго, что успели отсыреть. В центре помещения находился неиспользуемый слив в полу. От него в стороны была расстелена прозрачная полиэтиленовая плёнка, закрывавшая почти весь пол. К металлическому стулу был привязан мужчина.

Его руки стянули за спинкой, каждую лодыжку привязали к отдельной ножке. Каждый раз, когда он дёргался, стул ударялся о пол, а металлические ножки с резким прерывистым скрежетом царапали бетон. Губы мужчины были разбиты.

Кровь заполняла промежутки между несколькими зубами. Слюна смешивалась с тёмно-красной жидкостью и непрерывно стекала с подбородка на грудь. Правый глаз опух почти полностью, одна сторона лица утратила прежние очертания. И всё же он заставил себя поднять голову и посмотрел на человека, стоявшего возле рабочего стола.

— Пожалуйста!

Из-за повреждённого горла голос стал хриплым. С каждым словом изо рта вылетали капли крови и слюны.

— Я не хотел этого!

Ответа не последовало. Мужчина рванулся в путах, сдвинув стул на несколько сантиметров вбок по плёнке.

— Я не думал, что всё так закончится. Клянусь, я не...

Стоявшая перед ним фигура молчала. Тёмная одежда, ру-

ки полностью скрыты перчатками. Рабочая лампа висела достаточно низко, чтобы освещать только тело ниже груди. Лицо оставалось над краем плафона, поглощённое тенью. Дыхание связанного участилось.

— Это был несчастный случай!

Грудь тяжело вздымалась.

— Я извинился! Я заплатил им! Я не знаю, чего ещё ты от меня хочешь!

Фигура медленно протянула руку. На рабочем столе стоял поднос из нержавеющей стали. На нём лежали узкий обвалочный нож, металлический молоток для мяса и несколько аккуратно сложенных белых полотенец. Стоило мужчине увидеть, как рука в перчатке двинулась к инструментам, он забился сильнее.

— Нет!

Металлический стул едва не опрокинулся набок.

— Пожалуйста. Чего бы ты ни хотел, я заплачу. У меня ещё есть деньги. Я могу заплатить больше. Сколько угодно. Отдам всё!

Фигура взяла обвалочный нож. Отточенная кромка поймала свет и вспыхнула тонкой холодно-белой полосой. Мужчина отчаянно попытался отодвинуться, но спинка стула удерживала его на месте.

— Я не хотел, чтобы он умер!

Голос резко сорвался вверх. Фигура остановилась. На мгновение в подвале осталось только рваное дыхание муж-

чины. Кончик ножа медленно приблизился к его лицу. Единственный глаз, который он ещё мог открыть, распахнулся как можно шире; всё тело дрожало.

— Я могу объяснить.

Лезвие остановилось у щеки.

— В ту ночь я был пьян. Я его не видел. Клянусь, я не видел...

Ответа по-прежнему не было.

— Я не специально.

Голос становился всё тише.

— Пожалуйста...

Нож внезапно вернулся на поднос. Металл ударился о металл с чистым звонким звуком. Мужчина замер. На одно короткое мгновение он, кажется, поверил, что слова наконец подействовали. Напряжённые плечи даже слегка опустились. Потом фигура взяла молоток для мяса. Любая надежда исчезла с лица пленника.

— Нет...

Первый удар пришёлся в боковую часть лба. Глухой треск разнёсся по подвалу. Голова мужчины резко дёрнулась в сторону, от силы удара весь стул качнулся. Из рта вырвался звук, едва похожий на человеческую речь, а тело продолжало бороться уже одним инстинктом. Второй удар пришёлся туда же. Из рассечённой кожи брызнула кровь, попав на одежду и маску фигуры. Несколько капель ударились о металлическую стойку под лампой.

Мужчина всё ещё двигался. Из рта вырвалось что-то невнятное — возможно, очередная мольба, а возможно, слова, смысла которых он уже сам не понимал. Третий удар. Четвёртый. Стук ножек стула о бетон становился всё слабее. Голова больше не держалась прямо. Шея обмякла и склонилась набок, а кровь, разможжённые ткани и другие жидкости стекали по лицу на плечо. Фигура не останавливалась. Молоток снова и снова поднимался и опускался.

Пока мужчина не перестал сопротивляться совсем. Пока в подвале не осталось ни одного звука, исходившего от него. Фигура стояла перед стулом, теперь дыша немного тяжелее. С рабочей поверхности молотка капала тёмная жидкость. Прошло немало времени, прежде чем человек поднял руку и пальцем в перчатке стёр маленькую каплю с края маски. Подвал снова затих.

Продолжала покачиваться только лампа над ними. Молоток вернулся на поднос из нержавеющей стали. А затем в помещении тихо зазвучала мелодия без слов.

— М-м...

Низко. Ровно.

— М-м... м-м...

Он напевал себе под нос, протягивая руку к одному из сложенных полотенец. Перед смертью мужчина снова и снова повторял одно и то же. Это был несчастный случай. Его уже наказали. На самом деле правила нарушил кто-то другой. Фигуре было всё равно, правдивы ли хоть какие-то из

этих объяснений. Старый проступок никогда не был причиной его действий. Он был разрешением.

Успокаивало его другое: человек, который когда-то мог отдавать приказы и перекладывать вину на других, теперь не способен контролировать даже ритм собственного дыхания. Живое тело сопротивлялось. Мышцы напрягались при приближении лезвия. Боль разбивала на куски даже самые убедительные оправдания. После смерти всё это прекращалось. Оставалось лишь тело, которое больше ничему не служило и уже начинало пачкаться.

Ему нравился сам процесс разделки.

Не труп.

В понедельник утром в отделе контроля качества Asteron Technologies было тише обычного. В открытом офисе одновременно работали десятки компьютеров. Щёлкали клавиши. По столам скользили мыши. На доске у окон всё ещё оставался график тестирования релиза с прошлой недели; несколько задержанных пунктов были обведены красным маркером. Габриэль сидел за своим столом и просматривал журналы аварийного отката, выполненного на выходных.

Экран занимал длинный список результатов тестов. Он только открыл один из отчётов, когда из переговорной вышел Мартин Хейл. В руках у Мартина была пачка распечатанных страниц, шагал он быстрее обычного. Он прошёл мимо нескольких столов, нигде не остановившись, и направил-

ся прямо к рабочему месту Габриэля. Бумаги с силой легли на стол. Стук клавиатур вокруг заметно стих. Габриэль поднял голову. Лицо Мартина было мрачным.

— Можешь объяснить мне, что это?

Габриэль посмотрел вниз.

— Итоговый отчёт о тестировании, отправленный в пятницу.

— Я знаю, что это.

Мартин даже не пытался говорить тише.

— Я спрашиваю, почему вот такое лежало у меня во входящих с пометкой «проверено и завершено».

Сотрудники поблизости опустили головы. На самом деле уже никто не мог сосредоточиться. Мартина было отчётливо слышно даже через несколько рядов. Габриэль немного отодвинул стул и встал.

— Проблема была в тестах синхронизации состояния входа.

— Я прекрасно знаю, где была проблема.

Мартин вытащил две страницы из стопки и разложил их на столе Габриэля.

— После релиза часть клиентов не смогла войти в систему. Статусы заказов показывались неправильно. Система начала отправлять повторные уведомления. Субботним утром служба поддержки уже захлёбывалась от звонков. Техподдержка работала все выходные. В конце концов нам пришлось откатить релиз.

Он ткнул пальцем в нижнюю часть отчёта.

— И здесь стоит твоя подпись.

Габриэль посмотрел на последнюю страницу.

— Я его утвердил.

— Ты теперь старший специалист. Ты не новичок.

Голос Мартина снова стал громче.

— Если мне самому приходится заново проверять каждую проверку, зачем компании вообще твоё утверждение?

К тому времени отдел почти полностью замолчал. Через проход Итан Парк смотрел в монитор, но его руки уже давно неподвижно зависли над клавиатурой. Мелисса Грант стояла возле принтера с только что забранными документами. Несколько человек в соседнем ряду время от времени поглядывали в их сторону. Габриэль не спорил.

— Я проверял этот раздел. Исправление беру на себя.

Мартин коротко рассмеялся без тени веселья.

— Это не заканчивается только потому, что ты сказал «беру на себя».

Он достал отдельную подборку заметок о последствиях для клиентов.

— Ты знаешь, сколько звонков получила поддержка за выходные? Знаешь, что сказала руководство на сегодняшнем утреннем совещании?

— Я знаю масштаб последствий.

— Правда?

Мартин уставился на него.

— Когда я позвонил тебе на свадьбе, ты сказал, что откат завершён и ситуация под контролем. А сегодня утром мы выяснили, что часть повреждённых данных о статусах восстановилась неправильно.

Голос Габриэля оставался ровным.

— Я повторно проверю затронутые записи и проведу полный регрессионный прогон.

— Когда?

— Отправлю отчёт до того, как уйду сегодня.

Выражение Мартина не смягчилось.

— Мне не нужен отчёт, который ты сделаешь впопыхах только ради того, чтобы сказать, что закончил до конца дня.

— Отправлю после того, как удостоверюсь, что ничего не пропущено.

— Прошлый ты тоже, видимо, проверил, прежде чем подписать.

Казалось, в помещении стало ещё тише. Габриэль не сдвинулся с места и не отвёл взгляд. Мартин указал на бумаги.

— То, что обычно ты работаешь надёжно, не означает, что ты никогда не ошибаешься. И уж точно не означает, что остальные должны убирать за тобой, когда ты ошибся.

— Понимаю.

— Надеюсь, действительно понимаешь.

Мартин собрал документы и оглядел отдел.

— Сегодня повторяем каждый тест, связанный с этим релизом. Если я увижу, что кто-то ставит «пройдено», потому

что просто предполагает, что функция работает, отчёт сразу вернётся к нему на стол.

Затем он снова посмотрел на Габриэля.

— Не заставляй меня второй раз видеть ту же ошибку.

— Не заставлю.

Мартин развернулся и ушёл. Стеклянная дверь его кабинета с силой захлопнулась. В отделе контроля качества ещё несколько секунд царила тишина. Затем снова застучали клавиши. Печатали все тише, чем раньше.

Итан первым подъехал на кресле к столу Габриэля.

— Ты в порядке?

— Да.

— Он слишком далеко зашёл.

Габриэль сел и снова открыл журнал тестов.

— Релиз действительно провалился.

— Это не только твоя вина.

— Я подписал итоговый отчёт.

Итан понизил голос.

— Этот тест выполнял не ты.

Габриэль прокручивал запись шаг за шагом.

— Я его проверял.

— Это не даёт ему права разносить тебя перед всем отделом.

Подошла и Мелисса. Она положила документы рядом со столом Габриэля и заговорила осторожнее Итана.

— В последнее время руководство сильно давит на Мар-

тина, но то, как он это сделал, было неприемлемо.

Габриэль лишь сказал:

— Всё нормально.

Итан уставился на него.

— Ты правда вообще не злишься?

Габриэль помолчал.

— Злость релиз не исправит.

— Но хотя бы помогла бы тебе выглядеть человеком.

Габриэль наконец поднял глаза. Итан тут же поднял обе руки.

— Я не говорю, что ты не человек. Я имею в виду: если бы со мной так разговаривали при всех, я бы, наверное, хлопнул заявлением об увольнении ему на стол.

Мелисса сказала:

— А через десять минут пожалел бы.

— Эти десять минут были бы прекрасны.

Габриэль не ответил. Он снова вернулся к записи теста. Когда стало ясно, что разговор для него закончен, Итан вздохнул и откатился к своему месту. Через несколько минут к Габриэлю медленно подошёл молодой сотрудник. Его звали Оуэн Прайс. Ему было двадцать четыре, в команде тестирования он работал меньше полугода. Именно он выполнял пропущенный набор тестов. Оуэн остановился у стола Габриэля, бледный как полотно.

— Габриэль.

— Да?

— Прости.

Габриэль поднял глаза. Пальцы Оуэна сжимали край блокнота.

— Я пропустил тест входа после обрыва соединения. Проверил только обычный выход из системы. После имитации разрыва не прогнал его заново.

— Я видел запись.

— То, что Мартин сейчас сказал...

Оуэн покосился в сторону кабинета.

— Я могу зайти и всё объяснить. Этот тест был моей ответственностью.

— Не нужно.

— Но из-за меня он накричал на тебя.

Голос Габриэля стал немного холоднее.

— Отчёт подписал я.

— Ты же не можешь лично повторять каждый тест за всеми сотрудниками.

— Нет. Но я должен был убедиться, что критические сценарии выполнены полностью.

Оуэн опустил голову.

— Я правда не хотел его пропустить.

Габриэль несколько секунд смотрел на него.

— Сначала переделай пропущенные шаги.

Оуэн всё ещё не уходил.

— Думаешь, Мартин меня уволит?

— Никто ничего не говорил об увольнении.

— Но если он узнает...

— Рано или поздно он всё равно увидит журналы выполнения.

Габриэль отправил матрицу тестов на учётную запись Оуэна.

— Вместо того чтобы тратить время на страх, повтори все связанные тесты. Не ограничивайся только тем, который пропустил.

На экране Оуэна появилось уведомление о новом письме.

— Сегодня закончу.

— Когда закончишь, сначала отправь мне.

— Хорошо.

Оуэн сделал два шага, затем остановился.

— Спасибо.

Габриэль не ответил. Он уже снова смотрел на данные на экране.

В половине пятого Клэр закончила занятия по рисованию в школе. Она убрала последнюю коробку с красками в шкаф, проверила, закрыты ли все окна, взяла сумочку и вышла. Со свадьбы прошло два дня.

Молли каждый день всё ещё рассказывала о своём платье девочки с цветами и была убеждена, что на свадьбе выступила безупречно. Во время занятия Зои прислала Клэр фотографию. На ней Молли повесила игрушечную корзинку на руку и разбрасывала по гостиной порванные на кусочки сал-

фетки. Эллиот сидел возле дивана с книгой и даже не пытался остановить сестру. Лили шла следом и подбирала обрывки один за другим.

Первым сообщением Клэр спросила, не испорчен ли ковер. Зои ответила: «Я остановила её слишком поздно».

По дороге домой Клэр зашла в кофейню возле школы. Asteron Technologies находилась в том же деловом квартале, и сотрудники компании иногда приходили сюда за кофе после обеда. Клэр стояла в очереди, когда сзади кто-то позвал её.

— Клэр?

Она обернулась и увидела Итана и Мелиссу, вместе вошедших в кофейню. На Итане всё ещё висел рабочий бейдж, рукава рубашки были закатаны до локтей. Мелисса держала телефон и выглядела так, словно только что сбежала с очень долгого совещания.

— Точно ты, — сказал Итан, подходя. — Приехала забрать Габриэля?

— Нет. Сегодня вела занятия неподалёку.

Клэр посмотрела на время.

— Он ещё не закончил, да?

— Сегодня, скорее всего, нескоро.

Итан сказал это буднично, а потом, кажется, вспомнил кое-что.

— Утро и так вышло отвратительным, а теперь ему ещё перепроверять весь отчёт.

Клэр нахмурилась.

— В смысле?

Мелисса тут же посмотрела на Итана. Тот понял, что, вероятно, проговорился.

— Ни в каком.

Клэр это не устроило.

— Что случилось с Габриэлем?

Итан замялся.

— Просто рабочая история.

— Какая рабочая история?

Мелисса тихо сказала:

— На выходных возникла проблема с новым релизом. Сегодня весь отдел занят.

Клэр вспомнила звонок, на который Габриэль отвечал во время свадьбы.

— Тот релиз, из-за которого ему звонили на свадьбе?

— Да.

Итан вздохнул.

— Сегодня утром Мартин едва крышу с отдела не сорвал.

Клэр замерла.

— Мартин кричал на Габриэля?

Мелисса снова посмотрела на Итана.

— Необязательно было описывать это настолько драматично.

— Я не драматизирую. Его слышала соседняя команда.

Клэр сразу посерьёзнела.

— Почему он кричал именно на Габриэля?

— Потому что Габриэль подписал итоговый отчёт. Релиз вызвал серьёзные проблемы, на Мартина давит руководство, поэтому утром он первым делом пришёл с этим отчётом.

— При всех?

— Его слышал весь отдел.

Клэр уставилась на Итана, не веря услышанному.

— А Габриэль что сказал?

— Ничего.

Итан пожал плечами.

— Ни разу даже не попытался оправдаться. Только сказал, что подписал отчёт и возьмёт ответственность на себя.

— Это действительно была его вина?

Мелисса объяснила:

— Сам тест выполнял новый сотрудник и пропустил важный сценарий. Но итоговую проверку делал Габриэль, поэтому часть ответственности на нём действительно есть.

— И это даёт Мартину право унижать его при всех?

— Мы тоже считаем, что Мартин перегнул, — сказала Мелисса. — Но Габриэль, похоже, не собирается делать из этого проблему.

Итан добавил:

— Он всегда такой. Спросишь, злится ли, — ответит, что злость проблему не исправит.

Клэр буквально услышала эту фразу голосом мужа.

— Он мне ничего не сказал.

Итан моргнул.

— Может, не хотел, чтобы ты волновалась.

— Почему он вообще должен скрывать от меня такое?

Мелисса сказала:

— Возможно, сначала хотел разобраться с проблемой.

Они дошли до начала очереди. Клэр заказала кофе, но пока ждала, мысли постоянно возвращались к услышанному. Итан, видимо испугавшись, что рассказал лишнее, добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.